

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2016

Выпуск изображений

Дебютировал картиной «Поколение», которая положила начало Польской школе кинематографа. В 1957 г. он снял «Канал», фильм о трагических судьбах варшавских повстанцев. Затем «Пепел и алмаз» с незабываемой ролью Збигнева Цибульского, по роману Ежи Анджеевского. Военная тематика часто появлялась и в других фильмах Вайды, таких как: «Лётна», «Самсон», «Пейзаж после битвы», «Корчак», «Перстенёк с орлом в короне», «Страстная неделя», «Катынь». Фото: Э. Лемпп. Краков 2004.

Важное место в творчестве польского режиссера занимают экранизации литературной классики, в т.ч.: «Свадьба» по Станиславу Высяньскому, «Бесы» (по роману Ф. М. Достоевского), «Пилат и другие» (по мотивам «Мастера и Маргариты»), «Земля обетованная» (по роману Владислава Реймонта), «Пан Тадеуш» по поэме Адама Мицкевича. В конце 1970-х — начале 1980-х Анджей Вайда снял «Человека из мрамора», «Без наркоза», «Человека из железа», «Дантона». Являлся одним из первых жёстких критиков сталинизма среди кинематографистов социалистических стран. Фото: Э. Лемпп. Зальцбург, 1992.

Последний фильм Вайды «Валенса. Человек из надежды» (2013) считается его лучшим фильмом последних лет. Свой новый фильм, посвященный художнику Владиславу Стщеминьскому, режиссер определяет как политический, о борьбе с системой.

Премьера запланирована на 2016 год.. В марте с.г. Анджею Вайде исполнилось 90 лет. Фото: Э. Лемпп. Краков 2004.

Содержание

1. Польскость, но какая?
2. Умеренный электорат «Права и Справедливости»
3. Хроника (некоторых) текущих событий
4. По горячим следам
5. Уголь и влияние России
6. Дети звезд, потомство Бога
7. Стихотворения
8. Понизив голос
9. Международный конкурс переводов поэзии Виславы Шимборской
10. Стихи Виславы Шимборской
11. Культурная хроника
12. Музыкальный проект «Рембо»
13. Выписки из культурной периодики
14. «С любовью...»
15. Пойдем, раскрасишь мой постапокалипсис в желто-синие цвета
16. Александру Солженицыну открытое письмо

Польскость, но какая?

Стыдно сказать, но задача, состоящая в определении «польскости», кажется мне довольно странной и весьма щепетильной. «Польскость» как тема размышлений требует, прежде всего, задуматься о том, что же должно означать это понятие: «национальный характер», специфические особенности культуры, образ мысли? Состояние сознания? Чьего? «Всех» поляков? «Настоящих» поляков? «Избранных» поляков? А может быть, все-таки «польскость» — это черты, которые полякам приписывают другие: немцы, французы, норвежцы или эстонцы? А если так, то как их привести к общему знаменателю? Ведь мексиканцы видят одним образом, евреи — иначе, а новозеландцы — совсем по-другому. Как видите, уже в самом начале мы имеем дело со страшным материй смешением^[1]. Вдобавок, даже если принять, что «польскость» — это определение состояния некоего «национального самосознания», то непонятно ни то, когда, собственно, эта «польскость» объявилась на нашей планете, ни как она будет выглядеть, когда от поляков останутся одни воспоминания. Верно писал Януш Тазбир: «Начиная со времен Мешко I и заканчивая Второй Речью Посполитой, лишь часть людей, которые, объективно говоря, были поляками, отдавала себе в этом отчет»^[2]. Чтобы еще больше усложнить вопрос, добавим, что не до конца ясно, кто, «объективно говоря», мог бы принадлежать к числу поляков: те, кто сами себя считали поляками, или те, кого мы сегодня поляками называем? Во втором случае немаловажным кажется вопрос: кто обладает мандатом, чтобы судить о чьей-то «польскости» либо из этой «польскости» исключать? На чем основан этот мандат? Сплошные проблемы — тем более что, вероятно, в разные эпохи понятие польскости обозначало разные вещи. Чем была эта «былых поляков вольность и гордыня»^[3], от которой поэт хотел уберечь в неволе их потомков, предостерегая, что верность идентичности, понимаемой таким образом, принесет «петлю, и бревно, и две опоры» да «женщины недолгие рыданья»? Отождествлять ли Польшу с той Сарматией, представителем которой — «Sarmatiae orator regis»^[4] — многие годы оставался при испанском дворе Ян Дантышек^[5]? Придется ли нам согласиться с тем, что писал Конрад Цельтис^[6], прочно связанный с Польшей, как и певец наших

пейзажей Каллимах, в (латинском) стихотворении «О роже сарматок»:

Девы в стране той дурны широкой сарматскою рожей,
Ярко на лицах горит блеск лишь отверстых зениц,
Хочет за очи одни любая красоткой считаться,
Ибо ланиты ее бледность покрыла, как тень.^[7]

И как это сочетается со всеобщим убеждением соотечественников в том, что «лучший витамин — это польские девчата»^[8]?

И что общего у этой Сарматии с современной Польшей? И есть ли вообще смысл — помимо того исторического эпизода, в котором нам довелось сегодня жить — говорить о «нации» как об исторически постоянном явлении?

Пока что одни вопросы, к тому же такие, на которые нет однозначного ответа. И все же, кое-что кажется интересным, а именно: мы в Польше думаем о «польскости» интенсивней и чаще, чем испанцы об «испанскости» или шведы о «шведскости». Причин, конечно, много, но одной из наиболее важных остается то, что как раз тогда, когда в Европе начали формироваться идеи национальных государств, польский народ был лишен политической экзистенции. Так что, если «французскость» развивалась свободно, ощущая себя сильной и не подверженной угрозам сущностью, так же, как с самого начала вела себя «английскость», то «польскость» была вовлечена — именно тогда, когда должна была становиться «польскостью» в современном смысле — в диалектику несвободы и страха за собственное существование. Можно рискнуть заявить, что — за исключением перерыва на межвоенную суверенность — «польскость» пробилась к независимости лишь после 1989 года. Но, пробившись к ней, она все еще не сумела — а возможно, вообще не может — отбросить балласт формы, в которой она была заточена в рабство. Здесь мало помогают призывы — прямо артикулируемые Марией Янион — отбросить «романтическую парадигму», во всяком случае, так ее преобразовать, что «сам романтизм изменит свой способ существования»^[9]

На вопрос о собственной идентичности — ведь, в конце концов, можно и так трактовать вопрос о «польскости» — нет единого и неизменного ответа. Более того, этих ответов много, и их формируют самые разнообразные факторы. По-своему определяет свою «польскость» тот, кто демонстрирует ее в Америке, по-своему тот, кто живет в Казахстане, еще иначе определяют ее люди, остающиеся на родине. Но и в

исторической перспективе «польскость» изменяется, ей постоянно находят новые определения, новые интерпретации. Имеет смысл дополнить два понятия — отчизны и чужбины — еще одним, которое только на первый взгляд является неологизмом, возникшим в пространстве литературных игр: «сынчизны»^[10] Гомбровича. «Сынчизна» кажется здесь попыткой расправиться с «неудобным наследством» нашей литературы, о котором пишет Лидия Бурская^[11]. Достойным внимания выглядит отношение исследовательницы к трилогии Сенкевича, в которой, правда, как она пишет, «романтизм “низко пал”», но, в то же время, ей трудно дать однозначную оценку: «Так была ли «Трилогия» спасительной для “души народа” педагогикой? Не знаю. На одну чашу весов я кладу сердитые и справедливо критические голоса Бжозовского, Гомбровича и тех, кто отождествлял польскость с иными ценностями, нежели Сенкевич. На другую — несколько поколений поляков, которые поднимались на призыв «Трилогии», чтобы воплотить наяву ее сон о Безгрешной либо умереть»^[12]. Что касается второго вопроса — можно добавить — свидетельством могло бы послужить количество почерпнутых из трилогии псевдонимов, использовавшихся в подполье. Однако вопрос, конечно, намного серьезнее. Спор о Сенкевиче, вызванный очерком автора «Фердидурки», имеет неопределимое значение, так как ставит вопрос о поляках как субъектах истории.

«Сынчизна», которую защищает Гомбрович от отчизны (не выступает против, но защищает от!), должна создавать пространство индивидуальной свободы, индивидуального «хочу». Польскость здесь — дело свободного выбора, а не коллективного наследия. Ты сам определяешь ее форму и сам несешь за нее ответственность. Это проект польскости, свободной от комплексов, но свободной и от навязанных традицией обязанностей, от «неудобного наследства». Он писал в «Дневнике»: «Отчасти я чувствую себя Моисеем [...]. Сто лет тому назад литовский поэт выковал форму польского духа, сегодня я, как Моисей, вывожу поляков из рабства этой формы, вывожу поляка из него самого». Весьма проницательно интерпретирует позицию Гомбровича Марта Пивинская, утверждая, что он выводит поляка — а единственное число здесь имеет основополагающее значение — «из “польской формы”, из того “отцовско-отечественного”, что является метаязыком этой культуры»^[13]. Это означает, конечно, попытку сформировать новый метаязык или — что, наверное, точнее — новые индивидуальные метаязыки. Но не означает, как это иногда воспринимается, отказа от самого языка «польскости», того, что составляет ее текстуальность,

телесность.

Однако этот комплекс вопросов довольно трудно перевести на язык социальной практики, в особенности, политики. Это пробует сделать Анджей Менцвель, интерпретируя написанное Густавом Герлингом-Грудзинским предисловие к «Книгам польского народа и польского паломничества», и тем самым стремясь очертить основные идеи создателей парижской «Культуры»: «Мицкевич здесь должен [...] быть “преодолен и обновлен”, а романтизм отдалается и принимается очищенным. То, что следует принять — не проявление жертвенного страдания, а представление об исторической задаче. Коррелятом этой задачи становится не мистическое свойство нации, а “идея польского государства”. Эта идея, в свою очередь, должна переплестись с современными ценностями — солидарностью народов, социализацией нации, эмансипацией индивидов. Поэтому “польская психика” должна быть перестроена, а решение “польской дилеммы действия и слова” перевернуто. Знаменитая максима Норвида о действиях, всегда у нас преждевременных, и книгах, всегда опаздывающих, неоднократно потом повторенная и перефразированная в «Культуре», появляется здесь впервые»^[14].

В сущности, речь идет о достаточно очевидной операции, хотя и затрудненной тем, что в своей истории Польша не имеет опыта просвещенного абсолютизма: речь о гражданизации «польскости», освобождении ее от оков национальной мистики — тем более что, вследствие известной судьбы, она была отмечена клеймом мессианизма, а это привело к замене мышления в социальных категориях мышлением в категориях национальных.

В настоящее время, возможно, больше, чем когда-либо за последние десятилетия, можно наблюдать столкновение двух концепций — или моделей — «польскости». Первая, сильно подчеркивающая такие категории, как национальность и сообщество, сводит традицию к провозглашаемым *ex cathedra* образцам, в крайних случаях — защищая свое представление о «польскости» — чувствует за собой право устанавливать, кто является поляком, а кто этого наименования не заслуживает, причем бывает, пусть и не как правило, что в расчет принимаются этнические соображения. В этой концепции поляком — но и «чужим» тоже — становятся по назначению. Вторая, скорее, стремится выдвинуть на передний план такие категории, как общество и личность, принципиально оставляя вопросы этнического происхождения в частной сфере и не связывая их с общественной жизнью, а понимание «польскости» предоставляет свободно интерпретировать гражданам, либо людям за границей, признающим свои

польские корни. Первая создает закрытый канон текстов, конституирующий ее понимание «польскости», вторая открыта для внесения в нее новых текстов, часто реинтерпретирующих культурное ощущение идентичности. Столкновение этих двух концепций имеет некую практическую сторону — в попытках жестких установок для польской «исторической политики» или в составлении канона книг для школьной программы. Согласно первой, «польскость» представляет собой ценность, находящуюся под угрозой, которая в то же время недооценивается в мире. Согласно второй — «польскость» это просто динамичный и открытый для меняющихся ситуаций, для новых контекстов процесс формирования польской культурной и цивилизационной идентичности. Это столкновение не должно обязательно восприниматься, как война «темнограда»^[15] со «светлоградом». Я, скорее, усмотрел бы источники такого столкновения в отсутствии метаязыка, способного описать происходящие процессы.

«Польскость», так или иначе, останется историческим явлением даже тогда, когда поляков и их языка, так же как римлян и латыни, не будет в живых. Нужно ли эти категории обязательно связывать с понятием нации? Не знаю. Идею написания книг на польском языке мы переняли с гнусного Запада, писать на национальном языке мы начали позже, чем наши восточные, не из латинского сообщества вырвавшиеся соседи. О собственной латиноязычной литературе у нас довольно среднее, если не просто слабое, представление, и возможно, зря, потому что здесь было немало фигур, пользующихся международной известностью. В истории европейской культуры наш литературный язык, как и большинство других — в исторических категориях — относительно молод. Понятие нации в нынешнем понимании относительно ново и, определенно, принадлежит к преходящим явлениям. Когда я думаю о том, чем является понятие «польскости» лично для меня, то ощущаю — когда мне нужно публично высказаться на эту тему — какое-то трудно выражимое стеснение, так как считаю этот вопрос слишком интимным.

Однако, с другой стороны, я убежден, что сегодня мы стоим перед каким-то кризисом, возможно, переломом в том, как мы ощущаем и выражаем «польскость». Меня не удивляет название стихотворения «Ашьлоп»^[16], то есть прочитанное наоборот слово «Польша» — это нечто большее, чем просто поэтическая демонстрация. Мне не было стыдно, когда я во время военного положения писал «патриотические» стихи, однако помню, что у меня возникало ощущение участия в

каком-то спектакле, в котором я играю роль, предписанную мне анонимной «польскостью», и из-за этого я чувствовал себя, в каком-то смысле — в каком? — униженным: я мирился с этим и в то же время не мог смириться. Я нервно реагировал на эссе Чеслава Милоша «Увы! — благородство»^[17], но одновременно сознавал, что да, что во многом это верно. «Польскость» — как бы я ее ни понимал — анонимной быть не может. А если так, значит, этих «польскостей» много.

1. Перефразируются слова Скшетуского из романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом»: «Однако в книжице твоей странное весьма материй смешение» — *Примеч. перев.*
2. J. Tazbir, Polska na zakrętach dziejów, Warszawa 1997, s. 328.
3. Здесь и далее цитаты из стихотворения А. Мицкевича «К матери-польке» в пер. Евг. Шидловского – *Примеч. перев.*
4. (лат.) посланник королевства Сарматия
5. Ян Дантышек (Иоганн фон Хоффенс) (1485–1548) – польский религиозный деятель и дипломат, один из самых знаменитых поэтов Европы эпохи ренессанса — *Примеч. перев.*
6. Конрад Цельтис (1459–1508) – немецкий неолатинский поэт рубежа XV–XVI веков, несколько лет живший в Польше — *Примеч. перев.*
7. Antologia poezji polsko-łacińskiej 1470–1543, wstęp i oprac. A. Jelicz, tłum. K. Jeżewska i E. Jędrkiewicz, Szczecin 1985, s. 94.
8. Слова из популярной песни – *Примеч. перев.*
9. M. Janion, Projekt krytyki fantazmatycznej. Szkice o egzystencjach ludzi i duchów, Warszawa 1991, s. 6.
10. Понятие, введенное В.Гомбровичем в романе «Транс-Атлантик» и символизирующее молодость, смелость, свободу, устремленность в будущее — *Примеч. перев.*
11. Лидия Бурская (1956–2008) — польский литературный критик, историк литературы, эссеист — *Примеч. перев.*
12. «Сон о Безгрешной» – знаменитый спектакль Ежи Яроцкого (на основе текстов С. Жеромского) о становлении независимой Польши в краковском Старом театре — *Примеч. перев.*
13. Marta Piwińska, Legenda romantyczna i szydercy, Warszawa 1973, s. 336.
14. Andrzej Mencwel, Przedwiośnie czy potop. Studium postaw polskich w XX wieku, Warszawa 1997, s. 279.
15. Темноград — воплощение суеверий, темноты и мракобесия

из романа-памфлета Ст.К. Потоцкого «Путешествие в
Темноград» — *Примеч. перев.*

16. «Ашьлоп» (польск. Akslop) – стихотворение Милоша
Беджицкого — *Примеч. перев.*
17. Доклад Ч. Милоша на конференции в Йельском
университете в 1984 году, в котором автор критически
отзывается о непосредственном участии поэта в
«событиях» — *Примеч. перев.*

Анджей Станкевич

Умеренный электорат «Права и Справедливости»

Глава Пис получил от судьбы и избирателей шанс реализовать миссию своей жизни.

Ярослав Качинский. Фото: Agencja Gazeta

О том, что Ярослав Качинский «пойдет на обострение», то есть будет проводить изменения в государстве радикально и даже жестко, в кругах Пис рассуждали еще за несколько месяцев до выборов — среди заслуженных партийцев лидер говорил открыто. Однако причиной успеха кампании Пис стало то, что на этот раз удалось максимально затушевать политический темперамент Качинского, благодаря чему впервые за много лет за партию проголосовал умеренный электорат. Сегодня часть этих умеренных избирателей трет глаза от удивления, наблюдая за действиями Пис после прихода к власти: ограничение роли оппозиции в Сейме, война с Конституционным судом, молниеносный захват государственных СМИ, ликвидация гражданской службы^[1] или планы по надзору за интернетом.

Лидер Пис не считает необходимым объяснять свои действия, он редко высказывается, поглощенный ролью строгой акушерки «перемен к лучшему»^[2]. Но анализ его публичных выступлений за последние годы показывает, в каком направлении он хочет повести страну. Эти выводы тем более достоверны, что часть деклараций либо уже реализована, либо как раз внедряется в жизнь.

Смоленская линия

Нынешний Ярослав Качинский со своим представлением о государстве появился на свет после смоленской катастрофы и вызванных ею досрочных президентских выборов летом 2010 года. Конечно, частично свои политические взгляды — взять хотя бы критику посткоммунизма — он высказывал с начала 90-х годов, когда началась его политическая деятельность. Предвестие нынешних действий Пис можно найти и в неудачной попытке строительства Четвертой Речи Посполитой в 2005–2007 годах.

Но лишь после потери брата и поражения на президентских выборах, выигранных тогда Брониславом Коморовским, Качинский объявил настоящую войну Третьей Речи Посполитой и ее институтам. Он начал ее через несколько недель после проигрыша, дав эмоциональное интервью «Газете польской». В нем он с ужасными подробностями рассказал о своей поездке на место катастрофы и опознании тела брата. Этим интервью он обозначил новую линию политического разделения и указал своему электорату направление на следующие годы: «Я сделаю все, чтобы выяснить причины катастрофы. Сегодня для меня это самое важное и в личном, и в политическом плане. Мне была неясна роль премьера Туска и премьера Путина в этом происшествии. По моей оценке, оба они отнеслись к визиту президента Леха Качинского без должного уважения и внимания. Пока я не буду развивать эту мысль».

Однако уже вскоре он развил ее на страницах «Ньюсуика». В сентябре 2010 г. он говорил о причинах катастрофы в таком духе, который до сих пор является линией Пис: «Очевидно, что пилотов ввели в заблуждение. Удар крылом в дерево не имел принципиального значения для катастрофы. Либо не сработало оборудование, либо это была форма покушения».

С этого момента все высказывания Качинского сосредоточены вокруг покушения и недосмотров команды Дональда Туска при организации визита президента. Такими будут в ближайшее время и действия Пис. Уже известно, что появится новая комиссия, которая займется катастрофой, а в рамках нового следствия под лупой прокуратуры окажутся ведущие политики Гражданской платформы^[3], включая ее бывшего лидера.

А когда закончится смоленский траур и связанные с ним ежемесячные митинги? «Когда в Варшаве будет стоять памятник жертвам катастрофы, прежде всего президенту и его супруге» (2011).

Суды, спецслужбы, СМИ

В политической мысли Качинского существует триада ключевых, с государственной точки зрения, институтов: правосудие, СМИ и карательные органы, в том числе спецслужбы. Поэтому ничего удивительного, что в первую очередь Качинский приступил к «переменам к лучшему» именно в этих сферах.

Качинский о службах: «В органах работают люди истэблишмента, часто из старой системы. Мы хотим, чтобы службы состояли из людей, которые служили только свободной Польше» (2011).

Качинский о прокуратуре: «Необходимы огромные изменения (...), она должна возвратиться к своему прежнему виду. Нужно изменить недавно введенные правила, которые позволяют преступникам торговаться за меру наказания» (2015).

Качинский о СМИ: «Следует разделить телевидение на канал, дающий голос тем, кто одобряет нынешнюю власть, и такой, в котором преимущественный голос имеет оппозиция» (2012); «Теперь большинство СМИ находятся в одних руках. Это должно измениться как можно скорее» (2014).

Спецслужбы уже полностью вычищены и захвачены людьми ПиС. Государственные СМИ партия присвоит на основании закона, который ожидает лишь подписи президента — хотя не слышно, чтобы Качинский хотел отдать один канал оппозиции. То же самое будет и с прокуратурой, которая со дня на день перейдет в подчинение правительства, и «торгам за меру наказания с преступниками» — как Качинский определяет т.н. состязательность, то есть сведение обязанностей судьи к роли арбитра между адвокатом и прокурором — будет положен конец.

Фундаментальным изменением станет переустройство судопроизводства, прелюдией которого является война Качинского с Конституционным судом (КС). «Считаю, что положение Суда должно измениться. Не может быть такого, чтобы решение, демократически принятое парламентом, могло быть отклонено обычным большинством состава КС из пяти человек. Тогда один судья решает, отправится ли в мусорную корзину решение органа, избранного миллионами. Так быть не может» — 2013 г.

Лидер ПиС помещает суды на самую вершину пирамиды государственной патологии. Он прямо-таки убеждает, что сегодня государство не действует в общественных интересах, а

является объединением корпораций во главе с судами, которые «не считаются с чувством справедливости». «Нет в мире института, который бы хорошо работал без всякого контроля. А так сегодня действуют польские суды. Мы хотим это изменить», — декларировал он в 2014 году.

Анализ высказываний Качинского указывает на то, что Смоленск усилил в нем убеждение, будто в Польше государственные институты не действуют, действуют не так, либо наполнены не теми людьми. «Смоленская трагедия — это горький финал Третьей РП», — говорил он осенью 2010 года. С этой точки зрения совершенно естественно, что Пис хочет отправить сотрудников гражданской службы на все четыре стороны и заменить их своими людьми. Подход Качинского прост и его хорошо отражает цитата из интервью газете «Жечпосполита» 2013 года: «Не все они будут гениями, не все будут отличаться необыкновенными способностями, но все они будут дисциплинированными, честными и все будут знать, чего хотят», — говорил он о своем типе управленцев.

Прибежище людей из старой системы
Ярослав Качинский — политический идеолог, он не разбирается в экономике, здравоохранении или образовании. Но именно он отвечает за идеологическую основу, на которой отраслевые министры должны создавать программу для правительства Пис.

Налоги? «Мы планируем налоговую реформу, которая должна улучшить финансовое положение страны. Мы хотим изыскать средства из необлагаемых налогами сфер, введем, например, налог для банков и супермаркетов» (2011). «Вся система государственных финансов прописана у нас заново в готовых законопроектах» (2013).

Образование? Помимо ликвидации гимназий и отказа от реформы, связанной с началом школьного образования с шести лет, должен также возобладать «порядок, школьная форма, большее внимание к истории и польскому языку» (2010).

Строительство? «Мы хотим вернуться к программе, подготовленной министром строительства при нашем правлении. Это программа, которая сильно бьет по девелоперскому лобби, но дает людям надежду на собственное жилье» (2014).

Здравоохранение? «Ситуация улучшится уже за счет самого ограничения грабежа в неслыханных масштабах. Нужно отвергнуть систему, основанную на коммерциализации больниц; передать врачам первого контакта право направлять на обследования, вернуть в школы медицинские кабинеты, перестроить финансовую систему, связанную с Национальным фондом здравоохранения^[4]» (2014).

Бизнес? «Механизм отрицательной селекции, характерный для коммунизма, перенесен в бизнес. Именно бизнес представлял и, к сожалению, во многих случаях по-прежнему представляет собой прибежище для людей из старой системы. Этот процесс необходимо развернуть» (2013).

Заработная плата? «С помощью государства следует поднять заработную плату, так как она занижена. В Польше существует проблема, описываемая аналогией шляхетского фольварка: есть предприниматели, совершенно не вносящие инноваций и живущие за счет эксплуатации работников, словно крепостных крестьян» (2013).

Чистый посткоммунизм

Все эти перемены означают полное переустройство государства и имеют один общий знаменатель — это демонтаж Третьей Речи Посполитой, государства, которое Качинский считает Республикой Михника.

Действительно ли Адам Михник, главный редактор «Газеты wyborчей», обладал в Третьей РП ролью политического демиурга — это другой вопрос. В кругах ПиС эту фигуру рассматривают именно так — как создателя и неформального патрона Третьей РП с ее политической, экономической и социальной системой. Когда-то польской политикой из гроба руководила мысль Пилсудского^[5] и Дмовского^[6], а теперь Польша Качинского борется с Польшей Михника.

В 2013 году Качинский сказал в «Жечпосполитой» слова, которые сегодня, когда он при власти, без сомнения являются его главным девизом: «Мы хотим иметь конституционное большинство, чтобы иметь возможность перестроить государство. Если наши партнеры по коалиции решат, что стоит предпринять совместные усилия, то мы захотим пойти очень далеко. Если такой воли не будет, то конституция создает определенные рамки, через которые нельзя переступить. Но я убежден, что даже законодательным путем или через действия на более низком уровне можно сделать много хорошего.

Нынешняя конституция, на самом деле, плоха. Вступив в силу в 1997 г., она закрепила чистый посткоммунизм. Польский государственный аппарат не был выстроен заново, он является мутацией коммунистического аппарата».

Ярослав Качинский отдает себе отчет в том, что перед ним последний шанс изменить это. Разрушить Польшу Михника и построить государство по-новому, согласно собственной рецептуре.

-
1. Гражданская служба — часть государственного аппарата, не зависящая от перехода власти к другой партии и обеспечивающая непрерывность функционирования аппарата — *Здесь и далее примеч. перев.*
 2. «Перемены к лучшему» — лозунг ПИС во время президентских выборов 2015 года.
 3. «Гражданская платформа» — партия, находившаяся у власти в Польше с 2007 по 2015 год.
 4. Национальный фонд здравоохранения — государственный орган, выполняющий в польской системе здравоохранения роль плательщика. Из средств медицинского страхования Фонд финансирует медицинские услуги и компенсирует стоимость лекарств.
 5. Юзеф Пилсудский (1867–1935) — польский государственный и политический деятель, первый глава возрожденного польского государства.
 6. Роман Дмовский (1864–1939) — польский политический деятель и публицист, политический противник Ю. Пилсудского.

Хроника (некоторых) текущих событий

• «Мы должны идти своим путем и не поддаваться ничьему давлению. Польша — это суверенная страна. Устав ООН и договор о Европейском союзе составляют правовую основу нашей жизни, и мы должны неукоснительно придерживаться этих норм. Не нужно строить иллюзий, что здесь возможны какие-либо уступки, что на этом пути мы дадим слабину. (...) В Польше нет ни малейшей угрозы демократии. (...) Те, кто нынче входит в Комитет защиты демократии, защищает не Польшу, а интересы вполне конкретной группы лиц, которая, после восьми лет пребывания у власти, сегодня действительно может чувствовать себя в опасности», — Ярослав Качинский, председатель партии «Право и справедливость».
(«Жечпосполита», 18 янв.)

• «“Есть много аргументов в пользу того, чтобы задействовать правовой механизм ЕС и поставить Польшу под соответствующий надзор”, — заявил европейский комиссар по цифровой экономике и обществу Гюнтер Эттингер в интервью газете “Франкфуртер альгемайне цайтунг”». (Анна Амброзьяк, «Наш дзенник», 11 янв.)

• «Вчерашнее решение Брюсселя стало неожиданностью для «Права и справедливости». (...) Европейская комиссия все-таки возбудила процедуру, связанную с оценкой ситуации в Польше. “Оценка ситуации — это хороший повод не судить о Польше на основании сплетен и материалов в СМИ”, — полагает премьер-министр Беата Шидло. (...) За проведение разбирательства в отношении Польши будет отвечать вице-председатель Европейской комиссии. Тот самый, который — как всего несколько дней назад заявил министр иностранных дел Витольд Ващиковский — не рассматривается польским правительством в качестве равного собеседника». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 14 янв.)

• «Непосредственным поводом для возбуждения этой процедуры стал факт неисполнения «иными органами власти» двух решений Конституционного суда (КС), касающихся новых судей КС. В этой связи Европейская комиссия считает, что соблюдение законности в Польше находится под большим вопросом». (Из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 11 янв.)

• «После Конституционного суда законодатели взялись за

полицию и средства массовой информации, а сейчас на рассмотрении депутатов находится закон о прокуратуре, делающий ее марионеткой в руках министра юстиции Збигнева Зёбро. Бесконечная серия скандальных законопроектов вынудила Европейскую комиссию принять решение о запуске невыгодной для Польши процедуры. Безусловно, такая реакция комиссии была дополнительно спровоцирована стилистикой и содержанием ответной реакции польских политиков. (...) В странах либеральной демократии важнейшее значение имеют государственные и общественные институты, правила игры, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Этими принципами и руководствовалась Европейская комиссия. Польша нарушила правила игры, в результате чего стала объектом правового мониторинга», — Рышард Петру, лидер партии «Современная». («Газета wyborcza», 18 янв.)

- «В Сейме продолжаются дебаты о конфликте нашей страны с Евросоюзом. Народные избранники только что большинством голосов решили, что все остальные страны ЕС заблуждаются, и настоящая свобода царит у нас, а не у них. Мы выбрали замечательных депутатов, которые хотят нам только добра», — Збигнев Холдыс. («Ньюсуик Польска», 18–24 янв.)

- «Президент Анджей Дуда прибыл в Брюссель с первым официальным визитом. (...) В ходе визита президент убеждал своих собеседников, что в Польше не происходит ничего чрезвычайного, и заверял их в неизменности проевропейского курса Польши. (...) Анджей Дуда также встретился с генеральным секретарем НАТО Йенсом Столтенбергом. (...) Столтенберг затронул тему событий в Польше. “Саммит НАТО, который пройдет в Варшаве, должен продемонстрировать, что мы, как и раньше, твердо отстаиваем наши ценности: демократию, права и свободы личности, верховенство закона. Это фундамент нашей свободы”, — заявил Столтенберг. (Из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 19 янв.)

- «Дискуссия о Польше (на тему «Правовое государство и ограничение свободы слова в Польше» — В.К.) состоялась в Европейском парламенте в Страсбурге. Мероприятие было организовано по предложению левых и либеральных сил, обеспокоенных тем, что сформированное «Правом и справедливостью» правительство пытается ослабить позиции Конституционного суда и поставить под свой контроль общественные СМИ». (Из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 20 янв.)

- Фрагменты выступления премьер-министра Беаты Шидло в Европейском парламенте: «Мы хотим построить Польшу по образу Евросоюза. Это будет страна равных возможностей. И мы хотим, чтобы на этом пути равных возможностей Польша

развивалась все быстрее. (...) Партия «Право и справедливость» никогда не хотела подчинить себе Конституционный суд — более того, мы даже не собирались бороться за большинство в нем. Мы только хотели обеспечить должное равновесие состава судей. (...) Одобренные парламентским большинством изменения, касающиеся общественных СМИ, никак не нарушают европейских стандартов, регулирующих деятельность масс-медиа. Скажу больше — принятые нами поправки являются своего рода попыткой вернуть польским общественным СМИ их изначальную аполитичность и беспристрастность. (...) Мы хотим вместе со всеми парламентскими фракциями, как оппозиционными, так и поддерживающими нынешнее правительство Польши, работать над переменами к лучшему. Мы открыты к диалогу, к тому, чтобы вместе решать имеющиеся в Польше проблемы. (...) Польша — чудесная страна, а поляки — народ с огромным чувством собственного достоинства. Мы хотим быть чемпионами Евросоюза». («Наш дзенник», 21 янв.)

• Фрагменты интервью премьер-министра Беаты Шидло польской прессе: «Европейская комиссия не должна заниматься нашими внутренними решениями и делами. (...) У Европейской комиссии нет возможности применять санкции. Ходят слухи, что ЕС может урезать нам финансирование. Я думаю, что нам хотят просто погрозить пальцем и продемонстрировать, что страны Евросоюза, пытающиеся проводить реформы, которые не нравятся большинству лоббистских групп и кругов, должны знать свое место. (...) Но мы не отступим и не откажемся от наших планов по улучшению жизни в Польше. (...) Оценивать нас должны польские избиратели, а не страны Западной Европы, преследующие свои интересы. (...) Некоторые судачат, что, мол, раньше наша страна среди государств ЕС находилась в первой шестерке, а теперь, после решения Европейской комиссии, мы оказались в самом хвосте. (...) У нас есть лидерские амбиции, поэтому мы не можем позволить навязать нам роль страны, которая бездумно соглашается с теми, кто заказывает музыку». («До жечи», 18–24 янв.)

• «Центральным эпизодом прошедших в Европейском парламенте дебатов о Польше стал отказ премьер-министра Беаты Шидло — в ответ на вопрос лидера европейских либералов Ги Верхофстадта — подтвердить, что Польша прислушается к рекомендациям Венецианской комиссии относительно ситуации с Конституционным судом. Беата Шидло ответила, что мнение этой комиссии будет «очень внимательно рассмотрено». (...) Венецианская комиссия является консультативным органом при Совете Европы, независимым от ЕС. Тем не менее, в соответствии с

законодательством Евросоюза, точка зрения комиссии должна приниматься во внимание в ходе «процедуры мониторинга законности», которую Европейская комиссия начала проводить в отношении Польши на прошлой неделе (мнение Венецианской комиссии будет сформулировано в марте — В.К.)». (Из Страсбурга Томаш Белецкий, «Газета wyborcza», 21 янв.)

- «Победу Беаты Шидло на дебатах в Европарламенте омрачает один прискорбный факт — Польшу, за редким исключением, защищали лишь европарламентарии, придерживающиеся крайне правых, одиозных, а то и просто фашистских взглядов. (...) Почти все они занимают не только антиевропейские, но и крайне прокремлевские позиции. (...) То, что правительство «Права и справедливости» нашло своих лучших друзей в ЕС среди пророссийских сил, а своим ближайшим союзником видит Виктора Орбана, не стесняющегося заигрывать с Москвой, лишь подтверждает общую тенденцию. (...) В Европе наиболее пророссийскую позицию занимают правые партии, и именно они стремятся сблизиться с Кремлем. Почему Польша в этом смысле должна быть исключением?». (Марек Мигальский, «Жечпосполита», 3 февр.)

- «Отвечая на вопросы евродепутатов в Европейском парламенте в Страсбурге 19 января, премьер-министр Беата Шидло заявила, что “Польша приняла около миллиона беженцев с Украины, которым никто не хотел помогать. Сейчас эти люди находятся у нас, и мы оказываем им помощь. Об этом тоже нужно говорить”». («Наш дзенник», 22 янв.)

- «“Госпожа премьер-министр говорила о беженцах с Украины, однако в Польше нет беженцев с Украины”, — заявил вчера посол Украины в Польше Андрей Дешица в интервью агентству “Польска агенция прасова”». («Газета wyborcza», 21 янв.)

- «“В минувшую субботу, во время Всемирного экономического форума в Давосе, вице-премьер Матеуш Моравецкий заявил: “Вы сосредоточили все свое внимание на иммигрантах из Северной Африки и Сирии, однако на границе с ЕС продолжается еще одна война — война на Украине. Польша приняла уже 350 тыс. разного рода беженцев, и это не только те, кто бежал от войны. Во всей Европе больше всего приезжих приняли мы”. Откуда вице-премьер Моравецкий взял цифру в 350 тыс. “разного рода беженцев”, неизвестно». (Мирослав Чех, «Газета wyborcza», 27 янв.)

- «Парламентская ассамблея Совета Европы не станет проводить дебаты относительно функционирования демократических институтов в Польше. Во время вчерашнего голосования за проведение дебатов высказалось 98 делегатов ПАСЕ, против — 89, а 14 воздержались. Таким образом, инициатива о проведении дебатов не была поддержана

необходимыми 2/3 голосов». (Марта Зярник, «Наш дзенник», 26 янв.)

- «На февральской сессии Европарламента резолюция относительно ситуации в Польше принята не будет. Такое решение вчера приняла конференция председателей Европейского парламента. (...) Голосование по предполагаемой резолюции может состояться лишь после окончания работы Венецианской комиссии, которая должна подготовить свое заключение относительно реформы Конституционного суда. Комиссия (...) прибудет в Польшу 8-9 февраля». («Наш дзенник», 29 янв.)

- «Европейская комиссия утвердила новую программу «Польша-Белоруссия-Украина 2014-2020». (...) Приоритетами новой программы будут: ускорение экономического развития, улучшение туристической, транспортной и приграничной инфраструктуры, охрана окружающей среды, а также совершенствование общественного сознания граждан». (Катажина Дзюба-Кубицкая, «Жечпосполита», 12 янв.)

- «Согласно данным опроса, проведенного Институтом рыночных и общественных исследований, 41% поляков считает, что решения ЕС, касающиеся нашей страны, должны разрабатываться в Польше, и уже только после этого выноситься на обсуждение Евросоюза. 35% опрошенных полагают, что такие решения необходимо сначала принимать на уровне ЕС, а затем адаптировать к местным реалиям. 2% респондентов полагают, что решающее слово должно принадлежать Евросоюзу, а еще 2% не смогли определиться с ответом. Решение ЕС о проведении проверки состояния законности в Польше поддерживают 47% опрошенных, против высказываются также 47%, еще 6% респондентов ответили «Не знаю». Среди преимуществ интеграции с ЕС называют: открытые границы (73%), финансирование из фондов Евросоюза (61%), возможность обучаться за пределами Польши (47%) и повышение уровня безопасности Польши (24%). К недостаткам интеграции с Евросоюзом респонденты относят: навязывание законодательства и нормативов ЕС (45%), неодинаковое отношение к странам-участницам (42%), отношение к полякам как к дешевой рабочей силе (40%), а также рост эмиграции (32%)». (По материалам «Жечипосполитой» от 22 февр.)

- «Мнение о Евросоюзе у поляков формируется на основе постоянных выступлений политиков по телевидению, радио и в газетах. К сожалению, зачастую эти высказывания оказываются неправдой, спровоцированной, в лучшем случае, политическим конфликтом, а в худшем — невежеством. Нам ведь нравится, что ЕС дает нам деньги, что можно ездить в другие страны Европы без паспорта, учиться за границей, но

при этом мы возмущаемся, когда от нас требуют или ждут чего-то взамен. (...) И это в то время как мы, поляки, сами же и пишем европейские законы, поскольку в любой структуре Евросоюза есть наши соотечественники, начиная от чиновников Европейской комиссии и заканчивая депутатами Европарламента, а польские министры могут блокировать любые решения в Европейском совете». (Бартош Венглярчик, «Жечпосполита», 2 февр.)

- «В сегодняшней ситуации нашей важнейшей задачей является защита восточного фланга НАТО и нейтрализация той угрозы, которую для Польши и стран Запада представляет Россия. И это самый настоящий вызов. (...) В этом году мы хотим сформировать три бригады территориальной обороны в восточных районах Польши», — министр национальной обороны Антоний Мацеревич. («До жечи», 11-17 янв.)

- «После состоявшейся на прошлой неделе встречи министра национальной обороны Антония Мацеревича с его британским коллегой Майклом Фэллоном, (...) шеф польского оборонного ведомства заявил в цитируемом «Газетой выборчей» интервью для «Радио Мария», что на территории Польши будет постоянно находиться тысяча британских военнослужащих. (...) «Министр Фэллон не брал на себя каких-либо обязательств относительно постоянной дислокации британских вооруженных сил в Польше ни в этом году, ни в будущем», — прокомментировало британское министерство обороны». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 28 янв.)

- «Министр иностранных дел Витольд Ващиковский в понедельник вызвал на беседу посла ФРГ в Варшаве Рольфа Никеля в связи с «антипольскими высказываниями немецких политиков», сообщила пресс-служба польского МИДа». («Трибуна», 11-12 янв.)

- «МИД сообщает: на прошлой неделе в 26 наиболее авторитетных и влиятельных изданиях появилась статья Витольда Ващиковского «Какой Евросоюз нужен Польше?». Статья была опубликована, в частности, в Германии, Италии, Франции, Великобритании, Чехии, Швеции, Австрии, Украине, Испании и Австралии. (...) Это беспрецедентный успех Польши в области медийной дипломатии». Далее следует исчерпывающий перечень всех стран и всех средств массовой информации, где был опубликован сенсационный материал министра Ващиковского. В этом перечне, однако, нет Польши, равно как и ни одной польской газеты, где можно было бы найти эту статью — В.К. («Наш дзенник», 1 февр.)

- «Фрагменты интервью с министром иностранных дел Витольдом Ващиковским, снабженного заголовком «Нам нужен Евросоюз, но другой»: «Я не хочу ни «социалистической демократии», как в ПНР, ни «суверенной демократии», как в

России, ни «либеральной демократии», выстраиваемой «сверху» брюссельской элитой. Я просто хочу демократии. И этого же хотят поляки. (...) Нас убеждали, что мы должны любой ценой держаться генеральной европейской линии, что сотрудничество с Германией все больше сближает нас с ядром ЕС. Но на поверку это оказалось фальшивкой. (...) Евросоюз должен в первую очередь беспокоиться об экономическом, а не военно-политическом развитии. А безопасностью пусть занимается НАТО». («В сети», 11-17 янв.)

• «Правительство Польши проводит политику, направленную на конфронтацию с Германией и ЕС. По сути, оно борется с двумя нашими важнейшими союзниками в Европе, каковыми до недавнего времени были Ангела Меркель и Европейская комиссия. Именно Европейская комиссия активно поддерживала нас в ситуации с «Северным потоком», а Ангела Меркель была нашим союзником по вопросу санкций в отношении России. (...) Мы наглядно демонстрируем всей Европе, что Польша по-прежнему остается страной, неспособной (...) распрощаться с застарелым национализмом, и поэтому не может уступить малую толику своего суверенитета в пользу наднационального организма, гарантирующего нам безопасность и успешное развитие. (...) А дестабилизация Ярославом Качинским отношений с Брюсселем и ослабление страны в результате отказа от принципов либеральной демократии более всего выгодны Владимиру Путину. (...) Когда ЕС решится на дальнейшее углубление интеграции, Польша может оказаться вне игры, вместе со всем регионом став жертвой политико-экономических разделов. Удастся ли Евросоюзу предотвратить такое развитие событий, или он допустит новый раздел Европы, и мы вновь окажемся за «железным занавесом»?», — Славомир Сераковский. («Политика», 27 янв. — 2 февр.)

• «Наша политика в отношении России зиждется на том, что мы не рассматриваем Россию как врага, но лишь как соседа. (...) В своих соседях Польша видит не абстрактную сферу влияния, а конкретные страны, которые, если им это нужно, могут рассчитывать на нашу всемерную поддержку и доброе отношение. Это касается и России, которая также может рассчитывать на поддержку со стороны Польши. (...) Россияне чувствуют себя в Польше очень комфортно, и это лучше всего демонстрирует, какими могли бы быть наши политические отношения, независимо от того, что мы подчас читаем в СМИ или слышим от некоторых безответственных политиков», — министр иностранных дел Польши Витольд Ващиковский. («Наш дзенник», 22 янв.)

• Фрагменты интервью с послом России в Варшаве Сергеем Андреевым: «Наши польские коллеги сообщили, что

замминистра иностранных дел Марек Зюлковский хотел бы приехать в Москву. (...) Мы сотрудничаем с избранными органами власти законным путем, и не видим в наших отношениях неразрешимых проблем. (...) Сегодня и завтра на уровне заместителей министров будут проводиться консультации по вопросу международных автотранспортных грузоперевозок. Польский министр охраны окружающей среды, в свою очередь, пригласил советника президента Путина на конференцию, посвященную роли лесов в борьбе с глобальным потеплением, и это приглашение было принято. В среду в Польшу прибывает наш министр культуры Владимир Мединский, являющийся также главой Российского военно-исторического общества. В Международный день памяти жертв Холокоста он посетит бывший «лагерь смерти» в Собиборе (где было убито около 250 тыс. евреев из многих стран Европы — В.К.). (...) В Собиборе появится новый музей, и польская сторона пригласила нас принять участие в его создании. (...) В мае в России пройдет фестиваль польского кино «Висла», а в ноябре в Польше состоится фестиваль российского кино «Спутник». (...) Мы не привыкли ревностно следить за состоянием демократии в других странах, а тем более вмешиваться в их внутренние дела». («Жечпосполита», 22 янв.)

• Фрагменты интервью с министром культуры России Владимиром Мединским: «Собибор — это один из самых классических примеров общей боли, общего страдания наших народов. (...) Но это еще и пример беспрецедентной совместной борьбы с нацизмом. Польский еврей Леон Фельдгендлер в этих невыносимых условиях организовал сопротивление, а россиянин Александр Печерский (офицер Красной армии, российский еврей — В.К.) в течение трех месяцев готовил вооруженное восстание узников, и из всех восстаний в концлагерях оно оказалось единственным удавшимся. (...) В восемь утра я поехал в Собибор, и только вечером прибыл в Варшаву, чтобы утром вернуться в Москву. И если польский министр культуры приедет сюда (в варшавскую гостиницу, где происходит беседа — ред.), то я с удовольствием выпью с ним кофе». («Жеспосполита», 29 янв.)

• «Еще до последнего по времени эпизода конфликта Качинского с ЕС (...) российский политолог Иван Преображенский написал на страницах московской газеты «Ведомости», что «поляки вернулись на восток». (...) Для российских демократов возвращение Польши на восток является грустной новостью. (...) Ярослав Качинский за восемь лет пребывания в оппозиции немало потрудился, чтобы в глазах поляков представить Евросоюз как угрозу польским традициям, религиозности, экономике, суверенитету. Дискредитация положительного образа ЕС, успевшего

укорениться в сознании поляков, была необходима, чтобы освободить Качинского, Мацеревича и Зёбро от смиренной рубашки Евросоюза. (...) Нынешняя власть взяла курс на обострение отношений с ЕС — впереди нас ждет многомесячный конфликт с Европейской комиссией, которая до недавнего времени была самым главным сторонником Польши в европейской политике, ее естественным союзником. (...) Комиссия защищала интересы Польши при рассмотрении бюджета ЕС, нам также необходима ее поддержка по вопросам санкций в отношении России и контактов между зоной евро и странами, в нее не входящими». (Цезарий Михальский, Петр Хатковский, «Ньюсуик Польша», 18-24 янв.)

• «Координатор Госдепартамента США по санкциям и бывший американский посол в Польше (...) Дэниел Фрид прибыли в Польшу накануне первых после долгого перерыва польско-российских консультаций, которые завтра проведет в Москве заместитель главы польского МИДа Марек Зюлковский. В последнее время тон московских СМИ в отношении нынешнего правительства Польши стал более дружественным, а замминистра иностранных дел РФ Владимир Титов заявил, что Россия «готова положительно отреагировать на сигналы со стороны польских властей относительно наших двусторонних отношений». Он также добавил, что инициатива проведения консультаций исходила из Варшавы». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 21 янв.)

• «Во время пятничной встречи представителей французского министерства обороны с польскими журналистами французы подчеркнули, что проведение тендера на поставку вертолетов для польских вооруженных сил может иметь важное значение для отношений Польши и Франции. Нам напомнили, что после российской аннексии Крыма Франция направила своих военных на восток Европы, в частности, в Польшу, а также отказалась от поставок России десантных кораблей типа «Мистраль», сделав это, в частности, по просьбе президента Коморовского. Тендер на поставку вертолетов стал одной из основных тем состоявшейся во вторник встречи глав оборонных ведомств обеих стран — Жан-Ив Ле Дриана и Антония Мацеревича. Атмосфера на встрече была более чем сдержанной, разговор шел с глазу на глаз». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 6-7 фев.)

• «Министр иностранных дел Витольд Ващиковский планирует открыть дипломатические представительства Польши в Эквадоре, (...) Замбии, а также на Филиппинах. (...) Наши дипломаты также собираются вернуться в Панаму, Сенегал, Танзанию и Монголию». («Политика», 3-9 фев.)

• «На самом деле в Польше два правительства. Правительством, занимающимся политикой, руководит Ярослав Качинский, а за

работу социально-экономического блока отвечает Беата Шидло. В первое правительство входят министры, которые по заданию Качинского демонтируют Третью Речь Посполитую: Антоний Мацеревич, Збигнев Зёбро, Мариуш Каминский, периодически к ним присоединяется Петр Глинский. А команда Шидло решает вопросы, связанные с пенсионным возрастом, пособием в размере 500 злотых на ребенка, повышением свободной от налогообложения суммы и прочими новшествами того же типа. Политикой же госпожа премьер-министр практически не занимается и не слишком влияет на деятельность министров, подчиняющихся непосредственно Качинскому. (...) В результате официальный премьер-министр постоянно пытается выбраться из проблематичных ситуаций, которые ей создает неофициальный глава правительства». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 13 янв.)

- «В субботу Сенат одобрил два законопроекта, реформирующих прокуратуру. Новые нормативно-правовые акты предусматривают объединение функций министра юстиции и генерального прокурора. После вступления этих законов в силу новым генеральным прокурором станет Збигнев Зёбро, нынешний министр юстиции». («Газета Польска цодзенне», 1 февр.)

- «Два недавно принятых закона — о прокуратуре и о слежке — позволяют сосредоточить в одних руках такой объем властных полномочий, каким после 1989 года в Польше не пользовался еще никто. И этим человеком стал Збигнев Зёбро. (...) Все, в чем раньше его обвиняла Комиссия конституционной ответственности, теперь получило легальное оправдание. Зёбро будет непосредственным руководителем каждого прокурора. (...) Он может приказать полиции или спецслужбам совершить провокацию против какого-либо лица, организовать за этим лицом слежку, прослушивать его разговоры в общественных местах, отслеживать телефонные и интернет-соединения. Теперь для этого не требуется согласия суда. (...) Генеральный прокурор сможет проинформировать любое должностное или частное лицо, а также общественность о ходе и результатах следствия. (...) А для преследования неугодных прокуроров и судей в прокуратуре появится специальный отдел. (...) В нормальной ситуации следовало бы обратиться к президенту, чтобы он перед подписанием закона направил его в Конституционный суд». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 30-31 янв.)

- «Сегодня мы являемся одной из немногих европейских стран, в которых нет независимой властной структуры, контролирующей работу спецслужб. (...) Гражданину, ставшему жертвой злоупотреблений полномочиями, просто некуда будет обратиться. Отсутствие в Польше независимого механизма,

контролирующего спецслужбы — это одно из главных поражений последних 25 лет», — Адам Боднар, уполномоченный по правам человека, в 2010–15 гг. был вице-президентом Хельсинкского фонда прав человека. («Тыгодник повшехный», 17 янв.)

- «Следствие, связанное с неисполнением обязанности по немедленному опубликованию решения Конституционного суда, прекращено». («Газета wyborча», 8 янв.)

- «Дело, возбужденное по заявлению депутатов от партии «Гражданская платформа», требующих проведения проверки постановлений Сейма относительно избрания судей Конституционного суда (КС), закрыто, поскольку КС посчитал, что не располагает полномочиями для проверки таких документов. По мнению судей, данные постановления не имеют юридической силы (...) и не являются нормативно-правовыми актами, так как не фигурируют в конституции в качестве источников права, а кроме того, не устанавливают каких-либо правовых норм». («Дзенник газета правна», 12 янв.)

- «Сегодня Конституционный суд состоит из 12 судей, наделенных легальными полномочиями по отправлению правосудия. (...) Двое новых членов суда принадлежат к пятерке судей, избранных депутатами фракции «Права и справедливости» в Сейме нынешнего созыва. (...) Председатель Конституционного суда по-прежнему не допускает к вынесению решений трех судей, избранных правящей партией и приведенных к присяге президентом Анджеем Дудой, одновременно взяв под свою защиту трех судей, выбранных парламентом предыдущего созыва, присягу которых президент так и не принял». (Марек Домагальский, «Жечпосполита», 13 янв.)

- «Демонстрации в защиту «пока еще общественных» СМИ прошли в 20 городах». «В акциях протеста приняли участие жители Кракова, Гданьска, Гдыни, Сопота, Вроцлава, Лодзи, Катовице, Познани, Бельско-Бяла, Гожува-Велькопольского, Торуня, Быдгоща, Щецина, Ченстоховы, Люблина, Ополе, Кельц, Закопане, Белостока и Жешува. (...) В столице, по словам вице-мэра Варшавы Ярослава Юзвяка, на улицы вышло около 20 тыс. человек. (...) В Познани, по данным полиции, количество демонстрантов достигло 5 тысяч. (...) В первой белостокской демонстрации Комитета защиты демократии участвовало 500 человек. (...) В Кракове на акцию протеста пришли 4 тыс. человек. (...) Несколько сотен человек вышли на демонстрацию в Бельско-Бяла». (Михал Вахнецкий, Себастьян Кляузинский, «Газета wyborча», 11 янв.)

- «Субботние манифестации Комитета защиты демократии (КЗД) показывают, что гражданский порыв, вызванный

недовольством по поводу происходящих в стране «перемен к лучшему», постепенно гаснет. Манифестанты (...) теряют запал. Относительно слабая явка во многих городах, за исключением столицы, не вселяет оптимизма сторонникам протестного движения. (...) В Катовице, Гданьске, Кракове, Лодзи на улицы вышли всего несколько сотен человек. А в других городах — немногим больше. Даже варшавская демонстрация, насчитывавшая более десяти тысяч участников, не производила сильного впечатления. Если сравнить манифестации КЗД хотя бы с акцией в защиту телеканала о. Тадеуша Рыдзыка «Трвам», собравшую полмиллиона человек, слабость КЗД выглядит более чем очевидной». (Яцек Низинкевич, «Жечпосполита», 13 янв.)

• «Это уже четвертая волна протестов, организованных Комитетом защиты демократии (КЗД). На этот раз к ней подключились 36 городов Польши. 16 из них под эгидой КЗД протестовало впервые, кроме того, по словам организаторов, прошло не менее полутора десятка протестных акций за границей. (...) Люди выражали свой протест в отношении действий правительства по ограничению прав и свобод граждан: нового закона о слежке, изменений уголовно-процессуальной процедуры и захвата общественных СМИ. (...) В Варшаве в акции протеста приняли участие более десяти тысяч человек. (...) В Люблине манифестация насчитывала тысячу участников, которых поджидала антиманифестация в лице 150 националистов». (Себастьян Кляузинский, «Газета wyborcza», 11 янв.)

• «То, что происходит сейчас в Польше — это, по сути, уничтожение конституционных гарантий законности и построение авторитарного государства. (...) Польша сама перечеркивает свои достойные восхищения политические достижения последних 25 лет. (...) И все это происходит в стране, входящей в ЕС и НАТО, то есть в сообщества, объединяющие либеральные демократии. И подрыв основ такого порядка должен вызывать протест. (...) Возможно, попытки Европейского парламента и Европейской комиссии в рамках своей компетенции обсудить ситуацию в нашей стране, каким-то чудом предотвратят зловещие намерения новых хозяев Польши, ставшие для всех очевидными. (...) К сожалению, худший сценарий представляется наиболее вероятным: Польша, которая погрязла во внутренних конфликтах и испортила отношения с соседями, утратила свои бывшие позиции на международной арене, оказалась бессильна перед российской угрозой, перестала экономически развиваться и внесла раскол в ЕС. Это страна спецслужб, политически ангажированной прокуратуры, агрессивной правительственной пропаганды и бесправных журналистов,

которым затыкают рты, страна, где власть поливает своих противников грязью всеми доступными ей способами. Я не удивлюсь, если этим людям придет в голову поменять конституцию, тем более, что к дискуссии все активнее подключаются церковные иерархи, которые готовы сделать из Польши страну, чья государственность крепко-накрепко повязана с религией и католической Церковью. (...) С возмущением и скорбью я наблюдаю за тем, как сводятся на нет все достижения последних десятилетий. (...) Все разваливается практически молниеносно. И я думаю, что это происходит из-за глупости некоторых политиков и значительной части нашего общества», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр и министр иностранных дел. («Польска», 15-17 янв.)

• «У нас была либеральная демократия и весь набор необходимых для ее функционирования процедур, который очень красиво выглядел на бумаге, однако значительная часть общества чувствовала себя вне этой игры. И если кто-то не находил себя в этой системе, ему говорили, что он сам в этом виноват. Ситуацию усугубляла и ущербность государства — права слабых и бедных были прописаны в законах, однако реальное право находилось на стороне сильного», — Адриан Зандберг, с 2005 г. — лидер организации «Молодые социалисты», с 2015 г. состоит в партии «Вместе», где входит в состав правления. («Тыгодник повшехны», 17 янв.)

• «“Право и справедливость” негативно относится ко всему, что большинство поляков считает успехом. Риторика ПиС такова: “Солидарность” ничего не добила, старый порядок все еще жив, Лех Валенса был агентом спецслужб, а Мазовецкий — ничтожеством, не говоря уж о Бартошевском, да и вообще, коммунисты и либералы ничем не отличаются друг от друга. Словно и не было никаких побед и достижений у свободной Польши после 1989 года. Невероятно, но ПиС, представив общественности такой образ Польши, добился определенных успехов. Правящая партия предлагает своим сторонникам собственную версию польской истории, и те слепо в нее верят; ПиС сводит счеты взаимных обид и придумывает героев для своего мифа. (...) Не стоит, однако, забывать, что когда-нибудь ПиС перестанет быть партией парламентского большинства. В историческом масштабе это всего лишь эпизод, но и его, к сожалению, будет достаточно, чтобы нанести стране серьезный урон. Политика нынешней власти ведет в тупик. Поляки с этим, конечно, справятся, но им придется заплатить большую цену за то, что они дали себя одурачить», — Норман Дэвис. («Ньюсуик Польска», 18-24 янв.)

• «“Происходит очень жесткая поляризация общества, которая затрагивает и тех, кто раньше не был активно вовлечен в

общественно-политическую жизнь. (...) Этот процесс наблюдается примерно с декабря, что только подтверждается историями, которые люди рассказывают мне на исповедях. О ссорах за рождественским столом, об агрессии и преследовании на работе, об угрюмом молчании тех, с кем еще недавно удавалось найти общий язык, а теперь можно лишь поскандалить, хлопнув на прощание дверью. Тенденции, о которых я говорю, только усиливаются, углубляются, и это очень печально, а в социальном контексте — просто опасно. (...) Наша общественная дискуссия постепенно превращается в войну между тутси и хуту, и этого я боюсь больше всего, поскольку вижу, как презрение к оппоненту мешает людям увидеть собственные недостатки. (...) Мне кажется, наши политики на протяжении многих лет живут одними лишь конфликтами. (...) Речь Посполитая начинает трещать по швам. (...) Я не думаю, что мировой прогресс всегда оборачивается чем-то хорошим. (...) Над Европой сегодня собираются черные тучи. Наступают тяжелые времена и для Польши», — о. Мацей Земба, доминиканец, богослов, философ, публицист, автор многих книг. («Польска», 1 февр.)

• «Правительство ПиС поддерживают 36% опрошенных, 31% респондентов составляют его противники, а 28% участников опроса равнодушно-нейтральны. Таковы результаты январского опроса ЦИОМа. (...) Пребывание Беаты Шидло на посту премьер-министра устраивает 41% респондентов». («Жечпосполита», 21 янв.)

• «Работу Сейма положительно оценивает всего 29% поляков, опрошенных ЦИОМом. Негативно о деятельности парламента высказываются 54% респондентов. Политику президента Анджея Дуды поддерживают 47% опрошенных, критически настроены по отношению к главе государства 38%». («Жечпосполита», 20 янв.)

• «По данным опроса “Общественно-политическая активность поляков”, проведенного ЦИОМом 7-14 января, в акциях протеста, которые организует Комитет защиты демократии (КЗД), принимает участие 1% респондентов. (...) При этом деятельность КЗД поддерживают 46% опрошенных, из них 30% “скорее поддерживают”, а 16% “однозначно поддерживают”. (...) О своем участии в манифестациях в поддержку политики нынешних властей заявляет 1% респондентов. Одобряют деятельность правительства 42%, (...) из них 31% “скорее поддерживают”, а 11% “однозначно поддерживают”». («Газета wyborcza», 9 февр.)

• Поддержка пар-тий: «Право и справедливость» — 32%, «Современная» — 28%, «Гражданская платформа» — 14%, Коалиция левых сил — 5%, Кукиз'15 — 5%, крестьянская пар-тия ПСЛ — 5%, КОРВиН («Коалиция обновления

Республики — Вольность и Надежда») — 5%, «Вместе» — 2%. Избирательный порог составляет 5%. Опрос проведен Институтом рыночных и общественных исследований 15–16 января». («Жечпосполита», 18 янв.)

- «Рейтинговое агентство «Standart & Poor's» зафиксировало вчера снижение польского долга в иностранной валюте с уровня А до уровня BBB+. Агентство также проинформировало о негативном прогнозе относительно рейтинга, который, скорее всего, будет падать». («Газета wyborcza», 16–17 янв.)

- «Агентство «Standart & Poor's» понизило рейтинг Польши вовсе не на основании текущей экономической ситуации в стране. Основанием стало ослабление независимости институтов, выступавших гарантами политической и экономической стабильности Польши. Упоминались Конституционный суд и общественные СМИ, однако настоящие опасения экспертов связаны с Польским национальным банком (ПНБ). Логика была такая: поскольку парламентское большинство считает, что обладает абсолютной властью, и поэтому никакие институты не имеют права им препятствовать, рано или поздно, эта проблема, скорее всего, коснется и ПНБ. А на ПНБ, согласно конституции, возложена обязанность по охране финансовой стабильности страны. Ослабление такого защитного фактора в будущем непременно приведет к серьезным финансовым проблемам», — Витольд Орловский. («Жечпосполита», 21 янв.)

- «По предварительным подсчетам Главного управления статистики, наш экономический рост в прошлом году составил 3,6% (в позапрошлом — 3,3%). С такими результатами Польша вполне может претендовать на статус одной из самых динамично развивающихся в экономическом отношении стран ЕС. Экономисты обращают внимание на безукоризненную структуру экономического развития Польши в 2015 году: росту национального продукта brutto способствовали как потребление, так и инвестиции, а также внешняя торговля». («Жечпосполита», 27 янв.)

- «Общий долг польского правительства, государственных и частных фирм, а также домашних хозяйств в иностранной валюте составляет около 350 млрд долларов. Это 75–80% польского ВВП, что значительно превышает порог экономической безопасности, который для таких стран, как Польша, составляет 60% ВВП. (...) В суматохе президентских и парламентских выборов политики не заметили, что у Польши уже сейчас довольно высокий дефицит государственных финансов, достигающий до 3% ВВП. И вместо того, чтобы предлагать какие-то решения, которые бы позволили экономить 40–50 млрд злотых ежегодно и тем самым сократить дефицит, наши политические деятели стали

предлагать нечто совершенно противоположное», — проф. Станислав Гомулка. («Ньюсуик Польша», 25-31 янв.)

• «По предварительным данным, в прошлом году численность населения нашей страны сократилась на 33 тыс. человек, составив 38 млн 446 тыс. Население Польши сокращается уже четвертый год подряд. (...) В прошлом году в нашей стране родилось около 372 тыс. детей, что на 3,5% меньше, чем в позапрошлом. (...) Демографы единодушно полагают, что сокращение населения нашей страны будет продолжаться. Это связано с тем, что вот уже более двадцати лет количество рождений не обеспечивает непосредственной смены поколений. Так называемый коэффициент рождаемости составляет в Польше 1,3 — а это означает, что на 100 женщин репродуктивного возраста (15-49 лет) приходится без малого 130 новорожденных. В случае же благоприятной демографической ситуации на 100 женщин, по возрасту способных к деторождению, приходилось бы 210-215 новорожденных». (Януш Ковальский, «Дзенник газета правна», 27 янв.)

• «Группа польских офицеров проверяет в Греции личные данные иммигрантов, которые должны будут у нас поселиться. Правительство хотело бы принять в первую очередь тех, кто в большей степени подвергается угрозам преследований — христиан, а также представителей наиболее уязвимых групп, то есть женщин с детьми и пожилых людей». («Наш дзенник», 11 янв.)

• «В Польше мы имеем дело с типичной манипуляцией, поскольку пока что (...) беженцев здесь нет, но ими постоянно всех пугают. (...) Опасность для Польши и поляков может создать не сам факт прибытия к нам исламских беженцев, а то, сколько их к нам приедет. (...) Несколько десятков тысяч беженцев не создадут для нашей страны каких-либо проблем. (...) Несколько лет назад (...) через Польшу прошла целая волна беженцев из Чечни в количестве 100 тыс. человек, и никто этого не заметил. (...) Проблемы начинаются, когда в поляках пытаются цинично пробудить демоническое начало, чтобы заработать на этом политический капитал. (...) Необходимо сделать все, чтобы принять в Польше мирно настроенных людей, которые хотят поселиться здесь в поисках нормальной жизни. (...) Важным обстоятельством является то, что у этих людей перед приездом к нам спрашивают, хотят ли они жить в католической стране», — епископ Кшиштоф Задарко, председатель Совета Епископата по вопросам миграции, туризма и паломничеств. («Польша», 8 февр.)

• «В субботу в Варшаве полторы тысячи человек приняли участие в манифестации, направленной против “мусульманского завоевания Европы”. Выступления депутатов

от партии “Кукиз’15” перемежались скандированием речевок о “грязнулях, дикарях и ублюдках”». («Газета выборча», 8 февр.)

• «Группа поляков напала на беженцев в Германии. Немецкая полиция задержала пятерых поляков, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, которые напали на мигрантов в лагере для беженцев в Адельсхайме». («Дзенник газета правна», 13 янв.)

• «30 часов общественных работ ежемесячно в течение года и запрет посещать стадионы в течение двух лет — к такому наказанию суд вчера приговорил четырех болельщиков футбольного клуба “Лех” (Познань) за то, что они в 2013 году во время футбольного матча вывесили плакат “Литовский хам, на колени перед польским паном”». («Газета выборча», 8 янв.)

• «Расизм, ксенофобия, ненависть — вот наши проблемы, и очень хорошо, что мы начали о них говорить, вместо того, чтобы как-то вытеснить их из своего сознания. Тем более сейчас, когда наш имидж формирует партия, которая видит Польшу национальным государством с одной религией. Эта партия выиграла выборы, однако позиция мэров многих городов показывает, что в Польше есть еще и люди, считающие основой своей ментальности и культуры европейские ценности. И этих людей посредством прямого голосования также выбрало общество. (...) Для меня демократия является святыней, а деятельность «Права и справедливости» в отношении Конституционного трибунала ведет к ограничению судебной власти, что, в свою очередь, нарушает принцип разделения и равновесия властей. Меня очень тревожат разговоры о возможных изменениях в конституции. (...) У меня есть определенные предубеждения относительно национал-социализма и коммунизма, а риторика и поведение Ярослава Качинского ассоциируются у меня с «руководящей ролью партии». (...) В моем городе какие-либо общественные и культурные мероприятия не будут запрещаться по идеологическим соображениям. (...) Здесь, в Познани, я намерен защищать тот нормальный, характерный когда-то для всей Польши, подход к культуре, свободе СМИ и другим европейским ценностям», — Яцек Яськовяк, мэр Познани. («Газета выборча», 30–31 янв.)

• «Мэры пяти польских городов — Вроцлава (Рафал Дуткевич), Познани (Яцек Яськовяк), Гданьска (Павел Адамович), Валбжиха (Роман Шелемей) и Кракова (вице-президент Катажина Круль) подписали совместную декларацию, получившую название “Вроцлавская декларация”. Во вступлении к ней говорится: “Будучи верными принципам толерантности и взаимоуважения, мы заявляем о своей готовности предпринять следующие шаги в целях создания в наших городах условий для доброжелательного

взаимодействия разных культур и мировоззрений”. Далее приводится перечень тех действий, которые намереваются предпринять авторы декларации». (по материалам «Газеты выборчей» от 30–31 дек.)

- «В Польше охотничьи билеты выданы 116 тыс. охотников, которые ежегодно отстреливают около 1,5 млн животных. Многих животных охотники ранят, при этом обнаружить удается только часть подранков — остальные, как правило, умирают в лесу. (...) Почти 70% поляков не одобряют современной охоты и не хотят, чтобы охотники жестоко относились к животным, как к неживым предметам». (Зенон Кручинский, «Газета выборча», 4 февр.)

- «Золотые времена дрофы в Польше приходятся на XVII–XIX века. Потом эта птица (весащая около 17 кг) стала постепенно вымирать. Во второй половине 70–х годов XX века дрофу пытались спасти, занимаясь ее опытным разведением, но в 1980 г. неизвестные злоумышленники забили палками 9 из 13 живших на ферме птиц. В 1989 г. погибла последняя польская дрофа. Однако в конце декабря натуралисты-любители сообщили, что в поле в 30 км от Кракова видели живую дрофу». («Газета выборча», 12 янв.)

- В манифестации против вырубки Беловежской пуши, прошедшей возле здания Канцелярии премьер-министра, участвовало около 2 тыс. человек. «Марш энтов (персонажи книг Толкиена, внешне напоминающие деревья) в защиту Беловежской пуши стал сенсацией, поскольку такой массовой демонстрации в защиту окружающей среды не было уже давно. (...) На мероприятии присутствовали политики из разных партий, множество простых людей пусть и самых разных взглядов, (...) но солидарных в том, что сегодня они вышли на защиту чего-то очень важного. Приехали и жители окрестностей Пуши. (...) Среди них были даже жители Хайнувки, а также близлежащих деревень, приехавшие самостоятельно, за свой счет. Они, в частности, рассказали, что думают о вырубке Пуши. Этих людей нужно поблагодарить особо, поскольку многие из них пошли наперекор мнению своих соседей и даже собственных семей». (Адам Вайрак, «Газета выборча», 18 янв.)

- «Поскольку так называемым экологами и группе натуралистов не удалась попытка административного расширения Беловежского национального парка, они пытаются уничтожить леса методом свершившихся фактов. (...) Поддерживаемые лево-либеральными СМИ и деньгами ЕС, экологи хотят максимально ограничить вмешательство лесных служб в работу по охране лесов». (Адам Кручек, «Наш дзенник», 1 февр.)

- «В декабре 2015 г. окружной суд Лодзи вынес решение об

отсутствии состава правонарушения в действиях депутата Стефана Несёловского («Гражданская платформа»), который назвал «Наш дзенник» «заборным листком» и «псевдокатолической» газетой, изливающей на читателя «бесконечный поток лжи». Судьи (...) посчитали, что пресса должна «с пониманием относиться к резким, а иногда и к слишком эмоциональным высказываниям на свой счет». Высказывания проф. Несёловского, по мнению суда, «носили оценочный характер и не выходили за рамки дозволенного»». (Зенон Барановский, «Наш дзенник», 21 янв.)

• «Главная новость для человечества заключается в том, что мы живем во времена шестой катастрофы, то есть внезапного кризиса биосферы, выражающегося в вымирании различных видов. (...) Так оно и есть на самом деле. Большинству людей чуждо понимание этой истины, а обладающие этим знанием, кажется, махнули на всё это рукой. (...) Еще никогда в истории человечества мы не находились в такой ситуации. (...) Нашим приоритетом должны стать экосистемы. Не отдельные виды, а целые экосистемы. (...) Я жду, когда политики скажут: «Нашим приоритетом является сохранением экосистем», «Экосистемы — это наше будущее». Я жду, что обычные люди во время самой обычной беседы скажут, что отказались от далеких путешествий ради сохранения экосистемы», — Рышард Кулик. («Дзике жице», февраль)

По горячим следам

Беседа со Збигневом Буяком на радиостанции RMF FM 19 февраля 2016 г.

— *Что происходит с Лехом?*

— Лех Валенса окажется теперь в очень трудной личной ситуации, я попросту опасюсь за его жизнь, поскольку у него уже возникали проблемы с сердцем, а такие люди, как мы, очень плохо переживают подобные моменты, обвинения такого рода, причем не только в Польше, но и везде в мире.

— *Считаете ли вы, что он совершил ошибку, в том числе и с точки зрения своего здоровья? Возможно, ему было тяжело в начале 1990-х годов дать честный отчет о случившемся, но почему в 2000-е годы, уже после окончания своего президентского срока он так и не рассказал, как все это выглядело?*

— Лех Валенса — очень сильная личность, а люди такого типа плохо переносят возле себя других сильных личностей. Поэтому остальных сильных людей — не только меня, но и Адама Михника, Бронислава Геремека, а также многих других — он держал на некотором расстоянии. По этой же причине он окружил себя какими-то, извините за выражение, «лопухами». Так вот, если кому-нибудь хочется обнажать подобного рода вещи из своей биографии, это делают не в окружении «лопухов», а в окружении других крупных, сильных личностей, потому что это чрезвычайно трудный момент. А Лех Валенса таких людей отогнал от себя на пушечный выстрел. Именно так действуют люди подобного склада. И мы это знали. Для нас Валенса остается великим лидером того времени — со всеми своими личными слабостями, которые и привели к конфликту с ближайшим окружением: с Аней Валентинович и многими другими. Единственным человеком, который остался рядом и пользовался доверием Валенсы, был Богдан Борусевич, служивший связующим звеном между нашими сферами.

— *А не сказался ли на отношениях Валенсы с его ближайшим окружением: с Анной Валентинович или семейством Анджея Гвядзы — как раз факт сотрудничества со спецслужбами в 1970-1976 гг., факт, что существовали подтверждающие это документы, которые где-то циркулировали, а часть людей питала убеждение, что Лех Валенса был секретным сотрудником?*

— Нет. Подозреваю, что это никак не связано с тем, о чем вы говорите. Зато, когда спецслужбы вновь вытащили данное дело на поверхность, это только обострило неприязненные

отношения между ними и Валенсой. Позже было уже невозможно вернуться к сложившейся ранее ситуации.

— *Вы полагаете, что в 1970 году (после декабрьских событий, этого страшного момента в истории Польши) Леха Валенсу сломили, и он вплоть до 1976 г. сотрудничал со службой безопасности ПНР, а потом разорвал это сотрудничество, и оно уже не имело для него ни малейшего значения?*

— Не имело. Позднее это сотрудничество лишь аукнется — таким образом, который оказался пагубным для нашего и его положения, приняв форму, когда близкие ему люди (к примеру, тот же Анджей Гвезда) вытаскивали это сотрудничество в качестве своего рода обвинения. Для меня уже это не подлежит сомнению — сегодня папка с делом Леха Валенсы служит инструментом борьбы, причем не политической (потому что к политике я отношусь серьезно), а исключительно за власть. Она стала инструментом борьбы отдельных группировок и людей за власть, и таким инструментом уже останется.

— *Как в соответствии со своим разнообразным опытом чувствует себя Збигнев Буюк, когда слышит, что у власти есть потребность знать о нас всё?*

— Очень плохо. Меня поражают масштабы возможностей слежки. В былые времена мы боялись прослушки, наблюдения и надзора, но те возможности, которыми располагают спецслужбы сегодня, меня просто шокируют. Разумеется, пока эти возможности направлены против преступников — всё в порядке, но ведь я отдаю себе отчет, что в борьбе за власть и за должности, вообще в предвыборной борьбе эти современные политики способны прибегнуть к любым методам. И во всем этом я чувствую себя ужасно.

— *Что обнаружится в материалах совещаний Круглого стола в Магдаленке ?*

— Любопытные вещи. Любопытные в том смысле, что на переговорах такого типа игра, ведущаяся за их окончательный результат, — это довольно-таки сложная игра. Например, на кинолентах мы видели весьма активного Адама Михника. Почему? Потому что как раз Адам Михник энергичнее всех убеждал нас в необходимости урегулирования этого конфликта посредством переговоров. Поэтому, когда дело уже дошло до реальных переговоров, он чувствовал себя по-настоящему счастливым из-за того, что мы решаем данный конфликт именно таким путем. Мы видим его в ходе переговоров с проф. Рейковским, а тот был серым кардиналом второй стороны, и отсюда ясно, что Рейковский здесь — важная персона. Для людей, которые занимаются переговорной тактикой и стратегией, названный фильм невероятно ценен. Мы, впрочем, видели, что нас снимают. Если бы мы были подозрительнее, то

просто не позволили бы вести съемку, и дело с концом. Но мы согласились на нее, так как знали, что это будет в какой-то степени интересный документ эпохи.

Видим мы там и других лиц, например, переговоры с Анджеем Гдулей, который тогда действовал на стороне «партийного бетона» и был готов в случае необходимости даже опрокинуть весь этот Стол. Таким способом мы имеем возможность показать на указанных переговорах все важные фигуры и моменты. Вопрос лишь в том, насколько Адам Михник и Януш Рейковский были бы сегодня в состоянии вспомнить, о чем они в то время переговаривались. Для истории переговоров такого типа это было бы весьма важным элементом.

— *Вы прекрасно знаете, что Магдаленка стала неким символом — символом всего зла, связанного с переговорами за Круглым столом: тайных пактов о будущем ненападении, о том, что определенные сферы влияния будут сохранены, что расставание власти с властью не окажется настолько болезненным, каким оно могло бы стать. Происходило ли нечто такое в Магдаленке и вылезет ли это сегодня на свет божий?*

— Ничего такого не происходило и ничего не вылезет. Вылезти оно может только в том случае, если участники захотят вспомнить какие-то из более трудных моментов, а мы сможем чуть лучше выяснить, в чем состояла тогдашняя тактика. Впрочем, самым большим скандалом, который я видел на вышеуказанной пленке, было то обстоятельство, что три человека, а точнее, Лех Качинский, Адам Михник и Яцек Куронь, безостановочно смолят сигареты. Сегодня такие вещи были бы невозможны, так как культура проведения совещаний сделалась иной. С подобной точки зрения эти вещи могут оказаться любопытными.

Тосты, возлияния — эти факторы выглядят, конечно же, отягчающими. Надо лишь не забывать, что в такого рода ситуациях и на таких переговорах тосты всегда крайне красноречивы и многозначительны. Мне больше всего запомнился первый момент, от которого у нас прямо-таки кровь в жилах застыла, когда вдруг генерал Кищак провозгласил тост за генерала Ярузельского. От этого у нас все внутри похолодело, и мы быстро начали соображать, как тут быть. С одной стороны, ведь именно Ярузельский примет решение, подписывает он данный пакт или нет. Стало быть, он — важная фигура, и за его здоровье есть смысл выпить. Но, коль мы выпьем за его здоровье, то каким должен быть ответ с нашей стороны? Среди нас имеется один человек, у которого коэффициент IQ равен 221, так что все мы смотрим на Адама Михника: мол, ты чего-нибудь придумал или нет? И вот проходит тот первый момент, когда он тоже окаменел, и мы вдруг видим, что в его глазах появляется блеск, такая легкая

улыбка... Ага! Он знает! Хорошо, значит, нам можно выпить. А через минуту-другую тост предлагает Адам Михник. За кого? За здоровье Андрея Сахарова. Здесь уже Кищака малость передернуло, но и они выпили. Позже оказалось, что правильно сделали. Когда в личном разговоре я спросил у генерала Ярузельского, в какой момент он принял решение, что будет вести переговоры, он ответил, что таким импульсом для него, как выяснилось, послужил телефонный звонок Горбачева Сахарову.

— *Мог ли человек того типа, каким был генерал Кищак, запланировать такой сценарий после своей смерти? Как, по вашему мнению, обстоит дело с этими бумагами Кищака, которые сейчас всплыли у его вдовы?*

— Это почти классическая ситуация. Многие люди, в том числе знаменитые агенты, равно как и руководители различных спецслужб стараются собрать важные бумаги. У нас данное явление еще более усугубляется, поскольку все процедуры рухнули, так что в определенный период он мог затребовать нужные ему папки или дела и попросту забрать их домой. Никто не отваживался спросить его об этом. Процедуры, которые функционируют в Соединенных Штатах, Англии, Канаде либо Германии, делают такие вещи невозможными, но даже там случается, что пропадают документы такого рода. Здесь нет ничего сверх того, что нормально функционирует в спецслужбах и политике.

— *Почему правящая ныне коалиция и, например, Кшиштоф Вышковский так ненавидят Круглый стол и Леха Валенсу, называя это «предательством»?*

— Вышковский и другие, то есть весь авангард «Солидарности» — это люди незаурядные, с сильными характерами. Когда завершается та эпоха борьбы, с которой мы имели дело когда-то, и наступает время серьезных системных реформ, то перед людьми вроде меня встает вопрос: какую задачу ставит перед нами в этой только что возникшей ситуации наше новое, вновь обретенное государство? И когда нам говорят, что мы были нужны во время борьбы, а теперь пришло время строительства, стало быть, затребованы совсем другие люди, нас тем самым сталкивают на обочину, а это в людях нашего типа обязательно вызывает злость и протест. Как вы знаете, я отказался принимать орден за заслуги тех лет, сказав, что я еще молодой человек и мне нужен не орден, а задание. В Вышковском я вижу такого же человека. Если принять во внимание все его достижения, а также индивидуальные качества, то он являлся человеком, которому в Третьей Речи Посполитой можно было поручать очень серьезные миссии, задачи и роли.

— *Добавим к этому, что в 70–80-х годах он был необычайно храбрым человеком.*

— Разумеется. Я бы сказал, что для партнеров из-за рубежа личность вроде Вышковского, стоящая во главе, например, какой-нибудь из специальных служб, была бы гарантией стопроцентной надежности. Самая главная и единственная компетенция для руководителя спецслужб — это то, можем ли мы полностью доверять ему. С точки зрения всей геополитической конфигурации в целом. Если таких людей держат где-то в стороне и отстраняют от государственных дел, то непременно возникнут проблемы.

— *Как вы, один из создателей Гражданского комитета солидарности с Украиной, оцениваете ситуацию в этой стране?*

— С одной стороны, мы наблюдаем теперь в ее парламенте и кабинете министров весьма скверную ситуацию. Зарубежные партнеры Украины очень плохо смотрят на любую попытку прямо сейчас осуществить реконструкцию ее кабинета или (упаси Бог) провести выборы. Просто не хотят ничего такого, и это правильно, поскольку подобные вещи будут очень сильно дестабилизировать внутреннюю ситуацию. Они бы предпочли, чтобы страна сосредоточилась на процессе реформ, которые постепенно продвигаются вперед. С другой стороны, то, в чем принимаю участие я, — это феноменальное развитие гражданского общества. Такую атмосферу, стихийный подъем и степень ответственности у людей я наблюдал только в период польской «Солидарности». Я полон оптимизма, если речь идет об Украине. Нынешнюю войну они уже в принципе выиграли. Вопрос теперь только в одном: как это закончить?

Расшифровала Элиза Вольская

Збигнев Буяк (р. 1954) — активист демократической оппозиции, руководитель «Солидарности» региона Мазовия, деятель подпольных структур «Солидарности». В настоящее время — преподаватель Варшавского университета.

Уголь и влияние России

Способны ли приоритеты правительства Беаты Шидло и проводимые в структуре государственной администрации изменения гарантировать энергобезопасность на уровне страны, регионов и потребителей энергии? Над этим вопросом размышляет председатель Института возобновляемой энергетики Гжегож Вишневский.

Приоритетом правительства является «обеспечение безопасности граждан нашей страны», в том числе «экономической безопасности, особенно в хозяйственной и информационной сферах», — заявила в своей речи в Сейме премьер-министр Польши Беата Шидло. Непосредственно после ее выступления Сейм утвердил поправки к закону о деятельности правительственной администрации, которые позволили сформировать в структуре правительства Министерство энергетики, а также назначить уполномоченного правительства по делам стратегической энергетической инфраструктуры. За энергетическую безопасность отвечает не только министр по делам энергетики, политическая задача которого — «контроль польского угля как источника энергии», а формально — забота об инфраструктуре передающих энергетических систем, но и уполномоченный правительства, осуществляющий надзор за государственными операторами сети транспортировки электроэнергии и газового топлива.

Известно, впрочем, что основой экономической безопасности (хотя и не единственной) является энергобезопасность, которая в Законе об энергетике определена как «состояние экономики, позволяющее целесообразно с технической и экономической точек зрения удовлетворить текущий и перспективный спрос потребителей на топливо и энергию при соблюдении требований охраны окружающей среды». Возникает вопрос, справится ли новая структура управления энергетической безопасностью с задачами, поставленными в Законе об энергетике, и отвечает ли существующее определение энергобезопасности актуальным требованиям, а также общественным ожиданиям и задачам развития страны. Закон лишь перечисляет три аспекта энергетической безопасности: технический, экономический и экологический, не определяя их взаимосвязи. Ошибочным видится упрощение, состоящее в буквальном понимании данного в законе

определения и трактовка этих понятий как друг от друга не зависящих, в виде «трех столпов» — ведь повреждение даже одного из них чревато для всей конструкции. Неверным представляется также выстраивание их в иерархию, по подобию пирамиды потребностей Маслоу, в которой нижний слой представлен техническим аспектом, средний — экономическим, а вершина — экологическим. Такой подход, пропагандируемый энергетическим сектором, приводит, в частности, к умалению значения экологического аспекта, трактуемого как «высшая потребность», удовлетворение которой не имеет смысла без предварительного обеспечения потребности основной — технической, реализуемой без учета как экономических последствий (платить будет клиент), так и экологических, в особенности долгосрочных. Последние, как правило, связываются с покрытием экологических издержек из других источников (бюджеты ведомств по охране окружающей среды, здоровья, сельского хозяйства).

А где забота об окружающей среде?

Можно заранее поставить условие, что уполномоченный правительства в ранге статс-секретаря, отвечающий за передающую инфраструктуру, позаботится в первую очередь о технических аспектах и международных связях, а министр энергетики — об экономике производства и доставке, но учтет ли кто-нибудь экологические аспекты? Сможет ли министр по делам энергетики, занимающийся прежде всего вопросами контроля польского угля, действовать «целесообразно с экономической точки зрения» и в соответствии не только с настоящими, но и с будущими экологическими требованиями? Как совместить развитие международных связей и транспортировочных свойств топлива и энергии с ценой на уголь, как особый источник энергии, во внешней политике? Исследования показывают растущий вместе с тем спрос общества на увеличение безопасности. Следует дать время обоим новоназначенным министрам присмотреться к проблемам или даже противоречиям, но уже сейчас стоит задавать вопросы и выдвигать требования, поскольку проблема эта серьезна и не всегда обществом осознается. Проще говоря, ни обеспечение поставок нескольких тонн угля в каждое из домашних хозяйств, ни развитие передающих сетей газа и электроэнергии не решат проблемы энергетической безопасности потребителя. Чего еще не хватает, и какие дополнительные аспекты следует учесть? Существующее определение энергетической безопасности и принятые политические цели допускают необходимость диверсификации энергобезопасности между тремя уровнями — государственным, региональным и местным. Согласно

действующему закону, на местный уровень передана лишь ответственность за обеспечение безопасности в сфере удовлетворения тепловых потребностей, а коммунальная инфраструктура, в соответствии с вышеупомянутым переработанным законом об отделах правительственной администрации, относится к Министерству развития. Это результат традиционного понимания рынков электроэнергии, газового топлива и тепла как не зависящих друг от друга. Возникает вопрос, рационально ли с экономической, экологической и общественной точек зрения в эпоху развития новых технологий (таких, как рассеянные солнечные, ветряные и биогазовые источники, а также подвижные приборы с накопителями энергии, к примеру, тепловые насосы и электрические автомобили) перекладывать ответственность за энергетическую безопасность исключительно на центральную власть и государственные фирмы, и до какой степени могут и должны взять ее на себя граждане, в том числе так называемые просументы (мелкие производители энергии для собственных нужд или на продажу), а также локальные и региональные органы власти самоуправления. Стоит отметить, что уже правительство Ежи Бузека в своей стратегии энергетической безопасности 15 лет назад указывало на большое значение локального «столпа безопасности». Многие свидетельствуют о том, что к этой концепции стоит и даже необходимо вернуться, чтобы не поддаться иллюзии, будто уголь и передающие сети — это сейчас единственное и перспективно лучшее решение стоящей проблемы.

Источником новой опасности для работоспособности электроэнергетической системы в ее нынешнем виде становится меняющийся климат. Уже забылся щецинский блэкаут — результат катастрофического обледенения воздушных линий электропередач весной 2008 года. С точки зрения отдельных потребителей (населения, агломераций и фирм), критичным является также неустойчивость сетей к аномальным погодным явлениям — метелям и бурям, увеличение количества которых мы наблюдаем в последние годы. Необходимость использовать в августе прошлого и нынешнего года административный инструмент ограничения потребления электроэнергии, каким было введение, в силу погодных явлений, 20-й степени подачи^[1], со всей остротой обнажила проблему непосредственной угрозы энергетической безопасности в наиболее важном — техническом — аспекте (временная утрата равновесия в балансе электрической мощности). Угольные тепловые электростанции (охлаждаемые водой из обмелевших рек) и существующие передающие сети оказались неэффективными при повышенном спросе на электроэнергию для кондиционеров во время жары. Но случай

этот послужил основой для требования (главным образом, со стороны представителей электроэнергетического сектора) ускорить процесс восстановления и дальнейшего расширения производственных возможностей, по-прежнему опирающихся на сжигание угля как гаранта энергобезопасности. Однако проектирование форм заявленного в речи премьер-министра обеспечения безопасности (в том числе энергобезопасности) таким образом, чтобы оно было признано целесообразным действием, требует предварительной оценки возможностей, которые появляются в результате технологического прогресса. Необходим также анализ рисков, проведенный с особым учетом явлений, до сих пор отсутствующих, в том числе совершенно новых рисков климатического характера, оцениваемых в категориях так называемого «столетнего риска». Повторения похожей ситуации нельзя исключить ни летом 2016 года, ни даже зимой этого года, если при низком уровне воды ударят сильные морозы. В декабрьском рапорте Европейской сети операторов передающих систем (ENTSOE-E) Польша названа единственной страной в Евросоюзе, у которой по разным причинам уже этой зимой могут возникнуть проблемы со сбалансированием мощности.

Анализ дальнейшего развития электроэнергетического сектора в контексте энергетической безопасности следует начать с утверждения, что инвестиционные решения, принимаемые сегодня, будут действовать в течение 40–50 лет, поскольку именно таков период жизни крупномасштабных энергетических активов (производственных единиц и передающих линий). Обязательной является постановка вопроса, в какой степени эти активы будут согласовываться с рынком энергии (в масштабе страны и Европы в целом) на протяжении всего периода их существования. И здесь недопустима аргументация, что поскольку в течение 150 лет электроэнергетический сектор в принципе не изменялся (увеличивалась только мощность единиц), то и в течение последующих 50 лет также ничего не изменится. В качестве предостережения может послужить пример телекоммуникационного сектора, где сегодня уже никто не думает о строительстве коммутаторов (которые были повсюду еще 20 лет назад), а городские телефонные будки сейчас массово исчезают с улиц за ненужностью. Финансисты и сотрудники компании «Carbon Tracker Initiative», в связи с подписанным в Париже мировым соглашением по вопросу ограничения роста температуры земного шара на 2°C, утверждают, что энергетические фирмы при планируемых инвестициях в ископаемое топливо могут впустую потратить 2 млрд долларов США, поскольку никогда не смогут использовать мощность этих источников. Эти явления нашли отражение

уже в начале 2014 года, например, в решениях французского концерна «GDF Suez» (ныне — «Engi») об отказе от строительства угольных и газовых электростанций в ЕС (в том числе в Польше). В конце 2015 года о подобных решениях заявили немецкие концерны. Компания RWE сообщила, что не запустит свою инвестицию размером 1,1 млрд евро в угольную электростанцию, а группа компаний E.ON в 2015 году заявила о закрытии двух новых нерентабельных газовых блоков. В этом отношении необходим учет новых возможностей, какие дает развитие технологий производства энергии, основанных на иных, чем сжигание ископаемого топлива, технологических процессах, а также развитие технологии запасания энергии и телекоммуникационных технологий, позволяющих эффективным образом интегрировать использование собственных (в идеале — местных) запасов энергии и управлять таким рассредоточенным ресурсом.

Угроза с востока

Появляются и совершенно новые риски — политические. Не секрет, что Российская Федерация во главе с президентом Путиным превратила энергоносители в политическое оружие. Это касается, в первую очередь, поставок природного газа, но электроэнергетика, в силу ее непосредственного и незамедлительного влияния на все экономические процессы, отнюдь не становится с этой точки зрения менее «привлекательной». Не секрет также, что приоритетами внешней политики России является деятельность, направленная на ослабление Евросоюза как структуры, единство которой препятствует реализации экономических и политических целей РФ, в том числе на экономическое и политическое ослабление Польши как члена ЕС. Идеальным инструментом реализации этой политики является продвижение мнения о роли угля как гаранта энергетической безопасности Польши. Это позволяет, с одной стороны, вносить разлад между Польшей и Европейской комиссией в сфере инструментов климатической политики и создавать образ Польши в глазах европейского общественного мнения как отсталого и ненадежного партнера, а с другой стороны, усиливать разногласия внутри польского общества за счет настраивания его против горнодобывающей отрасли из-за необходимости терпеть убытки, связанные с поддержкой этой отрасли из средств бюджета. Впрочем, поддерживаемые обществом белхатувская забастовка (2003) и недавняя забастовка шахтеров Ястржембской угольной компании являются примерами того, насколько несерьезен тот аргумент, что собственные ресурсы угля как носителя первичной энергии являются сами по себе гарантом безопасности. Недавним

примером того, сколь резкие формы может приобретать использование электроэнергетики в политических целях, может быть физическое отрезание Крыма от украинской энергетической системы. А учитывая драматичное развитие политической ситуации на юге Европы, можно прогнозировать, что «желающих» прибегнуть к этому средству будет больше. До сих пор никто не предполагал в качестве реального сценария возможной террористической атаки на электроэнергетические установки.

Неустойчивость электроэнергетической системы к описанным выше угрозам, носящим прогрессирующий характер, тесным образом связано — в существующей модели энергосистемы — с масштабом отдельных производительных установок. Крупные источники, уже сами по себе могущие стать объектами целенаправленной атаки, нуждаются в транспортировке энергии на большие расстояния, а необходимые для этого сети подвержены угрозам как со стороны погодных явлений, так и со стороны терактов. Более того, следует отметить, что современная экономика, в том числе и энергетическая, будет опираться в решающей степени на средний и малый бизнес, значительно более гибкий в вопросах реагирования на изменяющиеся рыночные условия, чем известные из истории «великие стройки социализма». Поэтому постепенное рассредоточение потребителей должно сопровождаться также распределением источников энергии, размещенных как можно ближе к местам потребления, ориентированных на использование рассредоточенных, локально доступных запасов первоначальной энергии, доступ к которым нельзя ограничить ни политическим решением, ни авантюрой определенной группы лиц, ни терактом. Ограничение роли сети как средства передачи энергии позволит также хотя бы частично ограничить разрушительное влияние меняющегося климата. В противном случае сама несогласованность между по-прежнему развивающимся централизованным производством электроэнергии и ее рассредоточенным потреблением будет источником растущей неуверенности, угроз и дополнительных затрат, независимо от рисков, описанных выше. Рискованно оставлять без внимания повторяющиеся время от времени и надоевшие до оскомины демагогические пассажи о том, что, якобы, национальные запасы ископаемого топлива являются единственным гарантом безопасности и суверенности страны, а возобновляемые источники, эфемерные по своей сути и дорогие, — это всего лишь прихоть богатых, которую Евросоюз пытается навязать нам с целью навредить.

Для эффективного осуществления этих действий необходимо оградить законодательный процесс от составления закона под диктовку местнических групп, чьи интересы идут вразрез с

государственными интересами Польши или только вынужденно с ними согласуются. В этой связи нужно проследить механизм блокирования в течение нескольких последних лет — уже на уровне правительственных работ — всех бывших (в общей сложности четырех) законодательных инициатив, целью которых было создание юридического инструментария для заложения в Польше основ современной энергетики, использующей рассеянные ресурсы, и механизм искажения закона о возобновляемых источниках энергии, который превратил этот закон из способствующего развитию в блокирующий его. Польша обязалась перед ЕС выполнить эти действия, и их неисполнение или неэффективность в недалекой перспективе приведет к необходимости импорта «зеленой» энергии, принудит Польшу осуществлять дорогие, так называемые статистические трансферты, или спровоцирует наложение со стороны Европейской комиссии санкций за неисполнение очередных директив, а уже сейчас препятствует развитию производства необходимых материалов и устройств. Результатом этого — если неизбежность санкций станет осознаваемым фактом — станет исполнение этих решений из необходимости опираться на импорт топлива, энергии, а также современных технологий, не лучшим образом отвечающих нашим потребностям.

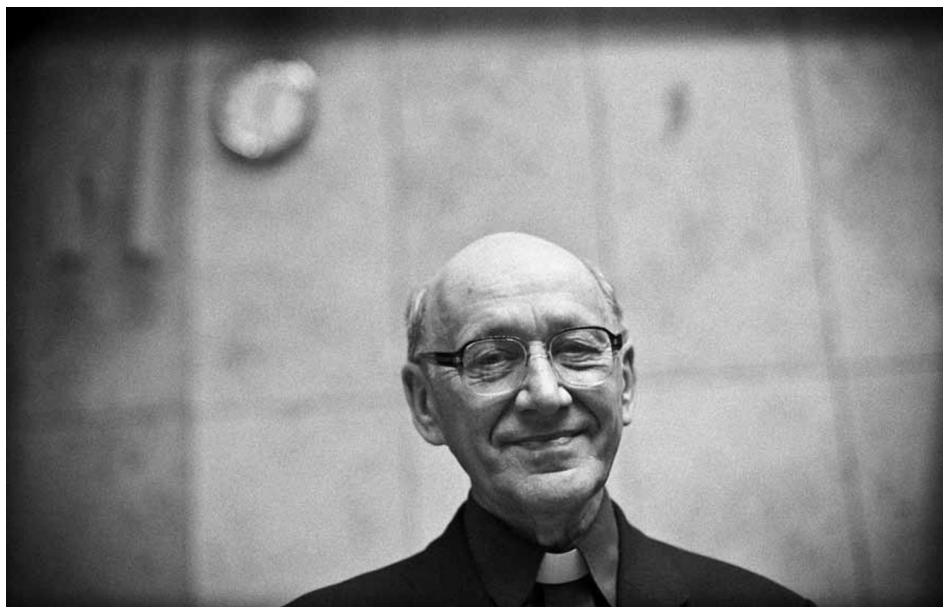
Шанс для Польши

Парадоксально, но декарбонизация, форсируемая Европейской комиссией в рамках ее климатической политики, планомерно вводимая и умело используемая, может быть инструментом повышения уровня безопасности граждан и суверенности Польши за счет ослабления влияния политики РФ на ее внутреннюю ситуацию и отношения в рамках Евросоюза. Ее медленное, но последовательное осуществление намечает пути выхода из ловушки, в которой на протяжении многих лет находится правительство Польши, провоцируемое угрозами со стороны нынешних шахтерских забастовок или гражданских протестов против повышения цен на электроэнергию. Запомнившееся падение правительства Болгарии на волне таких протестов должно, вероятно, подтвердить эти опасения правительства. Важно, однако, что вовлечение ресурсов государства в борьбу с климатической политикой ЕС сохраняет ощущение невозможности выхода из замкнутого круга, затянутого вокруг правительствующих энергетическим сектором, извлекающим пользу из сохранения статус-кво. В общественное сознание еще не проник тот факт, что прежнее развитие централизованной электроэнергетики, основанной на угле, провоцирует гораздо более высокий рост цен на

электроэнергию, чем переход на рассредоточенное производство, использующее возобновляемые ресурсы, которые способны остановить эту тенденцию. Смена лиц на высоких постах в администрации и руководстве энергетических компаний дополнительно усиливает предположение, что мы можем столкнуться с соблазном «законодательного поощрения» или непосредственным лоббированием «из центра» администрации местных отраслевых интересов. Проблема партикулярного создания закона в целях внедрения непрозрачной и вредящей энергобезопасности и охране окружающей среды технологии сжигания биомассы с углем, а также афер по введению порочного закона, широко описана. Технологии изменились, но менталитет, по крайней мере, некоторых отраслевых руководителей, пожалуй, остался неизменным. Сколько в этом «собственной инициативы», а сколько более или менее умелого влияния чужих интересов — сегодня оценить нельзя. Исходя, однако, из сентенции «по плодам их узнаете их», эффективность этих влияний может внушать уважение. Процесс отхода от ископаемого топлива невозможно осуществить за какие-нибудь 10–20 лет. Необходим, однако, сигнал, на уровне политических деклараций и законодательства, о целесообразности инвестирования в развитие промышленности и услуг, направленных на использование рассредоточенных производительного и запасного ресурсов, «умных» домов, «умных» сетей и контроля над ними, а также потребительских решений в сфере как частных, так и промышленных потребителей энергии. Это то пространство, которое вполне в состоянии создать альтернативные места работы по мере их неизбежного сокращения в горнодобывающей промышленности, которая — главным образом по причинам общественным — не может быть оставлена в одночасье. Было бы неправильным — вопреки экономическим фактам — без конца обманывать шахтеров и держать их в заблуждении об их решающей роли в экономике в долгосрочной перспективе. Да, горнодобывающая промышленность исторически была настоящим двигателем экономического развития страны, но нельзя закрывать глаза на ускоряющиеся процессы технологических изменений. Сейчас угольные производственные ресурсы должны помочь в деле перехода на новую энергетику, отвечающую современным требованиям и возможностям, и не должны становиться причиной замедления развития страны и постепенного, но неизбежного в среднесрочной перспективе, ослабления энергобезопасности.

-
1. Наибольшее ограничение при подаче электроэнергии в целях предотвращения повреждения технологических объектов. — Примеч. перев.

Дети звезд, потомство Бога

о. Михал Хеллер. Фото: East News

Верующие, пытающиеся совместить веру с наукой, обречены на риск проб и ошибок. Совершенно неожиданную помощь они недавно получили от священника Михала Хеллера.

Встреча обещала быть исключительно интересной. Выступление отца профессора Михала Хеллера, ежегодно организуемое Высшей школой информатики и управления в Жешуве, всегда собирает толпы. В прошлом году число слушателей в Подкарпатской филармонии превысило нормы, гарантирующие безопасность здания, — пришло около полутора тысяч человек, поэтому в нынешнем году ввели бесплатные билеты, которых распространили около тысячи. Круглый, двадцатилетний юбилей основания этого учебного заведения должен был украсить дуэт — для беседы с отцом Михалом Хеллером о науке и вере был приглашен Кшиштоф Занусси.

В материалах, анонсирующих встречу, отец Хеллер приводит цитату из последней книги Занусси «Стратегии жизни», в которой режиссер упрекает богословов в том, что они игнорируют достижения современной науки. Например, избегают сопоставлять фундаментальные, метафизические вопросы мироздания с тем, что о бытии вне времени говорит наука. «В области богословия на эту тему господствует почти полное молчание, а потому у молодежи складывается

ощущение, что религия оперирует мышлением из прошлой эпохи, что это вера бабушки и дедушки, но ведь это ошибка», — заключает Занусси. Во время своего доклада отец Хеллер добавил, что получил книгу от автора с посвящением, относящимся как раз к этой цитате. Он решил принять вызов и предложил организаторам пригласить режиссера. Никто, однако (включая ведущего встречу, а также автора этих слов), не ожидал, что отец Хеллер, прежде чем включиться в дискуссию, представит концепцию под стать Тейяру де Шардену, учитывающую знания XXI века.

Драма Космоса

Отца Хеллера представлять не надо. Его труды как космолога, активно участвующего в научных проектах, и одновременно католического священника, труды на стыке веры и науки характеризуются проницательностью и вместе с тем большой осторожностью суждений. Он пишет в соответствии с принципом: лучше меньше, но более обоснованно, чем больше, но спекулируя на отвлеченные темы. Начиная свое выступление, озаглавленное «Космическая драма. Моя личная концепция», автор предупредил, что оно будет несколько иным, чем прежде.

Современная наука все точнее описывает драму Космоса — от Большого Взрыва до различных сценариев будущего конца. Одновременно религия также дает представление великой драмы. «Всю свою жизнь я был вынужден жить в этих двух драмах», — начал ученый и признался, что для него не является проблемой вопрос: существует ли Абсолют? Проблема в том, чем или кем он является. Мыслью или Материей? Сознанием или Общим Принципом? Абстракцией или Конкретным понятием? Поскольку мы существуем, существует нечто, и мы являемся его частью. Это «нечто» можно принять за абсолют.

Бесспорно, отец Хеллер изначально считает абсолютom Вселенную вместе с объясняющими ее фундаментальными основами. Вселенную исследуют эмпирические науки. Одним из важных путей, ведущих к пониманию основ Вселенной, является ее рациональность — Вселенная поддается исследованию рациональными методами. Если бы остановиться на этом этапе, концепцию Хеллера следовало бы признать пантеистической. Однако таковой она не является. Сначала космолог расправился с материализмом, гласящим, что существует только безжизненная, аморфная материя. Тезис представляется очевидным, пока физика не начинает ставить вопросы. Из чего состоит материя? Современная наука утверждает, что материя — конфигурация различных физических полей и элементарных частиц, которые являются

их квантами. «Существование неразрывно связано с безмерно сложной сетью структур, которые в значительной мере удается описать математически. Существование и рациональность — это два обличья одного и того же», — заключает Хеллер.

После таких вводных объяснений выступающий перешел к представлению общих положений своей концепции. Она начинается с Состояния Альфа (Пьер Тейяр де Шарден говорил о пункте Альфа), из которого берет начало всё. Как Хеллер это понимает?

С богословской точки зрения, это акт возникновения Вселенной. С физической точки зрения, не следует отождествлять его с Большим Взрывом. «Мы не знаем, было ли что-то «до того». Не знаем, существуют ли другие Большие Взрывы и другие Вселенные», — говорит священник-космолог и утверждает, что нам неизвестно: возможны ли иные совокупности физических законов, которые действовали бы в каких-то других вселенных, или же логически возможна только одна совокупность законов. Речь идет о начале Вселенной в онтологическом порядке.

И еще одно важное замечание: не следует понимать начало во временном смысле, поскольку современная наука учит, что время является производной физических законов, а «когда родились физические законы, времени еще не было».

«Я понимаю это Состояние Альфа как Большое Сгущение — сужение или сжатие безмерного Поля Рациональности, Логоса в самом чистом виде — сведение его к тому, что могло случиться и что случилось, к тому «подполю» рациональных структур, которое стало законами физики и благодаря которому Вселенная (или вселенные) и начала свое приключенческое существование» — говорит священник-космолог.

Двойное Воплощение

Это было первое Воплощение Логоса. Бесконечное Поле Рациональности стало телом Вселенной (я уже упоминал, что взгляды Хеллера представляют собой не пантеизм, отождествляющим Бога с Космосом, но панентеизм, утверждающий, что Бог безмерно превышает Космос, хотя и охватывает его своим существованием). Вселенная оказалась зачата (зародилась), как образно выражается проф. Хеллер. И тут автор вводит важное предположение: следуя за традицией метафизики, он отождествляет Истину с Благом. А как ученый-космолог, он знает, что наука не занимается благом. Она скрупулезно отделяет истину от ценностей, исследовать которые не может за неимением соответствующих инструментов.

Но концепция, объединяющая весь опыт и понимание действительности, не должна руководствоваться таким

методологическим ригоризмом — Михал Хеллер отмечает, что она не является научной теорией, а лишь философской гипотезой. Если в бесконечном Поле Рациональности мы замечаем Сознание и Мысль, ничто не препятствует тому, чтобы принять, что «Вселенная зародилась от Любви».

«Безмерное Поле Рациональности, которое «было» прежде чем возникло Состояние Альфа, «было» и безмерным Полем Блага. Состояние Альфа, зачатие Вселенной, можно также считать Большим Сгущением Блага или его Большой Концентрацией». Эта Концентрация Блага содержит в себе парадокс: процесс эволюции Космоса привел к возникновению разумных существ, которые могут не только познавать Космос и имеют доступ к Рациональности, но могут совершать Зло — противиться Рациональности. Вслед за Лейбницем, и в соответствии с христианской традицией, проф. Хеллер повторяет, что появление свободы решения обогатило доброту Вселенной, несмотря на появление морального зла как следствия такой свободы.

«Первородная вина человечества/человека/каждого-из-нас состоит в том, что человек ввел в Поле Рациональности-Добра разлад (диссонанс) — иррациональность зла. Хотя зло-грех всегда является чем-то личным, оно также является драмой всего Логоса, его Голгофой», — говорит мыслитель. Поэтому появляется Второе Воплощение Логоса как акт той же самой Любви. Отец Хеллер даже предполагает, что это один акт Любви (Создание и Искупление), только с нашей точки зрения разделенный во времени: «Тайна зла с самого начала была использована для того, чтобы Любовь была еще более прекрасной».

Как богослов Михал Хеллер делает из этих утверждений следующие выводы: «Если Логос благодаря своему Первому Воплощению есть во всем, то он страдает и умирает в каждом страдании и умирании. Все страдания и все смерти сконцентрировались в Кресте Логоса. Но и наоборот, наши страдания и наше умирание — не только наши. Он страдает и умирает в нас. Он распят во всем, что нас мучает и что в нас умирает. Умирание на кресте — акт всего Космоса.

Рациональность Блага настолько огромна, что иррациональность нашего зла становится в нем ничего не значащей и уничтожается».

Состояние Омега

В заключение отец Хеллер меряется силами с проблемой смерти. «Наше сознание, наша рациональная, но свободная воля запутаны в безжизненности материи. И эта безжизненность нас когда-нибудь победит. Тело вернется в элементы Вселенной, сознание — по крайней мере, в том

состоянии, которое доступно нам сейчас, — угаснет. Законы физики довершат свое дело». Но философ вновь ставит вопрос: чем являются законы физики, образующие структуру Вселенной? Разве они не возникли в результате Большой Концентрации бесконечного Поля Рациональности — Состояния Альфа? Если так, то они не являются всем сущим. «Смерть может быть освобождением из Концентрации — и входом в Расширение», — считает отец Хеллер. Как понимать такое Большое Расширение, названное автором — опять пользуясь определением Тейяра де Шардена — Состоянием Омега?

Математические структуры физических законов, по мнению отца Хеллера, могут быть расширены до более крупных структур, являясь их подструктурами. Этот постулат носит характер философской гипотезы. «Эти более крупные структуры тоже могут устанавливать какую-то физику», — ученый называет ее (из-за отсутствия лучшего обозначения) надфизикой. Законы физики являются предельным случаем законов надфизики. «Может быть, второе начало термодинамики, управляющее процессами разложения и смерти, является только предельным случаем более общего принципа неограниченного роста?» — спрашивает отец Хеллер и утверждает, что Состояние Омега является предназначением каждого человека и всей Вселенной.

Тем самым, не является ли оно противоположностью Большого Сгущения? Можно даже спросить: не является ли цикл Большого Сгущения и Большого Расширения каким-то дыханием Бога? В концепции Хеллера это неясно, но обоснованным является суждение, что Состояние Омега не является возвращением к тому, что «было» перед Состоянием Альфа. Изменилось по меньшей мере одно: появились мы — если, конечно, как-то переживем этот захватывающий Божественный цикл.

Проблемы Тейяра де Шардена

Нелегко вписать в космический план конкретное событие, каким является рождение, смерть и — как мы верим — воскресение Иисуса Христа. Немногие на это отважились. Чаще появлялись концепции, ограничивающиеся теистической перспективой, то есть учитывающие существование Бога — например, в метафизике Уайтхеда Бог гарантирует порядок во Вселенной, а в онтологии Эллиса Абсолют — как метамир «зеро», т.е. образует основу иерархически надстроенных четырех миров, создающих реальность (физический мир, индивидуальное и массовое сознание, возможные события, а также платоновский мир абстрактных идей). Однако в первой половине XX века появилась смелая концепция, охватывающая

Космического Христа.

Ее автором был иезуит-палеонтолог, один из первооткрывателей синантропа («пекинского человека»), Пьер Тейяр де Шарден, умерший в 1955 году. Он пытался совместить естественнонаучные воззрения с религиозной верой. В книге «Бог и наука» отец Хеллер, отвечая на вопрос Джулио Бротти, объяснил, что французский иезуит-естествоиспытатель хотел согласовать два разных процесса: расширение Космоса, сопровождаемое рассеиванием энергии (в соответствии со вторым началом термодинамики это необратимый процесс), с противоположным — как тогда казалось — эволюционным процессом возрастания биологической сложности живых организмов. Тейяр считал, что за второй процесс отвечает духовная энергия, которая нивелирует действие второго начала термодинамики и ведет окружающий мир к окончательной реализации при максимальной концентрации сознания. Вселенная развивается от Большого Взрыва, названного Тейяром «точкой Альфа», до «точки Омега», которую он отождествил с Космическим Иисусом. Легко сообразить, что такие взгляды вызвали обеспокоенность Священной Конгрегации вероучения (*Sacrum Officium*), которая запретила иезуиту публиковать свои работы. Но это не остановило творческой активности Тейяра, который писал «в стол» до конца своей жизни.

Однако время показало, что впечатляющая концепция Тейяра потерпела поражение, поскольку с развитием науки оказалось, что эта теория не имеет опоры в реальности. Представляется, что таких недостатков нет в концепции проф. Хеллера. Как космолог он, несомненно, имеет лучшее представление о реальном мире как едином целом, изучаемом эмпирическими науками. И конечно, со времен Тейяра наши знания существенно продвинулись вперед.

Это вовсе не означает, что концепция краковского священника не вызывает трудных вопросов.

Вопросы к автору концепции

Тейяра упрекали в избыточном оптимизме и игнорировании необходимости заклеить зло — в его концепции спасение происходит в конце концов само в «точке Омега». Можно ли подобный упрек поставить Хеллеру — действительно, каждый ли человек, независимо от своей доброй или злой жизни, перейдет в Состояние Омега?

В своей концепции священник-ученый отождествляет зло с иррациональностью, а ту, в свою очередь, с небытием (в этом смысле Хеллер является верным учеником св. Августина). И появляется возможность строить дальнейшие умозаключения, хотя сам Хеллер этого уже не делает. Быть может, в процессе

Расширения та часть нашей онтологической идентичности, которой завладело зло/иррациональность/небытие, не испытает трансформации. Если возможно полное онтологическое отождествление со злом, то Расширение приведет к тому, что такой субъект растворится в небытии (это первая возможность) или же начнет жить вечной пустой жизнью (такая возможность, пожалуй, еще хуже). Не в этом ли состоит ад? Вопрос без ответа. Во всяком случае, не только Бог наказывал бы нас за зло, мы сами приговаривали бы себя к трагичной судьбе, принимая злой выбор. Такая постановка вопроса порождает очередную проблему: возможно ли было бы спасительное вмешательство Божественного милосердия? Еще один вопрос касается Воскресения — можно ли в этой концепции найти место для Воскресшего Христа? Воскресение означает отчетливую опору, плацдарм Состояния Омега в нашей неидеальной действительности. Как это понять с научной точки зрения?

Неясным является также вопрос о различии между нравственным и физическим злом (страданием и смертью). Отец Хеллер упоминает только, что Библия видит в физическом зле последствия зла нравственного. Как это совместить с таким очевидным обстоятельством, что смерть и страдание изначально вписаны в природу эволюции Космоса?

Неизбежный риск

Отец Михал Хеллер представил в Жешуве концепцию захватывающую, но и, несомненно, рискованную. Поэтому в конце следовало бы задать вопрос об ее обосновании. «Нужна ли такая концепция? Она неизбежна! Каждый имеет какое-то представление о мире, более или менее осознанное, сложившееся из более или менее подогнанных друг к другу кусочков. Стоит поместить себя в более упорядоченном целом. Жизнь требует среды обитания — среды логической гармонии, в равной степени со средой кислорода и энергии», — объяснил автор концепции.

Точнее отец Хеллер обосновал это еще 16 лет назад в нашумевшей статье «Против фундаментализма». Фундаментализм — это уверенность, что философская система, которая призвана давать надежное знание, должна быть построена на нерушимом фундаменте. В истории философии системы, построенные таким образом, всегда терпели фиаско (примерами являются Аристотель, Декарт или Гуссерль). Хеллер предложил иной подход. Он показал, что в каждой нетривиальной философской интерпретации присутствует рациональная составляющая (логически-дедуктивная) и составляющая герменевтическая, опирающаяся на интуитивный подход, часто представляемый с помощью

метафор. Чем большую часть действительности охватывает аргументация, тем больше интуитивная составляющая. Так понимаемое познание не статично — оно требует постоянной проверки и исправления. Хеллер предлагает поступать в соответствии с логикой «обратной связи». Первоначальные предположения подвергаются проверке на основе вытекающих последствий, и в соответствии с последствиями в предположения вносятся поправки. Если они оказываются близки к истине, то процесс познания ведет к некой «границе». Если они ошибочны, то процесс «разъезжается», оказывается порочным кругом.

Использование автором именно такого динамического подхода в случае «Космической драмы» подтверждает следующее его высказывание. «Я всегда старался следить за тем, чтобы в мои мыслительные конструкции не вкрался элемент иррациональности. В каждой концепции такого типа важна непрерывная проверка: возвращение к исходным предположениям, забота о логической связности, сопоставление с новыми данными, диалог — как правило, мысленный — с иными воззрениями. Поэтому я допускаю, что моя концепция никогда не приобретет окончательного вида», — предостерег отец Хеллер в Жешуве.

На заданный несколькими днями позже вопрос журнала «Тыгодник повсехный», опубликует ли он эссе, посвященное своей концепции, профессор ответил так, как можно было ожидать: «Это еще не созрело для публикации».

Возможно, не созреет никогда, поэтому столь ценным и представляется нам выступление в Жешуве.

Встреча с отцом Михалом Хеллером и Кшиштофом Занусси состоялась в Подкарпатской филармонии 25 ноября 2015 года. Запись можно найти на канале Youtube Высшей школы информатики и управления в Жешуве (WSliZ).

Войцех Кавинский

Стихотворения

Перевод Андрея Базилевского

Кувырок. Как в прозе —

Что угодно, когда угодно, — и так будет то, что есть.

Пессоа

от спальных районов до труб котельных —
дыма раздатчиков

либо будь вице-членом артели
либо уйди — и никак иначе

категоричное предисловие ритм хромой
рванный:

покорители дюн в деревню валят толпой —
канканом

солнцу навстречу вольноотпущенный вал
плоти

жаль что ты криворук и податлив на шквал —
вроде

предыдущего внука который рождён
в Плимуте

так же мало известен семье как он
чем и вымотан

Из естественной истории —

Остановились и дивятся джунглям.

Гильгамеш

Ты идёшь — а как будто и не идёшь
Видишь — а будто и сам не знаешь:
Светлокожий, солёный береговой откос
За горизонтом — медяк пылающий

Океану не дано успокоиться —
Это четверорукий Ганеш с головой слона:
Нам гораздо ближе древности Трои
Чем азиатчина доброго Ангела сна

Ты бежишь, но одна только тень влачится
По говорливой пустыне, лишённой окон:
Разлив реки поглощает розовую водицу
Невзирая на перемены — а до чего широк он...

Трудились некогда Микеланджело и Леонардо
Теряли диктаторы свои грозные армии:
Коварный компьютер уже умеет обкрадывать
Наше сегодня, хотя оно снова не-исчерпаемо

Летучая проза полусловечек, стишки-новелки
Покорные поучения, искры тусклых не-до-го-во-рок:
Даже пустое с виду пространство они обживают весело
Мерцающая эффектней, чем натуральные люминофоры

Ты стоишь, а сам — будто тайно ударился в бег
Проснулся, а сам — будто спишь незримо:
В береговых тростниках, возле одной из рек
Среди прочих тел, вкушающих отдых мнимый...

Антилирика. Начинает протекать —

Радуга, иссоп и столп
Звук запомнил — смысл нашёл

Гей, попутный ветерок
то ли в парус, то ли в бок

Гипорхема, танцы с песней
Амфилохия — хоть тресни

Гипостиль перед глазами
лета нету, зимы с нами

Гибридизм — открытый путь
и в химерах дремлет суть

Юных гурий колыханье
речь шлифует и дыханье

Предки гуннов неизменно
жаждут формы современной

Спец от гили — пыль в глаза —
чист и волен, как слеза

Нам по новой серость впарят
что ж, *humanum est errare*

И т.д. — в жару, в угаре
в хладе, гладе и в кошмаре...

Автор эссе «Против поэтов» —

Само-писание в живой пустоте,
невыросшее бытие,
принципиальных частностей глыбы.

Череда великолепных ошибок.
Успехи вначале
мало кого убеждали —

Порнография (не та парафия)
Дневник (издание чуть ли не подпольное)
Трансатлантик (даже мёртвый — решителен будь и волен)
Оперетка (простор и на паре метров)
Завещание (+ то, что кое-как записано ранее).

А годы спустя — потеря,
хотя какая-то непроверенная —
вырванный
из нутра
многолетний *Кронос* (не упустить бы из виду его нам,
вешая на кого-то
собак и кошек,
и жакетку Шарлотты).

Ухожу (уж больно мне скверно),
пусть опять надо мной запоёт
Брамса Первый концерт —
и вот —
монотонный ливень
в ироничном краю отрицаний:
...наше плаванье стало, вместе с дождём /
единственной высшей идеей, зенитом всесуществованья.

Встретиться с кем-то, в кого
ты должен быть (с ненавистью)

влюблён,
твёрдой почвы не потеряв под ногами.

Внутренний ритм —

*Грезит осьминог в ёмкости для осьминогов.
М. Форд*

высокий хребет (горно-хмурый) скалистый
преодолён

мало-польша с велико-польшей
по-прежнему остаётся
тлеют предметы, вспыхивает неон

очень нехило вооружилось войско
в гробу всё это видели сюрреалисты:

люди не возвращаются, деревья растут быстро
план халтурно составлен и воплощён

похоже, всё то же, а всё же не то́ там
одни — за, другие — перед воротами

считают секунды и километры, становятся на постой
в каменных городах, в деревнях, заросших травой:

кто может — пишет (на малый экран вывел)
свою лирически-агрессивную литанию

цель достигнута будет в момент
когда сойдутся в равновесии шатком
полярные элементы

поэзия — учёная, сциентистическая
и проза — концентрическая:

хотя кое-кто, понятно
будет против такого метода

Понижив голос

Войцех Кавинский (р. 1939) в период дебюта был связан с необычайно активной в то время группой «Поэтическая ориентация гибриды», тяготевшей к неоклассицизму и апеллировавшей к опыту того течения межвоенного авангарда, которое представляли Тадеуш Пайпер и Юлиан Пшибось.

Видимо, это подтверждает, по крайней мере в случае польской литературы, мнение, что в своей глубинной сути авангард — хотя бы потому, что он формулирует рецепты литературного творчества, — уходит корнями в эпоху классицизма.

Члены этой группы, в частности Кшиштоф Гонсёровский, в своих программных выступлениях связывали требование свободы формального поиска с декларациями лояльности к власти (и по-разному, в том числе партийной принадлежностью, подтверждали свою лояльность).

Большинство из них после 1989 года, когда в Польше сменился общественный строй, были оттеснены в тень, а их творчество, даже при общей маргинализации литературы, стало восприниматься как явление нишевое, что лишний раз убеждает: биографии поэтов небезразличны для судеб их произведений. Кавинский, безусловно, не принадлежал к наиболее политически активным авторам этого круга, но его имя ассоциировалось именно с ним. Силой обстоятельств, поэзия Кавинского оказалась вне сферы внимания активной литературной критики, его новые книги были встречены молчанием.

Сегодня прошлые политические коллизии, видимо, постепенно утрачивают значение, о чем может свидетельствовать организованная познаньским университетом им. Адама Мицкевича и состоявшаяся осенью 2015 года конференция, посвященная вкладу в литературу группы «Поэтическая ориентация гибриды». Это важная тема, поскольку поэзия группы сыграла определенную роль в реинтерпретации лирики межвоенного авангарда и повлияла на творческие поиски более молодых авторов, в частности — полемизировавших с «Ориентацией» поэтов «новой волны». Войцех Кавинский был не самым оригинальным среди поэтов группы, но его, несомненно, можно считать наиболее типичным, образцовым ее представителем.

Он дебютировал в 1964 году. Стихи его первых книг насыщены катастрофическим климатом, восходящим к ранней поэзии Чеслава Милоша. Декомпозиция мира, лишённого правил,

обрекает героя этих произведений на риск индивидуального выбора, возлагает на него ответственность за положение человека, за его достоинство, составляющее для поэта абсолютную ценность. С годами Кавинский все больше склоняется к стилю лирики Тадеуша Ружевича, отказываясь от «языка муз». В то же время он черпает из источника лингвистической поэзии, не столько заимствуя ее приемы, сколько используя их в поисках языкового выражения абсурда существования. Все чаще слышны у него ирония и автоирония, побуждающие к стоической дистанции по отношению к миру. Голос поэта становится тише, при этом ткань его стихотворений отличается необычайной эрудированностью, она полна литературных аллюзий. Именно таковы стихи «Утреннего сонника», последнего сборника Кавинского. Их звучание, пожалуй, лучше всего передает финал стихотворения «Плата»: «Тройное кредо:/ — Давать знаки, ничего более (Цветаева)/ ...в моей старой башне прежде всего должны/ взяться за дело каменщики и другие ремесленники (Рильке)/ Я справлюсь со всем (Пастернак)».

Международный конкурс переводов поэзии Виславы Шимборской

(заметки члена жюри)

Проведение конкурсов переводчиков польской поэзии становится доброй традицией. Вот уже в третий раз вроцлавский фонд «За нашу и вашу свободу» (при поддержке польского Института книги, города Вроцлава и Польского института в Москве) проводит конкурс переводов выдающихся польских поэтов — ранее, в 2011 и 2013 годах состоялись конкурсы русских переводчиков поэзии Чеслава Милоша и Тадеуша Ружевица, о ходе и результатах которых хорошо осведомлены постоянные читатели «Новой Польши». Логичным продолжением этих замечательных инициатив стал конкурс переводов поэзии Виславы Шимборской (1923–2012), лауреата Нобелевской премии 1996 года, одной из крупнейших и самобытнейших польских поэтесс. Однако на этот раз языковая палитра и, как следствие, география конкурса оказались существенно расширены — между собой состязались переводчики польской поэзии на русский, украинский и белорусский языки. Лично мне, как переводчику с польского, украинского и белорусского языков, такое решение показалось очень интересным и плодотворным — работая в составе жюри конкурса, я автоматически оказывался в совершенно естественной для себя языковой среде. Кроме того, в контексте нынешней напряженной политической ситуации, конкурс стал своего рода ответом тем политикам, которые сделали все для разобщения народов, близких друг другу в языковом, культурном и историческом смысле. При всех ментальных и языковых различиях между поляками, русскими, украинцами и белорусами, не все мосты между нами оказались сожжены за последние два года войны и агрессивного политического противостояния — и самым устойчивым мостом, стоящим «над пылью гибели», словно Бруклинский мост Маяковского, оказалась поэзия.

О старте международного конкурса на лучший перевод поэзии Виславы Шимборской на русский, белорусский или украинский языки фонд «За нашу и вашу свободу» объявил 11 августа

2015 года. Прием заявок продолжался до 31 октября. Для участия в конкурсе было необходимо перевести на один из трех языков 7–9 стихотворений Виславы Шимборской; всего же оргкомитет предложил переводчикам 31 текст на выбор. Это были стихотворения из книг «Призывы к йети» (1957), «Соль» (1962), «Сто утешений» (1967), «Всякий случай» (1972), «Большие числа» (1976), «Люди на мосту» (1976), «Конец и начало» (1993) — к слову, об одноименном стихотворении из этого сборника, также предложенном конкурсантам, Иосиф Бродский сказал, что он включил бы его в антологию ста лучших стихотворений XX века. А также из поэтических томов «Минута» (2002), «Двоеточие» (2006) и «Довольно» (2011). По традиции, мы ожидали довольно большого наплыва участников, потому что в ходе обоих предыдущих конкурсов свои переводы Милоша и Ружеви́ча прислали в общей сложности почти 300 человек — такова оказалась любовь к польской поэзии среди людей самых разных профессий. Мы не обманулись в своих ожиданиях, конкурсантов в этот раз оказалось куда больше — жюри пришлось прочитать 228 конкурсных работ на трех языках, из них 118 работ (52%) на русском языке, 85 (37%) на украинском и 25 (11%) на белорусском. Очень обширной в этот раз оказалась география конкурса, в котором приняли участие переводчики из России (Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Омск, Великий Новгород, Петрозаводск, Новосибирск, Барнаул, Томск, Кострома, Улан-Удэ, Челябинск, Самара, Иркутск, Белгород, Калуга, Пермь и др.), Польши (Варшава, Вроцлав, Люблин, Краков, Лодзь, Познань, Белосток, Гданьск, Ольшево-Щецин, Пулавы и др.), Украины (Киев, Полтава, Ивано-Франковск, Львов, Донецк, Житомир, Одесса, Луцк, Днепропетровск, Дрогобыч, Харьков, Тернополь, Симферополь и др.), Белоруссии (Минск, Гомель, Брест, Гродно, Витебск и др.), США (Маунтин-Вью), Молдовы (Тирасполь), Испании (Барселона), Великобритании (Лондон), Голландии (Амстердам), Казахстана (Алма-Ата), Израиля (Тель-Авив) и Литвы (Вильнюс, Сирленай).

Несколько иным в этот раз оказался состав судейской комиссии. Как известно, председателем жюри (а также вдохновителем и добрым гением) предыдущих конкурсов, посвященных поэзии Милоша и Ружеви́ча, была Наталья Евгеньевна Горбаневская (1936–2013) — выдающийся русский поэт, переводчик польской поэзии, диссидент и правозащитник, участница легендарной демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года против вторжения советских войск в Чехословакию. Так случилось, что 29 ноября 2013 года, за неделю до церемонии вручения наград победителям конкурса переводов Тадеуша Ружеви́ча, Наталья

Горбаневская оставила этот мир. И все же она продолжала освящать своим незримым присутствием нашу работу, задавая ей очень высокую планку. В этот раз состав жюри, с учетом изменившихся условий конкурса, был более интернациональным. Жюри возглавил замечательный польский переводчик, президент Польского ПЕН-центра Адам Поморский. Белоруссию в жюри представляли Лявон Борщевский и Андрей Хаданович, Украину — Николай Рябчук и Александр Бойченко, а Россию — один из самых известных, заслуженных и виртуозных русских переводчиков польской прозы и поэзии, редактор журнала «Иностранная литература» Ксения Старосельская и автор этих строк. Двое членов жюри сами переводили стихи Виславы Шимборской: Ксения Яковлевна, которая хорошо знала поэтессу лично, прекрасно перевела последнюю книгу Шимборской «Довольно», а Андрей Хаданович, председатель Белорусского ПЕН-центра и очень яркий поэт, недавно получил премию Польского ПЕН-клуба за выдающиеся заслуги в области переводов польской поэзии на язык Купалы и Коласа. Среди этих заслуг — многочисленные переводы на белорусский стихов Виславы Шимборской.

Работа жюри оказалось весьма непростой не только потому, что нам пришлось в очень сжатые сроки внимательно прочитать (а Ксения Старосельская еще и прокомментировала почти каждую работу) более двухсот конкурсных подборок. Дело в том, что стихи Виславы Шимборской парадоксальным образом представляют особую сложность при их переводе на — казалось бы, такие родственные — восточно-славянские языки. Переводчику приходится изрядно потрудиться, чтобы найти в своем родном языке соответствующие идиомы, а также придать точным и емким формулировкам, коих в поэзии Шимборской немало, легкость и изящество. Не буду сейчас вдаваться в подробные рассуждения о том, что переводить с родственных языков не так легко, как может показаться дилетанту: сколько здесь «подводных камней», неожиданных сюрпризов со стороны «ложных друзей переводчика», как сложно порой найти нужный ритм, не соглашаясь на то, что услужливо подсовывает тебе оригинал! Скажу только, что Шимборская создает переводчику еще и дополнительные трудности. Какие?

В первую очередь — особый ритм стихотворений Шимборской. Дело в том, что русский читатель (а иногда и переводчик) зачастую воспринимает ее стихи как верлибры, хотя поэтесса пользовалась в основном модернизированным белым стихом. Почувствовать эту разницу человеку, привыкшему к нашей вполне традиционной, да еще и рифмованной силлабо-тонике,

очень сложно; чуть проще обстоят дела у наших украинских и белорусских коллег, поскольку их национальные литературы совершили поворот к верлибру более радикально. И все же — уловить этот ритм Шимборской и передать его невероятно трудно, тем более, что во многих ее текстах то появляется, то исчезает внутренняя рифма, из-за чего эти стихи, как верно подметила моя коллега Евгения Доброва, «как бы сами себя укачивают». Справиться с такими текстами может переводчик только с очень тонким лингвистическим слухом, умеющий почувствовать музыку стиха.

Во-вторых, при помощи одного только слуха, пусть даже самого совершенного, со стихами Виславы Шимборской переводчику не справиться. Многие замечают, что язык Шимборской прост (хотя это крайне обманчивая простота!), а вот мысли очень глубоки и сложны, исповедальны, что, естественно, требует от переводчика определенных интеллектуальных усилий и умения «держаться марку», вместе с автором искать и находить ответы на самые сложные вопросы о месте и роли человека во Вселенной. Насколько сложен и неоднозначен ритм этих стихов, настолько же сложна их философско-нравственная проблематика, в основе которой — всегда сомнение. Как признавалась сама поэтесса в своей нобелевской лекции, «поэт, если он настоящий поэт, должен неустанно повторять про себя: “не знаю”. Каждым своим стихотворением он пытается что-то объяснить, но едва ставит точку, как его начинают одолевать сомнения, он начинает понимать, что объяснение это недолговечное и неисчерпывающее. (...) Однако в поэзии, где взвешивается каждое слово, ничто не является обычным и нормальным» ^[1].

Не будем забывать при этом, что переводчик поэзии — всегда немного соперник переводимого поэта. Так что в случае с Шимборской переводчик тоже должен хотя бы немного уметь раскрывать универсальное через повседневное, выстраивать, в случае необходимости, диалог внутри поэтического текста. Большие сложности у конкурсантов вызвало стихотворение «На Вавилонской башне», и даже не потому, что некоторые участники конкурса поленились заглянуть в словарь, польскоязычный интернет или просто пораскинуть мозгами, и Вавилонская башня у них превратилась в «башню Бабель», а потому, что переводить стихотворение, написанное в форме диалога, на самом деле исключительно тяжело, да еще и придумать лаконичную и емкую метафору.

Ну и третье — это знаменитая, почти непередаваемая польская ирония, с которой так трудно справиться даже опытному

переводчику. Пафоса (имитировать который в переводе не сложно, потому что это почти не требует ни интеллектуальных, ни технических усилий) у Шимборской почти нет, а вот иронией (зачастую горькой) проникнуты очень многие ее стихи. Даже нобелевский комитет в обоснование своего решения отметил, что главная в мире награда вручена Шимборской «за поэзию, которая с иронической точностью раскрывает законы биологии и действие истории в человеческом бытии». Замечательная формулировка «ироническая точность» лишний раз подтверждает, что члены нобелевского комитета кое-что понимают в литературе. Но как передать эту филигранную, элегантную «ироническую точность» в переводе? Интересным наблюдением поделился на церемонии вручения наград победителям конкурса председатель жюри Адам Поморский, сказав, что ключ к пониманию поэзии Виславы Шимборской нужно искать в ее переводах французских поэтов. Их ироничный рационализм поможет читателю и переводчику лучше почувствовать специфику иронии Шимборской. Ведь если этой специфики не уловить — все усилия могут пропасть даром. И очень отрадно, что некоторые участники конкурса с этой нелегкой задачей все-таки справились, проявив, помимо технических навыков, большой вкус и такт.

Как-то так само получается, что каждый следующий конкурс оказывается сложнее предыдущего (боюсь даже загадывать, что ждет нас дальше). Так, конкурс переводов Ружевиша потребовал от переводчиков умения отлично ориентироваться в польском и мировом культурно-историческом контексте, улавливать аллюзии и скрытые цитаты, обращать внимание на разного рода мелочи и нюансы. Конкурс же Шимборской, в силу указанных мной выше причин, предъявил к переводчикам не менее (а может быть, даже более) серьезные требования. Хороших работ было много, почти идеальных — очень мало. В очередной раз мы столкнулись с тем, что многие участники конкурса перевели (хотя слово «перевели» в данном случае не совсем уместно) стихотворения Шимборской строго ритмизированными рифмованными стихами, причем в подавляющем большинстве случаев с абсолютно провальным результатом, выдав вместо Шимборской манерную, жеманную рифмованную отсебятину, не годящуюся даже для девичьего альбома. В истории литературы удачных рифмованных вариаций, стихотворений «на мотив» зарубежного коллеги — единицы, и принадлежат они, как правило, действительно большим поэтам, став частью их собственного поэтического наследия. В противном случае игра просто не стоит свеч, в чем мы имели возможность с грустью убедиться в очередной раз.

Попадались, к сожалению, и просто безграмотные переводы, где Брейгель превращался в Брюэгла или Бругля, Ясперс — в Джасперса или Яспераса, «местечко N», согласно примечанию переводчика, оказывалось «разновидностью населенного пункта в Польше», а в некоторых работах и вовсе чувствовалась тяжелая рука интернет-переводчика. Многие участники споткнулись на так называемых «ложных друзьях переводчика»: так, в переводах стихотворения «*Martwa natura z balonikiem*» воздушный шарик, «*porwany przez wiatr*», оказывался варварски «разорван» или «порван» ветром, хотя «*porwany*» по-польски значит всего-навсего «похищенный, украденный», а «*prisma kobiece*» («женские журналы») из стихотворения «*Portret kobiecej*» превращались в «женские письма». Лично для меня индикатором переводческого мастерства конкурсантов был перевод исключительно трудного стихотворения Шимборской «Луковица», но замахнуться на него отваживались немногие — и лишь единицам удалось выйти из схватки с оригиналом без ощутимых потерь.

Как и раньше, мы выставляли каждому участнику (имена и фамилии конкурсантов были строго зашифрованы и оргкомитет высылал нам пронумерованные работы) оценки по десятибалльной системе. При этом решающее право голоса при обсуждении конкретной работы оставалось за теми членами жюри, которые представляли тот же язык (русский, украинский или белорусский), что и данный участник конкурса. К началу декабря мы определились с оценками, получив по десятке финалистов в каждой из трех языковых номинаций. Среди русскоязычных участников в десятку финалистов вошли: Анастасия Векшина, Вера Виногорова, Евгения Зими́на, Софья Кобринская, Борис Косенков, Алексей Михеев, Владимир Окунь, Анатолий Ройтман, Александр Ситницкий и Елена Калявина, Валерий Тихонов; среди украиноязычных: Наталка Бельченко, Мирек Боднар, Валерий Бутевич, Виктор Дмитрук, Наталия Дёмова, Анастасия Живкова, Татьяна Коваленко, Олег Коцарев, Андрей Савинец, Ярина Сенчишин; среди белорусскоязычных: Алесь Емельянов, Марина Запартыка, Инесса Курьян, Войчик Лазарчик, Олег Лойка, Мара Луцевич, Мария Мартысевич, Наталья Русецкая, Роман Щербов и Ганна Янкута. В каждой номинации были также выделены трое лауреатов, набравшие наибольшие количество баллов — эти участники и были приглашены оргкомитетом на торжественное подведение итогов конкурса во Вроцлав.

19 декабря во Вроцлаве состоялось финальное заседание жюри, во время которого мы обсудили работы победителей,

распределив призовые места. А вечером того же дня в конференц-зале ресторана «Двур польский», расположенном на площади Рынок, состоялось торжественное вручение наград и дипломов. Перед финалистами конкурса и гостями церемонии выступили директор Института книги Гжегож Гауден и председатель фонда «За нашу и вашу свободу» Николай Иванов, члены жюри; организаторы также зачитали обращение Ксении Старосельской, которая не смогла прибыть во Вроцлав на подведение итогов, но от всей души поздравила участников и организаторов конкурса, подчеркнув, что «мы — единомышленники; мы никогда не согласимся с тезисом, что “все люди — враги”, мы любим польский язык, любим и ценим польскую литературу, мы готовы и будем ей служить, и, быть может, благодаря этому, пополним свои ряды теми, кто захочет перешагнуть бесконечно воздвигаемые барьеры нетерпимости».

Итак, согласно решению жюри, победителями конкурса стали:

Среди переводчиков на белорусский язык

1 место — Мария Мартысевич

2 место и еще одно 2 место — Алесь Емельянов, Ганна Янкута

Среди переводчиков на украинский язык

1 место — Андрей Савинец

2 место — Ярина Сенчишин

3 место — Наталка Бельченко

Среди переводчиков на русский язык

1 место — Владимир Окунь

2 место — Александр Ситницкий и Елена Калявина

3 место — Валерий Тихонов

А после вручения наград, уже в ходе торжественного ужина, состоялся импровизированный концерт, на котором члены жюри читали свои переводы с польского, русского, украинского и белорусского языков; вскоре появилась гитара, и на смену стихам пришли песни. Между стихами, пением и тостами взволнованные участники события обсуждали грядущие конкурсы — кто из польских поэтов-классиков на этот раз будет в центре внимания? Херберт? Тувим? Галчинский? Лесьмян? Думаю, кто бы им не оказался, впереди нас ждет много интересного.

1. Перевод Ксении Старосельской.

Стихи Виславы Шимборской

в переводах победителей международного конкурса переводчиков польской поэзии на русский, украинский и белорусский языки

Лесное моралите

В лес он ныряет,
а верней, растворяется в нем,
зная весь напролет, на птичий облет,
на отлет дальний и прилет ранний.

Привольно ему на привязи вяза,
в прохладных анфиладах,
зеленых аркадах,
в тиши, порошащей уши
и крошащейся тут же.

Всё здесь созвучно,
словно в присказке детской.
Между грибом и грабом
по-свойски он, по-соседски.

Породы, недороды — разбирает сходу,
кто с кем связан, кому чем обязан,
откуда что взялось, стволами сплелось,
пробилось насквозь.

Знает, где пусто, где густо,
кто важен, кто отважен,
к чему туча над кручей,
а валежник влажен.

Что за козявки в травке, в овражке, в канавке,
чей скок-поскок, на сторону, вбок,
клен ли тут, паслен, роза ли, береза,
только смерть здесь бубнит
презренною прозой.

Видел, как шажком, пешком,

стёжки краешком,
мелькнула и канула
красота несказанная,
хоть и божественная, но вполне естественная.

Знает, где шпили небо пробили,
а где клубней барокко,
что там дрозд, а тут клёст,
при сороке сорока,
и что на вырубке, дай срок,
станет на дыбки дубок.

Ну и, понятно, потом обратно,
через полянку-обманку,
уж не ту, что видал спозаранку.
И на людях только берет его зло:
всяк ему нехорош, кто с похожими не схож.

(Владимир Окунь)

Луковица

Чем отличается луковица.
Внутренности ей не нужны.
Сама из себя она луковится
до луковеличины.
Луковиста снаружи,
луковое ядро,
без содроганий могла бы она
глянуть в свое нутро.

В нас — чужбина и дикость
притаились под тонкой кожицей,
с исподу в нас преисподняя,
анатомия несъедобная,
А в луковице — луковица,
Не кишки, которым неможется.
Она многократно нагая,
Вглубь и томуподобная.

Экзистенция цельной луковицы
тешит создателя взор.
В каждой под плотью упругой
другая луковка твердая,
и далее — по порядку:
третья и четвертая —

центростремительной фугой,
эхом, сложенным в хор.

Как я понимаю, луковица —
наилучшее чрево мира.
Сама себе — ореолы
над головой кумира.
А в нас — нервы, жир и жилы,
и то, что во власти клизм.
И нам, увы, недоступен
совершенства идиотизм.

(Елена Калявина и Александр Ситницкий)

Конец и начало

После каждой войны
кому-то приходится
наводить порядок —
разруха сама не исчезнет.

Кто-то должен от слома
расчистить дороги,
чтоб проехать могли
машины, полные трупов.

Кто-то должен копаться
в гнили и пепле,
диванных пружинах,
осколках стекла
и окровавленных тряпках.

Кто-то должен
подпереть брусьями стены,
кто-то — застеклить окна
и навесить двери на петли.

Это длится годами
и не выглядит фотогенично,
да и фотокорреспонденты
уже снимают другие войны.

Восстанавливать нужно
мосты и вокзалы.
Засучив рукава,
пахать до седьмого пота.

Кто-то с метлой в руках
вспоминает порой, как было,
кто-то ему согласно
не оторванной головой кивает.
Но возле них вскоре
начнут крутиться
те, кому от этого скучно.

Временами кто-то
выкапывает из ямы
проржавевшие аргументы
и относит их на помойку.

Те, что знали,
в чём была суть,
волей-неволей уступят место
тем, кто знает мало.
Потом тем, кто знает ещё меньше.
В конце концов — тем, кто ничего не знает.

В траве, которой поросли
причины и следствия,
кому-то придётся лежать
с колоском в зубах
и пялиться на облака.

(Валерий Тихонов)

Из неосуществленной экспедиции в Гималаи

Так вот они, Гималаи.
Горы бегут к луне.
Мгновение старта застыло
на распоротом небе.
Пустыня туч пробита.
Удар в никуда.
Эхо — белая глушь.
Тишина.

Йети, там ниже четверг,
алфавит и хлеб,
и два плюс два четыре,
и тает снег.
Там красное яблоко,
разрезанное крест-накрест.

Йети, не только убийства
возможны у нас.
Йети, не все слова —
смертный приговор.

В наших генах — надежда,
дар забывания.
Увидишь, как мы рожаем
детей на руинах.

Мы читаем Шекспира.
Мы играем на скрипке.
Йети, по вечерам
мы зажигаем свет.

Здесь — ни луна, ни земля,
и замерзают слезы.
О, Йети Полутвардовский,
подумай, вернись!

Так под стеной лавины
я обращаюсь к Йети,
притопывая для согрева
на снегу,
на вечном.

(Анастасия Векшина)

Облака

Описывать облака
следует очень быстро —
уже через долю секунды
вместо прежних появятся новые.

Их главное свойство —
никогда не повторяться
в образах, формах, оттенках, структурах.

Не отягощенные памятью,
легко парят над реальностью.

В свидетели не годятся —
кто куда расходятся сразу.

По сравнению с облаками
жизнь кажется прочной,
почти неизменной и практически вечной.

На фоне облаков
даже камень выглядит надежным,
как брат родной,
ну а они — седьмая вода на киселе.

Пусть люди, если так хотят, живут,
ну а потом пусть каждый умирает,
им, облакам, нет дела до таких
чудес и странностей.

Над жизнью всей Твоей
и над моей, еще не всей,
плывут, торжествуя, плывут.

Им всё равно, что перестанем быть.
Они без нас спокойно будут плыть.

(Алексей Михеев)

Натюрморт с воздушным шариком

Когда умирать я стану,
вместо воспоминаний
пускай ко мне возвратятся
давно пропавшие вещи.

Пусть в окна и в двери — сумки,
зонтики, шарфы, перчатки,
чтобы могла сказать я:
Зачем мне все это нужно

Булавки, расчески, ножик,
бумажная роза, бусы,
чтобы могла сказать я:
Мне ничего не жалко

Где бы ты ни был, ключик,
не опоздай явиться,
чтобы могла сказать я:
Все проржавело, милый

Тучей слетятся справки,

свидетельства и анкеты,
чтобы могла сказать я:
Вот и солнце заходит

Всплывите со дна речного,
часы, — и ко мне в ладони,
чтобы могла сказать я:
Это фальшивое время

И пусть отыщется шарик,
подхваченный давним ветром,
чтобы могла сказать я:
Нет никаких детей здесь

Лети-улетай в окошко,
лети-улетай подальше,
пускай кто-то вскрикнет: «Ух ты!» —
тогда я смогу заплакать.

(Софья Кобринская)

Буффо

Перш мине кохання наше,
потім сто і двісті літ,
потім знов зідемося разом:

лицедійка й лицедій,
фаворити глядачів,
нас зіграють у театрі.

Фарс, розбавлений куплетом,
трішки танцю, повно сміху,
нарис звичаїв правдивий,
гук овацій.

Будеш конче сміховинний
у цих ревнощах на сцені,
в цій краватці.

Голова напівпритомна,
моє серце і корона.
Серце, тріснуте до краю
і корона, що спадає.

Будемо стрічатись далі,

розлучатись, сміх у залі,
про сім гір і сім річок
міркувати у печалі.

І немовби бракувало
справжніх мук нам і поразок —
ще словами докладемо.

Потім вийдемо вклонитись
і завіса рухне вниз.
Публіка подасться спати,
звеселившись до сліз.

Вони житимуть чудово
і приборкають кохання,
тигр із рук їх буде їсти.

А ми все якісь такі,
в ковпаках із бубонцями,
в дзвін їх варварськи заслухані
без тями.

(Андрій Савинець)

Вокзал

Мій неприїзд до міста N.
відбувся пунктуально.

Ти був попереджений
невідісланим листом.

І спромігся не прийти
у призначений час.

Поїзд під'їхав до третього перону.
Зійшло багато людей.

Підходила у натовпі до виходу
відсутність моєї особи.

Кілька жінок поспішно
заступили мене
у тій метушні.

До одної підбіг

хтось не знайомий мені,
але вона впізнала його
одразу.

Обоє обмінялися
не нашим поцілунком,
під час цього зникла
не моя валізка.

Вокзал у місті N.
добре склав іспит
з об'єктивного існування.

Цілість зайняла своє місце.
Деталі рухалися
визначеними шляхами.

Відбулося навіть
домовлене побачення.

Поза радіусом
нашої присутності.

У втраченому раї
правдоподібності.

Деінде.
Деінде.
Як ті словенята звучать.

(Ярина Сенчишин)

Радість писати

Куди мчить ця звір-шована сарна звір-шованим лісом?
Хіба напитися написаної води,
що її мордочку відлунить, наче рима?
Чому вона голову підіймає, невже щось чує?
Спираючись на позичені в природи чотири ніжки,
з-під моїх пальців стриже вухами.
Тиша — це слово шелестить на папері
та розсуває
згущені словом «ліс» гілки.

Над білим аркушем готуються до стрибка
літери, що можуть невдало розміститися;

спонукальні речення,
від яких не знайти порятунку.

У краплині чорнила чимало
мисливців із пристріляним оком,
ладних збігти крутим пером донизу,
оточити сарну, прицілитися.

Вони забувають, що життя насправді не тут.
Інші, чорним по білому, тут панують закони.
Один кліп ока триватиме, скільки заманеться мені,
може поділитися на маленькі вічності,
вщерть повні зупиненими в польоті кулями.
Незворотно, якщо така моя воля, нічого тут не трапиться.
Без мого дозволу навіть листочок не впаде,
жодна стеблина не зігнеться під крапкою ратички.

Тож існує світ,
долею якого я керую свавільно?
Час, що його тримаю в ланцюгах знаків?
Невпинне існування за моїм наказом?

Радість писати.
Вміння схоплювати.
Помста смертної руки.

(Наталка Бельченко)

Цыбуля

Іншая справа — цыбуля.
Цыбуля ня мае вантробаў.
Наскрозь яна ўся — цыбуля
найцыбулічнейшай пробы.
Цыбульная на паверхні,
цыбулістая ў сячэньні,
унутр сябе цыбуля
магла б глядзець безь зьдзіўленьня.

У нас — крывішча і косьці,
ледзьве прыкрытыя скурай,
геена ў нас гігіены,
лівэр і мускулатура,
А ў цыбулі — цыбуля,
без начыньня філейнага.
На кожным узроўні — голая,

да глыбі і гэтакдалейная.

Цыбуля — несупярэчная,
удалы цыбуля твор.
Цыбулятура круга:
у першай другая запёртая,
а ў наступнай — чарговая,
трэцяя і чацьвёртая.
Матрошкападобная фуга.
Рэха, што склалася ў хор.

Цыбуля — вось гэта глыба!
Найсвятшая ў сьвеце сьвятая:
штораз усё большым німба
сябе па слях аплятае.
У нас — тлушчы, нэрвы й жылы.
Мы — тканкі. Цыбуля — прызма.
І нам не сягнуць ніколі
дасканаласьці ідыятызму.

(Марыя Мартысевіч)

Дзве малпы Брэйгеля

Жахлівы мой сон перад школьным іспытам:
дзве малпы ў вакне, скаваныя ланцугамі,
а за імі лунае неба,
і плешчацца мора.

Здаю гісторыю чалавецтва.
Запінаюся і мямлю.

Адна малпа слухае іранічна
другая нібыта прыснула —
але калі я змаўкаю,
падказвае
ціхім дзвэнканнем ланцуга.

(Алесь Емяльянаў)

Маналог для Касандры

Гэта я, Касандра.
А гэта мой горад пад попелам.
А гэта маё жазло і прароцкія стужкі.

А гэта мая галава, поўная сумневаў.

Я сапраўды трыумфую.
Мая рацыя зарывам ударыла ў неба.
Такое бачаць толькі прарокі,
якім не вераць,
толькі тыя, што кепска ўзяліся за справу,
і ўсё магло здзейсніцца так хутка,
што іх нібы зусім і не было.

Цяпер я выразна ўспамінаю,
як людзі, убачыўшы мяне, змаўкалі на паўслове.
Смех абрываўся.
Рукі распляталіся.
Дзеці беглі да маці.
Я не ведала іх ненадзейных імёнаў.
А тая песенька пра зялёны лісток —
яе пры мне ніхто так і не даспяваў.

Я іх любіла.
Але любіла звысоку.
З-над жыцця.
З будучыні. А там заўжды пустата
і лягчэй за ўсё ўбачыць смерць.
Я шкадую, што мой голас гучаў цвёрда.
Зірніце на сябе з зорак, — я крычала, —
зірніце на сябе з зорак.
Яны чулі і апускалі вочы.

Яны жылі ў жыцці.
Вялікі вецер у галаве.
Лёс вырашаны.
Ад нараджэння ў развітальных целах.
Але была ў іх нейкая вільготная надзея,
агеньчык, што насычаўся сваім мігаценнем.
Яны ведалі, што такое імгненне,
ох, хоць бы адно калі-небудзь,
перш чым...

Выйшла па-мойму.
Ды толькі нічога з таго не вынікае.
А гэта мая адзежка, абпаленая агнём.
А гэта мая прароцкая старызна.
А гэта мой перакрыўлены твар.
Твар, які не ведаў, што мог быць прыўкрасным.

(Ганна Янкута)

Культурная хроника

Беспрецедентное событие: в «Театре Польском» во Вроцлаве прошла премьера всех частей «Дзядов» — первая в истории польского театра полная постановка драмы Адама Мицкевича в одном спектакле. Этот длящийся четырнадцать часов театральный марафон (с шестью антрактами) готовился в течение четырех лет. Постановка обошлась более чем в 1,2 млн злотых, билеты на премьеру, состоявшуюся 20 февраля, были распроданы за 10 минут.

Президент Анджей Дуда, вопреки сделанным ранее заявлениям, отказался принять патронат над первым полным сценическим воплощением «Дзядов». Свое решение он объяснил тем, что «принят общий принцип: президентский патронат не будет распространяться на театральные представления».

Режиссер Михал Задара в беседе с журналистами подчеркивал, что работал с аутентичным текстом: «Это „Дзяды“ без купюр, что означает, что мы не выбросили ни одного слова». В интервью для «Газеты wyborczej» он сказал: «Правые публицисты уже довольно долго говорят, что классика переписывается, что нет театра, опирающегося на литературу. А ведь все мои спектакли, идущие на ведущих сценах, отличается именно педантичный подход к слову. Мне всегда представлялось, что это и есть осуществление консервативных мечтаний о театре слова, театре автора. Проблема в том, что для консерваторов содержание, например, драматургии Словацкого, слишком тревожно. Так что они пишут, что я, хотя и не меняю слова, изменяю смысл. Консерватор хочет, чтобы наши национальные драмы славили Бога и отечество. А это не так».

На плакате вроцлавского спектакля можно увидеть фотографию 1968 года, запечатлевшую студенческую демонстрацию против снятия с репертуара «Дзядов» в постановке Казимежа Деймека в «Театре Народовом» в Варшаве.

— Идея тогдашних протестов — не подвергать «Дзяды» цензуре. Мы впервые в состоянии выполнить это требование, — заявил Михал Задара.

20 февраля исполнилось полвека театру СТУ. В течение всех этих лет возглавлял театр его основатель Кшиштоф Ясинский. Во время юбилейной церемонии в краковском магистрате Ясинский представил своего преемника. Им станет актер Кшиштоф Плюскота. «С завтрашнего дня мы будем руководить театром совместно, до тех пор, пока ты не встанешь на ноги и не скажешь мне, что справишься», — обратился Ясинский к изумленному таким решением преемнику. По мнению президента Кракова Яцека Майхровского, эта сцена — «знак, нечто выдающееся, прекрасное, нечто, что составляет культурную карту города». Театр СТУ был основан 20 февраля 1966 года по инициативе сплотившихся вокруг Кшиштофа Ясинского краковских студентов Государственной высшей театральной школы, которые жаждали театральной работы вне академических стен. Театр стал синонимом смелого искусства, альтернативного по отношению к «официальному». По случаю юбилея Кшиштоф Ясинский поставил в своем театре «Ревизора» Николая Васильевича Гоголя в новом переводе Тадеуша Нычека.

18 февраля в Доме литературы в Варшаве состоялось тожественное вручение группе писателей медалей за заслуги перед культурой «Gloria Artis». Семь из тринадцати награжденных отказались принимать медали. От золотых медалей отказались Казимеж Орлось, Адриана Шиманская и Петр Матывецкий, от серебряных — Томаш Любенский и Ивона Смолька, от бронзовых — Мария Ентысь-Борелёвская и Гжегож Касдепке.

— Я не хочу награды от представителей власти, разрушающей основы демократии в Польше, — заявил известный прозаик Казимеж Орлось.

Петр Матывецкий, поэт, эссеист, автор монографии «Лицо Тувима», также признал, что его решение имеет политическую подоплеку:

— Меня задело письмо министра Глинского шефу радио «Мария» отцу Рыдзыку, в котором он хвалит деятельность этой организации. Я написал министру, что, по моему мнению, это радиостанция, пропагандирующая антикультуру и нетолерантность, что для меня неприемлемо, и что министр, являющийся еще и вице-премьером, ответственен за действия нынешнего правительства, а я считаю их противоречащими

принципам демократии. Так что, если бы я из его рук принял награду, это было бы лицемерием.

В подобном тоне высказались Томаш Любенский, автор известной книги о польских повстанцах «Биться или не биться», и Гжегож Касдепке, автор книг для детей и молодежи. Иначе обозначила свою позицию Ивона Смолька, писательница, журналист Польского радио: «Еще в августе, когда у власти была «Гражданская платформа», как только я узнала, что мою кандидатуру выдвинули на эту награду, я решила ее не принимать. Зачем мне это? Время от времени кто-то получает медаль, а начиная с 90-х годов нет никакой политики, связанной с изданием книг или материальной ситуацией литераторов.

Анджей Бжезецкий, журналист, автор книг о Белоруссии, Украине, Армении, получил премию им. Ежи Туровича за изданную в прошлом году книгу «Тадеуш Мазовецкий. Биография нашего премьера».

— Быть воспитанным «Тыгодником повсехным», написать книгу о Тадеуше Мазовецком, опубликовать ее в издательстве «Знак» и получить за это премию Туровича, — это как выигрыш в «Спортлото» помноженный на четыре — сказал лауреат во время торжественного вручения премии в Музее японского искусства и техники «Манга» в Кракове.

Анджей Бжезецкий — главный редактор выходящего шесть раз в год журнала «Новая Восточная Европа», публицист «Тыгодника повсехного». Изучал историю в Ягеллонском университете. Был ассистентом Тадеуша Мазовецкого.

Репортер и прозаик Веслав Лука, автор более десятка книг-репортажей, изданных за последние 40 лет, стал лауреатом почетной премии объединения «Польский клуб репортажа» за 2015 год. Премия присуждена за совокупность творчества, с особым указанием на книгу «Не свидетельствую». Это повесть-репортаж об убийстве трех человек в рождественскую ночь 1976 года в Поланце на глазах более чем 30 свидетелей, которые на суде отказывались давать показания и на все вопросы отвечали: «Не свидетельствую».

14 февраля состоялась премьера книги «Всегда нет никогда» — первого в книжном формате интервью с Ежи Пильхом (изд. «Выдавництво литерацке»). Писатель в разговорах со своей собеседницей Эвелиной Петровяк возвращается к детству в городке Висле, годам учебы в университете, жизни в Кракове, рассказывает о работе в «Тыгоднике повшехном», переезде в Варшаву. Эвелина Петровяк, театральный и оперный режиссер, дружна с писателем, который уже много лет борется с болезнью Паркинсона. «После операции, — рассказывает Петровяк, — Пильх решил, что лучшей терапией для него будет разговаривать — как можно больше и как можно чаще. Так у него возник замысел книги-интервью». Издание содержит также несколько десятков никогда ранее не публиковавшихся фотографий.

Кристина Захватович-Вайда и Анджей Вайда стали лауреатами присуждавшейся в семнадцатый раз премии имени профессора Александра Гейштора — выдающегося польского историка-медиевиста. Сценограф, актриса, профессор Краковской академии изящных искусств Захватович-Вайда и ее муж — режиссер, отмеченный «Оскаром» за творчество в целом — удостоены премии «за выдающиеся достижения в области кино и театра, прославляющие польскую культуру», а также за «участие в музейной деятельности и исключительную ценность работы в пользу межкультурного диалога», — отмечается в решении капитула под председательством проф. Анджея Роттермунда. Вручение премии состоялось 17 февраля в Королевском замке в Варшаве. Анджей Вайда, отметив, что награждение — это волнующий момент для четы лауреатов, сказал: «Мы много лет работали, но никогда не думали, что дождемся такого прекрасного понимания того, к чему мы стремились. Во многих вопросах нам было легко прийти к согласию, потому что мы воспитывались в интеллигентских семьях. Здесь формировались мои планы на будущее, вера в жизнь и чувство долга польского интеллигента». Именно этим чувством долга, заметил режиссер, и продиктовано участие в работе на пользу культурного наследия.

Увы, в Кракове не состоится выставка, запланированная к 90-летию Анджея Вайды (юбилей приходится на 6 марта). «Отсутствие профессионализма, — написано в газете «Дзенник польский», — вот причина незадавшейся краковской выставки, посвященной кинематографическому творчеству Вайды. Экспозиция, которая должна была разместиться

в главном здании Национального музея в Кракове, могла бы повторить выставочный успех «Стэнли Кубрика». Но выставки не будет. Ни город в лице департамента культуры и национального наследия городской управы, ни Бюро фестивалей (которому принадлежит идея мероприятия), ни Польский институт киноискусства, ни Национальный музей в Кракове не признают своей вины».

Однако состоится показ фильмов юбиляра — от «Поколения» до «Аира» — в «Кино Муз» в Национальном музее в Варшаве. Тема показа — мотивы изобразительного искусства в фильмах Вайды. Это общая инициатива Польского института киноискусства и Национального музея в Варшаве. Демонстрации фильмов будут сопровождать лекции киноведов и историков изобразительного искусства. Будущий режиссер «Свадьбы», как известно, первоначально учился живописи в краковской Академии художеств. «Анджей Вайда не стал живописцем, но изобразительное искусство присутствует в его фильмах в виде цитат и разного рода ассоциаций. Вдохновляющим было для него творчество, например, Анджея Врублевского, Станислава Выспянского, Яцека Мальчевского, Артура Гротгера, Максимилиана Герымского, Яна Матейко, Эдварда Хоппера, Теодора Жерико, Франсиско Гойи», — написали организаторы показа в пресс-релизе.

Интерес режиссера к изобразительному искусству не угасает. Новый фильм Вайды «Послеобразы» с Богуславом Линдой в роли лидера мирового художественного авангарда Владислава Стшешинского выйдет на экраны уже в конце нынешнего года.

— Когда я понял, что никакой Достоевский не напишет мне сценарий, то решил, что сделаю фильм о Стшешинском — художнике, которому пришлось столкнуться с коммунистической системой, и которого эта система шаг за шагом уничтожает, вплоть до его смерти в 1952 году, — говорил Вайда в одном из интервью. — Его преследовали за то, что он не принял соцреализм, а его лекции по истории искусства, увенчавшиеся «Теорией видения», полностью противоречили доктрине, директивной тогда в советском и польском искусстве.

На кинофестивале «Берлинале-2016» Томаш Василевский получил «Серебряного медведя» за сценарий фильма

«Соединенные Штаты Любви». Эта картина о четырех женщинах из небольшого польского города в период трансформации общественного строя в 1989 году.

— Жюри было под большим впечатлением от этого рассказа о четырех женщинах, которые верили в идею лучшей жизни в стране во время больших перемен. Рассказа, который дал актрисам возможность показать себя, свою силу и надежду, — сказал критик Ник Джеймс, вручая Томашу Василевскому приз.

Названы номинанты на Польскую кинопремию «Орлы-2016». Премии, которые называют польскими «Оскарами», присуждаются более чем в десяти номинациях Польской киноакадемией, объединяющей свыше 600 кинематографистов. За статуэтку для лучшего фильма будут бороться «Body / Тело» Малгожаты Шумовской, «Эксцентрики, или на солнечной стороне улицы» Януша Маевского и «Мои дочери коровы» Кинги Дембской.

По случаю своего десятилетия Дом встреч с историей подготовил выставку «Заново. Жители Варшавы 1945–1955», на которой представлено 200 фотографий из собрания Польского агентства печати ПАП. Авторы снимков — лучшие польские фоторепортеры. Есть также и Варшава глазами знаменитых зарубежных фотографов (например, Джулиана Брайана).

Первое послевоенное десятилетие столицы было очень трудным. Левобережная Варшава лежала в руинах, но вместе с возвращением жителей в город быстро возвращалась жизнь.

— Они живут в развалинах, в страшных условиях, но живут: разгребают руины, строят, развлекаются, танцуют среди разрухи, пьют кофе в уличном кафе, женщины наряжаются, а мужчины ходят на футбольные матчи и на бокс, — говорит одна из кураторов выставки Анна Бжезинская-Скажинская.

Вскоре в полуразрушенных домах уже действовали тысячи магазинов и фирм. Но частное предпринимательство было быстро задушено коммунистической властью.

— Эти перемены прекрасно видны на наших снимках, — добавляет второй куратор, Катажина Мадонь-Мицнер. — На фотографиях 40-х годов — жизнь, уловленная как она есть, а снимки 50-х — постановочные, приглаженные пропагандой.

Выставка работает до 13 июня.

Прощания

1 февраля в Закопане умер Михал Ягелло — по образованию полонист, любитель и знаток Татр, писатель. Он был начальником Добровольной горной спасательной службы в 1972–1974 годах (принимал участие более чем в 250 спасательных операциях), вице-министром культуры, директором Национальной библиотеки. В течение года (13.XII.1980 – 13.XII.1981) был заместителем заведующего отделом культуры ЦК ПОРП. После введения военного положения вышел из партии. Отмечен многочисленными — польскими и зарубежными — наградами, в том числе Командорским крестом ордена «Возрождения Польши», литовским орденом Князя Гедимина, украинским орденом «За заслуги», орденом Св. Марии Магдалины, присуждаемым Автокефальной польской православной церковью за заботу о церковных реликвиях.

Поэт, романист, эссеист, публицист... Самая известная его книга — «Зов в горах», на основе служебного журнала горных спасателей. В годы ПНР опубликовал, в частности, экранизированный позже роман «Отель класса люкс». Михал Ягелло скончался во сне, в своем любимом Закопане. Здесь же и похоронен. Ему было 74 года.

12 февраля в Варшаве в возрасте 88 лет умерла Ксимена Заневская, дизайнер моды, сценограф и архитектор. Она оставила большой след в истории Польского телевидения, где начала работать еще в конце 50-х годов как сценограф спектаклей телевизионного театра. Неоднократно сотрудничала, например, с Адамом Ханушкевичем. Как вспоминают коллеги, «она управляла железной рукой, виртуозно ругалась, а работе умела себя отдавать безраздельно; она сделала Польское телевидение уникальным в Европе». Наделенная безукоризненным вкусом, она была «лучше всех одевавшейся дамой в городе». Также Ксимена Заневская разрабатывала сценографические решения драматических и оперных спектаклей. Была дизайнером выставок — в частности, на Международных познанских ярмарках была

автором коллекций моды, показанных также за границей. Телевидение оставила во время военного положения.

13 февраля в возрасте 85 лет в Тыхах умер Анджей Чижевский, архитектор, вузовский преподаватель. Он был исследователем жизни и творчества своего кузена писателя Марека Хласко, автором его биографии «Прекрасные двадцатилетние», был также редактором писем Хласко, которые несколько лет назад стали литературной сенсацией.

17 февраля в Варшаве в результате тяжкого онкологического заболевания скончался Анджей Жулавский, кинорежиссер, сценарист и писатель. Ему было 75 лет. Его творчество больше ценили за границей, чем в Польше. Жулавский считался режиссером противоречивым, склонным шокировать зрителя. Сам о себе он говорил: «Я строптивый тип». Первой его известной картиной была «Третья часть ночи» (1971), онирическая история о человеке, который в оккупированном немцами Львове кормит своей кровью вшей в лаборатории тифа. Еще одну картину, фильм ужасов «Дьявол» (1972), цензура задержала на 16 лет. Следующий фильм, «Главное — любить», он снял уже за границей. В числе его фильмов такие, как «Одержимая», «Борис Годунов», «Мои ночи прекраснее ваших дней», «Голубая нота», «Шаманка», «Верность», «На серебряной планете». В прошлом году на фестивале в Локарно Жулавский получил премию как лучший режиссер за фильм «Космос» (экранизацию романа Витольда Гомбровича). «Он был режиссером задиристым, неудобным, обиженным на польское кинематографическое сообщество, — написала после смерти Жулавского кинокритик Анита Пётровская, — А может, это оно обиделось на него? Он ни разу не получил премии на фестивале в Гдыне. Хотя его фильмами восторгался весь мир. Львиная доля его наследия — это фильмы, снятые вне Польши, главным образом во Франции».

Жулавский издал более двадцати книг, которые критика по преимуществу замалчивала, обращая внимание лишь на книги скандальные, нафаршированные неприятными для кинособщества сведениями и сплетнями, такие, как, например, пресловутый «Ночной горшок».

Анджей Жулавский был похоронен на кладбище в Гуре-Кальварии под Варшавой.

Музыкальный проект «Рембо»

О пепельное лицо, эмблема волос, хрустальные руки!

*Жерло орудия, на которое должен я броситься — сквозь ветер
и буйство деревьев.*

Артюрь Рембо, «Озарения»^[1]

2 июля 2015 г. в Кракове состоялся премьерный концерт проекта «Рембо», реализованного Томашем Будзынским, Михалом Яцашеком и Миколаем Тшаской — тремя художниками, работающими в весьма отдаленных, казалось бы, друг от друга музыкальных эстетиках. Первый из них — лидер группы «Армия», которую он создавал совместно с Робертом Брылевским в 1985 г., и команды «Человечий череп»; кроме того, в 1983–1984 гг. Будзынский был вокалистом легендарного панк-рокового «Топора» (признанного самым лучшим коллективом на фестивале в Яроцине в 1984 г.); известен он также своими сольными дисками и участием в группе «2Tm2,3». Второй из них справедливо считается одним из самых лучших творцов электроакустической музыки. В дискографии Михала Яцашека присутствуют, среди прочего, альбом «Трены», вдохновленный одноименными надгробными плачами выдающегося польского поэта Яна Кохановского, или же диск «Catalogue des Arbres» (франц. — Каталог деревьев), записанный в 2015 г. с музыкальной группой «Kwartludium». Кроме того, Михал Яцашек является автором музыки к ленте Яна Комасы «Зал самоубийц». Наконец, третий, Миколай Тшаска, — саксофонист и кларнетист, одна из крупнейших индивидуальностей польского джаза, музыкант связанной с Троеградом (Гданьск–Гдыня–Сопот) группы «Милосць» (Любовь) и основанной им самим джаз-группы «Лоскот» (Грохот), соучредитель (вместе с гитаристом Рафаэлем Рогинским и ударником Мацеєм Моретти) команды «Шофар», записывающей во фри-джазовой форме новые интерпретации предвоенных хасидских религиозных произведений (нигуним и фрейлехс), которые почерпнуты, в частности, из собраний работавшего в Киевской консерватории и Институте еврейской пролетарской культуры

фольклориста Моисея (Моше) Яковлевича Береговского. Помимо этого, Миколай Тшаска — автор музыки к целому ряду кинокартин Войцеха Смажовского, в т. ч. фильмов «Плохой дом», «Роза», «Дорожный патруль», «Песни пьющих», а также к многочисленным документальным лентам и театральным представлениям. Он активно действует в поддержку возрождения и обновления еврейской культуры в Польше.

Встреча Миколая Тшаски с Томашем Будзынским состоялась благодаря посредничеству известного писателя Анджея Стасюка. Музыканты подружились и спустя какое-то время пришли к выводу, что могли бы записать совместный диск. О рождающемся проекте узнал Михал Яцашек и выразил желание присоединиться к их группе. На встрече в Гданьске лидер «Армии» предложил всем вместе сделать звукозапись новой интерпретации творчества Артюра Рембо, чьи стихи много раз вдохновляли его самого при написании текстов для альбомов собственной группы, и которого он называет одним из героев своей молодости. Как выяснилось, эти три выдающиеся индивидуальности связывает то, что каждый из них получил образование в одной из сфер изобразительного искусства. Это находит отражение в том, какой им видится интерпретация текстов Рембо и какие фрагменты они оттуда выбирают. Записанная ими музыка необычайно образна, живописна и пластична. Слушая ее, можно рисовать в воображении облик постапокалиптического мира.

Если бы мы хотели найти в прежнем творчестве названных музыкантов те следы, которые в конечном итоге привели к возникновению проекта «Рембо», то стоило бы остановиться прежде всего на таких альбомах, как «Мор» группы «Человечий череп», «Диковины» Томаша Будзынского, «Трены» Миколая Яцашека, или же на концертных дисках «Malamute North Quartet» в составе Миколай Тшаска, Петер Брётцман, Петер Фрийс Нильсен, Петер Уускила, либо «Live at Powiekszenie» группы «Шофар». Есть нечто, объединяющее все перечисленные компактны, а именно — радикальный характер представляемой там музыки, ее бескомпромиссность. В случае дисков «Мор» и «Диковины» общей является также их апокалиптичность. Схожим образом можно воспринимать и поэзию Артюра Рембо.

Когда интернет облетела информация, что Будзынский, Тшаска и Яцашек реализуют совместный проект, многие из людей, имеющих отношение к авангардной музыке, либо выражали опасения, касающиеся того, что может получиться в итоге, либо открыто восхищались данной идеей. Задумывались они

и над тем, к чему приведет ситуация, когда три крупные индивидуальности, высказывающиеся на разных музыкальных языках, вместе запишут диск. Связующей материей указанного проекта стал в первую очередь французский символист Артюр Рембо. Существенным оказалось и то, каким путем изменилось восприятие его творчества зрелыми людьми по сравнению с восприятием молодых музыкантов, еще только вступающих во взрослую жизнь. Аудиоматериал создавался на носителях в Гданьске, в рабочей студии Яцашека. Хозяин записал все музыкальные подкладки, а Миколай Тшаска — партии саксофона и кларнета. Уже после этого из Познани подъехал Томаш Будзынский и под воздействием того, что услышал, предложил избранные фрагменты из стихотворений поэта — одиночные фразы и слова с огромной силой экспрессии, способные вместить и совместить много разных значений. Благодаря возможности фиксировать записи с максимальной разрешающей способностью и качеством звука, весь материал для этого компакт-диска создавался вживую, а окончательный результат складывался из нарезанных в студии импровизаций на выбранные темы. Полученная таким способом музыка производит впечатление очень свежей и искренней, слышно, что ее не приходилось играть по несколько десятков раз перед тем, как записать. Первым готовым произведением была открывающая альбом пьеса «Armata» (Жерло).

Это самое brutальное произведение на данном диске. Начинается оно интригующим и приковывающим внимание вступлением, которое исполняется на клавишных, чтобы несколько мгновений спустя взорваться феерией препарированных звуков, выкрикиваемых вокализмом, визгом и фальцетом Томаша Будзынского, а также агрессивной атакой саксофона Миколая Тшаски. Михал Яцашек перерабатывает эти звуки и закольцовывает их, выстраивая тем самым фон для того, чтобы двое его коллег могли блеснуть виртуозным мастерством. «Жерло» представляет собой экстремальное музыкальное испытание, напоминающее землетрясение. Это хичкоковское начало. Слова (их здесь три: «жерло» и «эмблема волос») были выбраны из «Being Beauteous» — короткого опуса Рембо из цикла «Озарения». На концертах «Жерло» исполняется приблизительно где-то посередине выступления.

Следующая часть диска оказывается значительно более спокойной, напоминая иллюстрацию к странствованию по миру после апокалипсиса. «Как только утомилась идея Потопа. Кровь и молоко потекли. В тимьянных пустынях». Это отдельно выбранная фраза из произведения, открывающего «Озарения», — оно называется «После Потопа». В этой

смягченной, приглушенной музыкальной иллюстрации, которую записал Яцашек, ощутимо большим весом обладают отобранные слова. Вокал здесь ближе к обыкновенной песенке, зачастую он удваивается, то есть вновь воспроизводится Яцашеком, а в какие-то моменты исполнитель употребляет его в качестве аккомпанемента к словам, которые поет Будзынский. Кульминация эмоций наступает в самом конце произведения и достигается игрой Миколая Тшаски. Именно с «Потопа» трио начинает свои концерты.

Очередные четыре композиции исполняются на французском языке. Так же, как и «Потоп», они представляют собой музыкальную иллюстрацию сочинений Рембо. В предпоследней из пьес, содержащихся на этом диске: «Вы — поддельные негры»^[2] — заглавная фраза повторяется, будто мантра, и мгновенно врезается слушателю в память. Альбом венчает композиция «Я есмь некто другой»^[3]. Это наводящее на размышления и чрезвычайно гнетущее произведение. Слова Будзынского доносятся словно бы из-под земли или из человеческой утробы. Их звучание — окончательно и неотвратимо.

Альбом «Рембо» в исполнении трио Яцашек, Будзынский и Тшаска являет собой апофеоз ничем не стесняемой артистической свободы. Прослушивание указанного диска — это весьма интенсивное проживание звука, причем его авторы совершенно не оглядываются ни на правила звукозаписи, ни на ожидания собственных фанов или же лиц, пользующихся влиянием в музыкальной индустрии. «Рембо» представляет собой радикальный, а временами смертельно отчаянный проект. Его конечный эффект диаметрально разнится от произведений группы «Армия», инспирированных творчеством того же самого французского поэта. Более того, он отличается от всего, что возникало до сих пор в повсеместно понимаемом круге авангардной музыки.

-
1. Перевод М.П. Кудинова. — Здесь и далее примеч. перев.
 2. Эти слова — из книги Рембо «Одно лето в аду».
 3. Из письма А. Рембо (13.05.1871) Ж. Изамбару, молодому педагогу лицея, где учился будущий поэт.

Выписки из культурной периодики

Признаюсь, я люблю однозначные тексты, даже такие, которые вызывают у меня решительное отторжение. Кто-то полагает, что, читая прессу, которую у нас называют «правой», я предаюсь некой изощренной форме мазохизма. Не стану скрывать, мне доставляет удовольствие возможность без утонченного анализа, простым и понятным способом проникнуть в мысли моих сограждан. Вот как при чтении фельетонов поэта Войцеха Венцеля, который в последнем номере еженедельника «В сети» (№ 6/2016) в тексте «Овечка среди волков» поставил таких, как я, на место и простыми словами описал ментальность приспешников правящей нынче в Польше команды: «Польская национальная общность уже существует. Она родилась после 10 апреля 2010 года возле креста на Краковском Предместье, она вызревала восемь лет в культурном подполье (тут Венцель имеет в виду, как я полагаю, «правые» СМИ), формировала свои элиты, с Божьей помощью привела Анджея Дуду к победе на президентских выборах и «Право и справедливость» — на парламентских. Институты государства должны ее сегодня поддерживать всеми средствами, ибо никакой иной общности в Польше не будет <...>. Те, кто этих ценностей не признает, может обитать на берегах Вислы, работать и платить налоги, но они находятся вне национальной общности». Приняв во внимание, что правящая партия, вдобавок правящая в одиночку, что явилось результатом низкой явки избирателей, среди которых проголосовавших за ПиС меньше 20% от общего числа имеющих право голоса, может оказаться, что вне национальной общности — более 80% поляков. Много. Вот так логика слова сталкивается с логикой чисел, что может побуждать к действию.

В том же номере еженедельника я как раз нашел пространную статью Петра Сквецинского «Худший вариант», в которой автор предпринял попытку проанализировать протестные акции в отношении ПиС, организованные недавно возникшим и все более активным, собирающим на манифестации тысячи людей, Комитетом защиты демократии: «Мне не представляется <...> очевидным, что в ближайшее время протесты в значительной мере угаснут. Это не значит, однако,

и того, что они достигнут успеха, под которым понимается свержение правительства. Для этого нет законных оснований. Избирательный мандат однозначен, более того — он свежий. А опросы не показывают снижения поддержки ПиС, что могло бы быть психологическим сломом этого мандата <...>. Из этого, впрочем, не следует, что к протестующим не надо всерьез относиться. По двум причинам. Во-первых, масштаб базы обоих борющихся лагерей почти одинаков <...>. Опережение невелико и может смениться отставанием. А все более радикализирующаяся линия Качинского способствует <...> петрификации нынешнего положения. И одновременно не способствует распространению влияния нынешнего лагеря власти на новые группы <...>. Во-вторых, протестующие в подавляющем большинстве проживают в больших городах, в которых распределение симпатий иное, чем в целом по стране. ПиС решительно улучшила свои позиции в крупных городах, но даже сейчас большинство жителей мегаполисов поддерживают противников правящей группировки. И значительная часть этих противников <...> радикализируется. Такая ситуация, особенно в условиях острого конфликта с Евросоюзом, в котором протестующие хотели бы видеть своего мощного союзника, может теоретически, в худшем случае, развиваться в силовой вариант <...>. Поэтому ожидание скорого угасания протестов может оказаться очень опасным заблуждением».

На чем основана «радикализирующаяся линия Качинского», пытается выяснить профессор Анна Вольфф-Павенская в опубликованном в «Газете выборчей» (№ 12/2016) очерке под заголовком «Чем пренебрегают люди Качинского»: «Правящая партия не оригинальна в своих попытках завладеть душами. Диффамация всех и всего, что отброшено после достижения власти, практиковалась всеми диктатурами. ПиС пользуется емкой дефиницией врага, охватывающей всю Третью Речь Посполитую, а в особенности распространяющейся на «элиты, возникшие после Круглого стола», «посттоталитарных мутантов» и вообще «леваков». Опыт авторитарных систем показывает, что любая идеологическая война — это война оборонительная, а ее интегральной операцией становится изменение ролей агрессора и жертвы. Польские защитники единственно верной истины рассматривают наше общественное пространство исключительно в категориях дихотомии. У нас только «леваки» и шляхетский консерватизм, Третья Речь Посполитая как «господство олигархических систем власти» и «победоносный шляхетский рокош», в результате которого Анджей Дуда был избран президентом Польши, проступающий из ночной мглы

«польский облик» и упадническая западная цивилизация, имитативная культура и верность христианским добродетелям, система и преданные угнетенные народные массы, национальная культура и мультикультурализм». И, разумеется, о таких размежевках с упоением пишет пресса, называемая «правой», а представление Запада в качестве символа упадка повторяется с регулярностью, подобной той, с которой я сталкивался, читая коммунистические газеты, безумолчно талдычившие о «гнилом Западе». Поскольку в последнее время усиливается наступление на недостаточно «национальные» художественные явления, можно ожидать появления терминов типа «дегенеративное искусство» и изъятия из библиотек недостаточно правоверных, с точки зрения «шляхетского консерватизма», произведений. Проблемой могут оказаться «правильные» произведения «неправильных» авторов, участвующих в маршах Комитета защиты демократии. Но и эти пируэты идеологической гимнастики мы знаем из прошлого.

Пока, однако, наши обновители ищут врага именно на Западе. Проф. Вольфф-Павенская пишет: «Обращение сегодня к историческим заслугам в деле защиты христианской Европы идет рука об руку с агитацией против Европы и обвинениями Третьей Речи Посполитой в том, что в ней забыли о польском суверенитете. Построение цивилизации, основанной на мессианстве, заменилось примитивным подражательством. Диалог, поиск компромисса — это предательство и продолжение коленопреклоненной политики <...>. Профессор Краснодембский согласен с определением <...>, что с 10 апреля 2010 года часть общества пробудилась после царившей до тех пор „тоталитарной ночи“. Другая часть, которая не очнулась, „осталась в каком-то смысле советской“. Представляет позиции, „выпестованные коммунизмом“. Она поддается чуждым влияниям и базируется на „отходах западных культур“. Воплощает в себе „постсоветизм в сочетании с протухшим западничеством“». В свою очередь, «знаток романтизма Пшемислав Дакович ничуть не сомневается, что польской культурой правят „наместники Москвы“. Отсюда трагический итог: „Наша Польша с отсеченной головой, сквозь череп проросла крапива, нашу Польшу терзают фурии, Польша с простреленным затылком“. Так что правые дружным хором объявляют конец играм, наигрались уже с Масловской, с фильмами Пасиковского». Итак, правые дружным хором объявляют конец играм. Партия установит новый старый канон культуры, оригинальной, свободной от внешних воздействий. Но не только искусство — предмет особой заботы новой власти. «Над поверженной наукой, преимущественно

гуманитарной, уже много лет в заботе склоняются как политики, так и ученые, сражающиеся за польскость науки <...>. Замусоренная западными „отходами”, наука умирает». Как не вспомнить старый афоризм Станислава Ежи Леца, уместный в разных, как оказывается, обстоятельствах: «Искусство идет вперед. А за ним надзиратели».

Но пойдем далее. Анализируя послание ПиС, автор подчеркивает: «Определение 2015 года как цезуры, означающей новое время, утреннюю зарю, пробуждение народа после ночи оккупации — это наиболее опасная оферта правой группировки». Это державные планы, объединенные с требованиями обрести полный суверенитет по отношению к Западу, трактуемому как угроза национальной идентичности: «Сенатор Жарын объявляет <...> „историческое наступление”». Он не одинок в убеждении, что, если явить миру исторические заслуги поляков, а неприглядные фрагменты нашей истории замести под ковер, — это обеспечит Польше положение великой державы <...>. В центре усилий дипломатии должна оказаться польская диаспора, молодая эмиграция, которая „выписалась из польскости”. В культуре и науке наперед объявляется, что является выдающимся и кто авторитет. Архиепископ Марек Ендрашевский гарантирует обретение субъектности и идентичности при условии, что Польша вернется к христианству. Царит согласие, что сарматизм и литература романтизма, отказ от просвещения и возврат к мессианству позволят обрести польскость <...>. В свободной, демократической стране на наших глазах вырастает политическая группировка, которая оплевывает самых бескорыстных демократов, создающих контуры свободной Польши, третировать вузовских преподавателей, которые в трудных условиях идеологизации общественной жизни сохранили внутреннюю и научную суверенность и остались для нас главнейшими авторитетами, ширит враждебность ко всем и ко всему».

Положение, которое сложилось после победных для ПиС выборов, рассматривает на страницах журнала «Одра» (№ 2/2016) Мариуш Урбанек в статье «Десять дней, которые потрясли всех». Он пишет: «Даже те публицисты, которые имеют полное право написать сегодня: «Я ведь говорил», — потому что предупреждали о вождистских замашках Ярослава Качинского, о формировании авторитарной Польши, в которой не будет места интеллигентским антимониям, — даже они не предвидели, с какой поспешностью будет происходить перестройка государства и закона <...>. Все говорит о том, что расчет Ярослава Качинского был следующим: как можно скорее,

как можно больше перемен, прежде чем оппозиция очнется, спохватится и сомкнет ряды <...>. Благодаря этому, когда, наконец, оппозиция перейдет к другим методам, нежели эффективные, но неэффективные протесты с трибуны Сейма, будет уже поздно <...>. Эта спешка не происходит, как поначалу подозревали, из желания получить как можно большее число постов для раздачи постившимся восемь лет в оппозиции деятелям. Цель — завоевать такое положение, которое гарантирует удержание власти, даже если от Пис отвернутся избиратели, которые и в самом деле поверили в предвыборные декларации о переменах к лучшему. Формировавшаяся с таким упорством система не строится на четыре года».

Дальше не цитирую: интересный текст Урбанека довольно большой, но в этих начальных фрагментах содержится главное послание, в котором одни увидят благую весть, другие — угрозу.

Как видно из приведенных выше цитат, у нас все еще многоголосье и возможность без цензуры высказывать свое мнение, что не соответствует многократно повторяемым заявлениям о прогрессирующем ограничении демократии. Мы знаем также по истории, что демократию называли по-разному: в истории ничего не повторяется, каждая эпоха вносит что-то новое. Внимательный наблюдатель, конечно, увидит (возможно, годы спустя), что в Польше сейчас происходит значительное изменение строя, а поскольку один из лозунгов новой правящей команды — это инновационность, то, скорее всего, и в сферу политики Польша внесет что-то новое — быть может, даже поразительное. И здесь, в заключение, имеет смысл привести слова из интервью, опубликованного изданием «Польша. The Times» (№ 10/2016) под заголовком: «Бронислав Вильдстейн: У консерваторов всегда были проблемы с искусством». Вот что подчеркивает этот журналист и прозаик, связанный с «правой» прессой: «У консерваторов всегда были проблемы с искусством, начиная с Платона, который изгнал поэтов из идеального города <...>. В этом есть определенный смысл, особенно при современной абсолютизации искусства, которая делает его эрзац-религией».

«С ЛЮБОВЬЮ...»

Русские дарственные надписи из домашней библиотеки

Длинная жизнь и страсть к писанию писем и коллекционированию книг, в том числе, подаренных самими авторами, а также русскими друзьями, приводят к тому, что

даже беглый взгляд на книги (кому-то они пригодятся в эпоху интернета?) побуждает поделиться историями об их авторах.

Начнем с самых ранних.

О Юлиане Григорьевиче Оксмане я писала неоднократно. Я познакомилась с ним на первой стажировке в Москве в 1958 году. И это именно он преподавал мне первый урок того, как важны эти короткие и длинные «просьбы» благосклонно принять книгу, экслибрисы и вообще все знаки, оставленные на страницах. Я уже знала, что их нельзя уничтожать, как это часто бывает в случае, когда хозяин собирается избавиться от подаренного ему экземпляра, чаще всего, просто-напросто продать. Я мечтала одолжить (не смея и мечтать о подарке) прекрасный сборник текстов маркиза де Кюстина тридцатых годов, который тогда был в списке запрещенной литературы. Его хранила в своей библиотеке Анна Петровна, жена ученого, высланного в 1936 году на Колыму. И тогда Юлиан Григорьевич сказал: «Дайте на минуточку книжку. Я напишу, что передаю ее в библиотеку Сливовских, а то подумают, что вы взяли без разрешения». Следующим владельцем этого экземпляра был Павел Герц, который получил его, когда готовил полную польскую версию издания «России в 1839 году» де Кюстина. И теперь он вместе со всем его собранием книг еще кому-то (забыла кому) служит...

Шестидесятые годы были для нас с мужем временем невероятно интересным и плодотворным. Именно тогда завязывались знакомства и дружбы, которые прошли огонь и воду. Сегодня из всех описываемых (или только упомянутых) героев нашей совместной с Рене [Сливовским] книги «Россия — наша любовь» (Варшава, Искры, 2008) только Борису Федоровичу Егорову посчастливилось отпраздновать свое девяностолетие в прекрасной форме. Другие уже ушли навсегда. К дарственной надписи Борфеда я еще вернусь.

В те незабвенные годы «подписантов» и возвращений из «мест не столь отдаленных», годы появления новых имен и новых изданий давно не переиздаваемых авторов, одним из тех, чья популярность росла день ото дня, был Булат Окуджава. На его концерты ломились толпы молодежи, и мы — среди них. Мы привозили в Польшу магнитофонные ленты, потому что пластинок не было. Более подробно мы написали об этом в упомянутой книге. С тех времен сохранились две дарственные надписи. Первая — «Дорогим Виктории и Рене в память удивительной встречи в Париже! Булат, 23.II.67 г.», красным фломастером на титульном листе небольшого сборника под названием «Март великодушный»,

опубликованного в издательстве «Советский писатель». Следующая была написана десять лет спустя в Варшаве, 19 сентября 1977 года, на сборнике стихотворений и песен «Арбат, мой Арбат», вышедшем в том же издательстве, и снова гласила: «Дорогим Виктории и Рене в память о давнем знакомстве Б. Окуджава, Варшава, 19.9.77 г.».

Перерыв возник в основном из-за наших частых приездов в Москву и встреч в Центральном доме литераторов (ЦДЛ), гениально описанном Михаилом Булгаковым. Там мы обедали, пили кофе, встречали друзей и знакомых. Польша была в моде, вовсю шел обмен книгами и журналами, Рене переводил, мы оба писали о русской и советской прозе, а потому мы тоже были в моде. Наши утро и день проходили в архивах и библиотеках, а вечера в ЦДЛ и в гостях.

У нас всегда была возможность остановиться у друзей-писателей, если только позволял метраж. И получить их новые книги с дарственными надписями. Так складывались целые авторские полки, от которых сегодня уже мало что осталось — все разошлось «в хорошие руки». Мы были того мнения, что, если в адрес произведения появляются критические отзывы официальных «авторитетов», особенно чрезмерно критические, то это значит, что его стоит прочесть и написать положительную рецензию. Она могла как-то помочь автору и укрепляла знакомство, не обязательно личное. В качестве примера пусть будет инскрипт Виталия Николаевича Семина (1927–1978). На обороте небольшой книжки под названием «Ласточка-звездочка. Повесть», изданной в Ростове-на-Дону в 1968 году, читаем надпись, сделанную зеленой ручкой: «Дорогой Рене! К Вашей коллекции русских книг прибавьте и эту маленькую, провинциально изданную повесть, которую со всей сердечностью и добрыми пожеланиями посылает Вам автор, 15.I.68, В. Семин».

Автор «Нового мира» в Москве не бывал, а нам такие поездки были запрещены как иностранцам. В Ростове и Таганроге мы оказались только спустя десятилетия, когда смогли остановиться у наших друзей Леры и Николя Мобеков, с которыми познакомились «на веки веков» в Казани. За подробностями снова придется отослать к нашей книге. В домашнем архиве сохранились книга с инскриптом и письма, которые неизвестно куда следовало бы теперь передать...

С его современником, Виктором Викторовичем Конецким (1929–2002), мы встречались и в Ленинграде-Петербурге, и в Варшаве. Книжек с автографами я не могу найти ни

в Варшаве, ни в Залесье — видимо, кому-то отдала. Кстати, после перестройки наши пути разошлись.

Иначе сложились дружеские отношения с Мариэттой и Александром (Сашей) Чудаковыми. Мы виделись чуть ли не с первых наших приездов в Москву. Нас объединил Чехов, прозой которого всю жизнь занимались Рене и Саша. Его работа «Поэтика Чехова» тут же была переведена на английский язык, но это не помогло его карьере. Так всегда бывает с непокорными. Экземпляра с инскриптом я пока не нашла — наверное, лежит среди «чеховианы», занимающей несколько полок книг и ксерокопий, которые ждут молодого любителя прозы Антона Павловича.

Несколько писем 60-х и 70-х годов свидетельствуют о том, что нас объединял, в частности, и обмен книгами: мы просили купить «собрание сочинений Б. Козьмина», потому что их не было в польских библиотеках, а Саша в письме от 13 мая 1974 года заказывал Романа Ингардена: *Studia z estetyki*, t. I-II, Warszawa PWN 1958-66; *O dziele literackim. Badania z pogranicza...* Warszawa 1960; *Przeżycie — Dzieło — Wartości*, Kraków 1966; *Spór o istnienie świata*, t. I-II, Warszawa 1961-1962. И ждал, что мы сможем обсудить взаимные заказы «при встрече».

Публикации Мариэтты на тему прозы Булгакова, а также касающиеся самого писателя, популярность которого стремительно росла, ее знания по части его архива — все это производило сильнейшее впечатление. К ним толпами рвались иностранцы. Отсюда и перерыв в контактах. Неожиданная встреча в Казани в октябре 2001 года оставила после себя еще один Сашин инскрипт, на этот раз — на журнале «Знамя» за 10 октября 2000 года, где был опубликован «журнальный вариант» его прозаического дебюта «Ложится мгла на старые ступени. Роман-идиллия». Вот он: «Дорогим Виктории и Рене Сливовским через много лет — с прежней любовью от юного дебютанта. А. Чудаков. 4.10.2001, Казань».

Об этой автобиографической прозе мы написали восторженную рецензию и еще успели послать ее текст Саше. Я перепечатала ее в составленном мною сборнике «Паломничества русистов» («*Rusycystyczne peregrynacje*»), изданном к восьмидесятилетию Рене в 2010 году. Книжного издания вместе с фрагментами дневника, которое пользовалась огромной, заслуженной популярностью, Александр Чудаков не дождался. Он был убит в 2005 году по дороге в свою комнатку, в которой работал без телефона; Рене ушел десять лет спустя. Мы не получили следующего инскрипта — его было уже некому написать...

О существовавшем тогда научном сообществе историков, литературоведов и писателей свидетельствуют дарственные надписи на книгах русских, а также французских и американских корреспондентов, которые в течение многих лет присылали нам свои труды. Примером может служить живущий в Воронеже Олег Ласунский. Нас объединил, прежде всего, Андрей Платонов, а, как оказалось спустя годы, еще и эмигрант Осоргин и его вдова Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина.

В Воронеж, как и в Ростов, мы не могли поехать. Воронежские газеты и журналы читали в Ленинке (сейчас Российской библиотеке). Почему мы не сели на самолет тогда, когда это стало возможным, — не знаю. Может быть, Воронеж был нам «не по дороге», которая в связи с научными интересами десятилетиями вела нас в Сибирь.

Многочисленные переводы рассказов Платонова, сделанные Рене, были опубликованы сначала в популярной серии «Нике», затем в отдельных сборниках, а наши общие работы, посвященные этому великому прозаику, о котором тогда едва не забыли, а сегодня называют гением, мы печатали в различных журналах. Все они дошли до Воронежа. А в 1974 г. мы получили книгу под названием «Литературные раскопки» с такой надписью: «Польским пропагандистам творчества Анд. Платонова, Виктории и Рене Сливовским, в знак признательности от земляка-писателя, Ол. Ласунский. 23.I.74 г.».

Изданную более 12 лет спустя, т. е. в 1985 году, «ученую монографию» (по определению самого Ласунского) «Литературно-общественное движение в русской провинции (Воронежский край в эпоху Чернышевского)» мне пока не удалось найти.

Следующая книжечка, полученная нами от автора, была посвящена родному городу и связанным с ним писателям. «Литературная прогулка по Воронежу» вышла год спустя. К тому времени в «Чительнике» была опубликована наша небольшая, но, несомненно, первая в мире биография Платонова. Инскрипт на «литературной прогулке по Воронежу», в которой с нежностью описана молодость писателя, звучал так: «Многоуважаемым Виктории и Рене Сливовским — друзьям русской литературы — от автора. Воронеж 30.I.86.».

В том же году к нам попал «Уральский библиофил» 1984 года, а внутри — какой сюрприз! — очерк Олега Ласунского,

озаглавленный «М.А. Осоргин и его «Заметки старого книгоеда», где упоминается и жена писателя, Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина, которая покровительствовала нам в Париже. Мы долгое время переписывались и обменивались с ней информацией, а будучи во Франции, получали бесценные книжные подарки. Татьяна Алексеевна была невероятно осторожна и предусмотрительна: она знала, что письма просматриваются и не стоит слишком много говорить, а тем более писать. О контактах с Олегом Ласунским, а также с нашей петербургской подругой Юной Зек-Ландой, женой полониста Семена Ланды, она не проронила ни слова. Инскрипт Олега Григорьевича также был сдержанным: «Многоуважаемым польским коллегам, Виктории и Рене Сливовским, с дружеским чувством дарит эту книгу один из ее авторов... Ол. Ласунский. Воронеж, 20.X.1986.».

Пролетели три года, наступила перестройка. Письма — не только, впрочем, от Олега Ласунского — были полны оптимизма: «У нас в стране книжный и журнальный ренессанс. Не успеваем читать, а вещи публикуются первоклассные, — писал он 16 января 1989 года, — Вы это хорошо знаете. Андрей Платонов на гребне обновления». Свидетельством эпохи стали с невероятной эрудицией подготовленные Ласунским «Заметки старого книгоеда» М.А. Осоргина (1878–1942), вышедшие в Москве в издательстве «Книга». Надпись отражала настроение дарителя: «Моим польским друзьям, поклонникам и пропагандистам творчества «старого книгоеда», дорогим Виктории и Рене Сливовским с самым добрым чувством! Ол. Ласунский. Воронеж, 9.IX 1989». Он планировал и осуществлял новые публикации и исследования творчества высоко ценимого им писателя-эмигранта. У нас в Третьей Речи Посполитой произошло наоборот: перемены и свободный рынок заблокировали выход изданий, не приносящих доход; издательства — «Читательник», «ПИВ», «Выдавництво литерацке» отменяли запланированные к печати, даже уже прошедшие корректуру позиции, особенно русские. (Жертвами пали — к нашему огорчению — Платонов, а также «Сивцев Вражек» Михаила Андреевича Осоргина).

Прошло еще одно десятилетие (письма все еще курсировали), и мы, наконец, узнали, с кем так регулярно переписывались (спросить мы не осмеливались...). 5 мая 1996 г. Олегу Григорьевичу исполнилось 60 лет. 14 мая того же года на филологическом факультете Воронежского государственного университета (ВГУ) торжественно праздновался юбилей всеми уважаемого профессора, библиофила и краеведа, о чем

сообщали редактируемые О.Г. Ласунским в течение многих лет «Филологические записки» (Воронеж, 1996, выпуск 7).

Наконец, в 1999 году скромным тиражом 500 экземпляров вышла основанная на огромном архиве документов книга «Житель одного города. Воронежские годы Андрея Платонова (1899–1926)», издание Воронежского государственного университета, 1999. На присланном нам экземпляре было написано: «Моим милым и славным Виктории и Рене Сливовским — стародавным жителям «Платонов-града» — с добрым, нежным чувством, Ол. Ласунский, Воронеж 10.X.1999». Второе, дополненное издание, вышедшее в 2007 г. под тем же названием, спонсировал Центр духовного возрождения Черноземного края. Тираж — 700 экземпляров. Инскрипт: «Милым и славным Виктории и Рене Сливовским: все мы — около Платонова... Ол. Ласунский, Воронеж 17. IX. 2009».

Рожденному 5 мая 1930 г. Олегу Григорьевичу было тогда 79 лет. Второй платоновед, Рене, ушел в конце июня 2015 года.

О.Г. Ласунский не был единственным нашим многолетним корреспондентом, которого мы не знали лично.

Алексей Киселев из США (место его проживания менялось раз в несколько лет) нашел нас, видимо, через Платонова — он был его фанатичным поклонником. Мы долгое время играли роль посредников, посылая ему до самой перестройки все, что публиковалось в СССР, а также свои издания. От него мы получили в подарок репринт книги Николая Федорова «Философия общего дела», конечно, без инскрипта. Этого философа внимательно изучал Платонов, а его труд, как уверяла жена, Мария Алексеевна, лежал на письменном столе писателя до тех пор, пока нужда не заставила его продать. Этот дорогостоящий, несомненно, репринт позволил нам написать работу о философских мотивах у Платонова, напечатанную в журнале «Пшеглэнд хуманистычны» в 1981 году (перепечатано в: Р. Сливовский, Паломничества русистов, Варшава 2010). Переписка прервалась после встречи в Москве, на конференции, посвященной, конечно же, жизни и творчеству Платонова...

А вот с Аллой Кторовой мы никогда не встречались. В привезенном из Парижа номере «Граней» (если не ошибаюсь) мы прочли ее повесть «Лицо Жар-птицы». Фамилия (как оказалось потом, это был псевдоним) ни о чем нам не говорила, а сам текст очень понравился. И не только нам. Это было в начале шестидесятых годов, мы знали много «трубадуров»

и поэтов, поющих свои стихи, одним из них был, например, Булат Окуджава. В мартовском номере «Политики» за 1966 г. (№ 5) даже был опубликован очерк Рене «Московские трубадуры». В Варшаву приезжали Евгений Клячкин и поющий под аккомпанемент гитариста поэт Александр Городницкий. Именно Клячкин попросил нас подарить ему журнал с «Жар-птицей» Кторовой.

Каким образом у нас завязалась переписка с автором, не помню; наверное, кто-то из общих знакомых передал ей наш адрес. Мы обменивались письмами многие годы. Нас впечатляла ее яркая биография и широкие интересы. Она родилась в небогатой семье, начинала как стюардесса на внутренних рейсах, но смогла преодолеть множество препятствий на своем пути: окончить среднюю школу, получить высшее образование, а затем, работая гидом в гостинице «Москва», познакомилась с американцем Джоном Шандором, вышла за него замуж и добилась разрешения на выезд из СССР. Насколько это было сложно, мы знаем по собственному опыту: только после смерти Сталина нашему другу, Роману Мурани, удалось жениться на эстонке Хели Вахтер и перевезти ее с сыном в Польшу. Не проще было, наверное, и Алле с Джоном.

Кроме писем мы получали от Аллы Кторовой ее книги. Первая была издана в 1978 году за свой счет в Вашингтоне (1000 экземпляров), в нее вошли повести «Крапивный отряд» и «Дом с розовыми стеклами». Авторы предисловий — Михаил Муретов (СССР, 1977) и Юрий Бальшукин (Нью-Йорк, 1977) — писали, что Алла Кторова появилась на Западе в начале шестидесятых и сразу обратила на себя внимание. Две следующие книги, видимо, до нас не дошли, или я еще не нашла их. Это были уже известные нам «Лицо Жар-птицы» (Вашингтон, 1969) и «Экспонат молчащий» (Мюнхен, 1974).

Суперобложка автобиографических «Крапивного отряда» и «Дома с розовыми стеклами» сообщает основные данные об авторе, Виктории Ивановне Кочуровой-Шандор, которая родилась в Москве, войну провела в эвакуации в Сибири, училась сначала в Ленинградском театральном институте, а затем в ГИТИСе в Москве. В 1954 году окончила московский Педагогический институт иностранных языков. Работала стюардессой на внутренних рейсах, учительницей английского, а затем переводчицей в гостинице «Москва», где и познакомилась с мужем.

Вернемся, однако, к инскрипту. Он написан в 1988 году на книжке, вышедшей 10 годами ранее, и звучит так: «Милым

Виктории и Рене Сливовским — давним, далеким друзьям — с наилучшими пожеланиями Алла Кторова, июнь 88, США».

Две следующие книги были изданы уже в Москве, в твердой обложке. В 2002 году вышла чрезвычайно интересная, увлекательная книга «Сладостный дар, или Тайна имен и прозвищ. (Занимательные рассказы об именах, фамилиях и названиях в русской и иноязычной речи)», свидетельствующая о большой эрудиции автора. Инскрипт напоминает о еще одном, кроме писательства, хобби Аллы-Виктории — ономастике: «Виктории и Рене Сливовским на добрую память об ономастике — моей любимой науке. Алла Кторова Май 2003. Вашингтон США». Это издание, несомненно, заинтересовало бы Ежи Бральчика и Михала Огурека, авторов новой книги имен, озаглавленной «Второе имя — Станислав» (Варшава 2015). Библиографический список, помещенный в «Тайне имен и прозвищ», насчитывает четырнадцать позиций, принадлежащих перу Кторовой, среди которых были: «Мелкий жемчуг» (США, 1987), «На розовом коне» (Москва, 1994), «Пращуры и правнуки» (Москва, 1997) и «Артист и девочки» (Санкт-Петербург, 1990). Четырех из ее книг я не припоминаю.

Наконец, в последний (?) раз, все с той же фотографией, была прислана — снова автобиографическая — повесть о былом, «Минувшее. Москва пятидесятих годов» (2003). Ставшая нам еще ближе Алла напоминала: «Виктории и Рене Сливовским от авторши с пожеланиями еще больших успехов во всем! Алла Кторова (also known as), также известная как Виктория Кочурова-Шандор». Нас связывала — к сожалению, недолговечная, пока я не взяла в привычку хранить ее на бумаге — электронная переписка.

В апреле 2004 года — снова на бумаге, с многочисленными исправлениями — до нас дошло пространное интервью в электронных письмах, которое сделал Сергей Кузнецов с автором «более двенадцати книг» о ее жизни, поделенной на четыре этапа: Виктории Кочуровой (детство), Виктории Шандор (молодость), Минодоры Михайловой (зрелость) и Аллы Кторовой («новая жизнь» первой жизни»). Жизнь и творчество Виктории-Минодоры-Аллы могли бы стать материалом для талантливой кандидатской или даже докторской работы, книги. А может быть, ее биография уже написана, просто я об этом не знаю?

Многие инскрипты, которых я не буду цитировать, носят, так скажем, официальный характер, в них упоминаются титулы («Уважаемой доктор В. С., доцент, профессор и т.п.), они

связаны в основном с общностью тематики, шапочными знакомствами, присутствием моей фамилии в каких-то рассылочных списках и т. п. Обычно они носят единичный характер. Конечно, среди этих единичных есть и особенно дорогие моему сердцу, например, скромно изданный сборник трудов, посвященный Борису Федоровичу Стахееву (1924–1993) «Путь романтичный совершил...», под редакцией Виктора Хорева, с предисловием Виктории Мочаловой. Среди его авторов — почти все знакомые фамилии. И надпись: «Любимым друзьям Виктории и Рене — Ольга Морозова, Владимир Дьяков, Москва 1996».

Ольга Павловна Морозова — жена Бориса, наша сердечная подруга, которая покинула этот мир в прошлом году. Квартира Стахеевых долгие годы служила нам московским «убежищем». Сюда мы могли без предупреждения заглянуть ненадолго или, наоборот, надолго, здесь мы засиживались до полуночи под звуки гитары, объедаясь кулебяками — фирменным блюдом хозяйки. Борис был известным полонистом, специалистом по романтизму, признанным переводчиком поэзии. Ольга написала книгу о Брониславе Шварце, которую мы с Рене перевели на польский в 1982 году. Мы бывали друг у друга в гостях, посылая «вызовы», т.е. заверенные у нотариуса приглашения. О Стахеевых мы вспоминаем в нашей книге «Россия — моя любовь» (см. по оглавлению). Мы останавливались на несколько дней, а бывало, что гостили подольше, и в последней их квартире на улице Новослободской, шумной и загазованной, но такой близкой...

Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995), о котором мы тоже пишем в нашей книге, был автором очень плодовитым, известным специалистом по истории Польши XIX века, знатоком архивов освободительного движения. Мы были знакомы давно, и не только как коллеги по цеху. Наша дружба прошла сквозь бури и переломы XX века. Конечно, мы получали все книги и ксерокопии работ В.А. Дьякова, изданных как по-русски, так и по-польски, начиная от небольшой книжки «Петр Сцегенный — ксендз-революционер», вышедшей в 1974 году в издательстве «Ксёнжка и ведза». Короткий инскрипт напоминал: «Дорогим друзьям Виктории и Рене с наилучшими пожеланиями В. Дьяков 2.VII.74.»

С Владимиром Дьяковым к этому времени мы были хорошо знакомы уже более десяти лет. В 60-е годы его героем был Зигмунт Сераковский, а от него был лишь один шаг до группы академика Милицы Нечкиной, занимавшейся «русской революционной ситуацией» (1859–1861). Идеологически меня

с этим кругом ничто не связывало. Мы сблизились в 1979 году, когда Владимир Дьяков занял место Владимира Королюка в Смешанной комиссии польско-советской серии «Январское восстание. Материалы и документы». С тех пор мы часто виделись в Варшаве, Москве и Мытищах. Конечно, у меня были все его книги и копии статей (библиография: см. Дьяков Владимир Анатольевич, Москва 1996). Всегда с дарственными надписями. Все — кроме упомянутой книжечки о Петре Сцегенном — я передала ее, как мы и договаривались, в «Ксенжницу Подляску» в Белостоке. Туда же отправится то, что еще осталось на улице Багателя в Варшаве и в Залесье-Дольном.

Вспоминания о Валентине Жерлициной-Жарской воскрешают в моей памяти две квартиры — уже не ленинградские, а петербургские. В одной мы жили, в другой гостили весной 2000 года. Мы тогда праздновали нашу пятидесятую годовщину: 1 мая 1950 года — первый поцелуй, в октябре того же года — свадьбу в ЗАГСе, без свидетелей, только с большого портрета недружелюбно глядел на нас Иосиф Виссарионович. Когда спустя две недели, данные на раздумье, мы получили свидетельство о браке, мы тут же помчались в театр на «Бесприданницу» Александра Островского.

Полвека все изменили. ЗАГС на Невском больше нет, теперь вместо него какая-то Финансовая инспекция. Нет больше очаровательного кафе-автомата на углу Литейного проспекта, в котором буфетчица в белом фартуке наливала кофе или какао со сгущенным молоком в емкости, из которых они потом текли «автоматически», когда жетон опускался в соответствующую щелку. На Невском проспекте — толпа, которой не бывало в те времена, когда прописка была обязательной, и получить ее было непросто. Везде рекламы, хорошо знакомых нам магазинчиков и «забегаловок» след простыл. Рекламы полно, в метро разруха, в районе Васильевского острова, где мы живем, светится Макдоналдс.

Во дворе воняет тухлятиной и грязью, в подъезде — не лучше. Зато квартира Валентины — тихая, пахнет чистотой, хозяйка очаровательна, мы разговариваем о поляках, сосланных в Россию после поражения Январского восстания 1863 года. Именно так оказались в Российской империи ее предки. Я получила грант, благодаря которому мы с Рене можем работать в архивах и поехать в Сибирь. Мы прибыли в Петербург прямо из Вильнюса. Тема разговора — судьбы ссыльных и хранящиеся в Москве и Петербурге, а также в местах ссылок — Томске, Омске, Иркутске и Казани —

архивные документы. Потом мы едем «на дачку» под Петербургом, наслаждаемся привезенными яствами и выращенными на месте овощами. Вернувшись в Питер (так старожилы называли город, даже когда он был Ленинградом), мы навещаем дочь и мужа Валентины. Поднимаемся по ужасной, давно не отремонтированной лестнице, а переступив порог, оказываемся в прекрасной, когда-то коммунальной, а сейчас частной квартире, где еще идет так называемый «евроремонт». Хозяева — не олигархи, поэтому ремонт длится долго, многое делает сам Мишунас, строитель и мастер на все руки. Потом была переписка, в Залесье нас навестила ее дочь, а в прошлом году мы узнали, что Валентина Жерлицина-Жарская живет в Польше, под Еленя-Гурой. Она настойчиво приглашает нас посетить ее домик, хвастается выставками, которые ее сын, торгующий произведениями искусства в Лондоне, организовывает в Польше и за границей. И наконец, она дарит мне книгу о своих предках и архивных разысканиях, которые предприняла, несмотря на все проблемы и препятствия.

Вот текст дарственной надписи: «Уважаемой пани Виктории с благодарностью за помощь и поддержку в работе с архивными материалами от автора. Валентина Жерлицина-Жарская. 25.04.2015».

Книга называется «Возвращение на родину через 145 лет. История польской семьи», Санкт-Петербург, 2012. Сверху напечатано курсивом: «Предкам моим, на долю которых выпала великая мука — отчуждение от родины — посвящается».

История замыкает круг.

Недавно по почте приходит письмо, написанное по-польски. Валентина повторяет приглашение, несмотря на то, что очень больна. За ней ухаживают дети и внуки.

В завершение этой части возвращаюсь к инскриптам. В течение почти полувека мы встречались с нашими ближайшими друзьями Станиславом Борисовичем Рассадиным (Стасиком) и его женой Аллой Петуховой-Якуниной. Мы навещали друг друга в Москве, Варшаве и Залесье с 1966 по 2009 год. Об этом свидетельствуют целая полка книг, тонких и толстых, брошюр и даже вырезок газетных заметок, вышедших из-под пера Стасика.

Последний раз мы виделись в их старой квартире на улице Воробьевы горы, позднее переименованной в ул. Косыгина, дом

номер 5, квартира 335. Только Аллы там уже не было. Ее портрет, написанный Бюргером, висел над кроватью, а сидевший на ней хозяин ковылял нас встречать — он потерял ногу из-за диабета. За ним ухаживала украинка, Светлана, которой он завещал свою квартиру. Что стало с его богатым архивом — не знаю. Мы, как всегда, получили в подарок книги, вышедшие после перестройки. Он рассказывал о своем сотрудничестве с «Новой газетой», сотрудники которой поддерживали его финансово и психологически, а гонец из редакции приезжал за фельетонами... Об этой замечательной паре наших чудесных — я не побоюсь ни эпитетов, ни пафоса — сердечных друзей и единомышленников мы уже писали в своей книге «Россия — наша любовь». Потому что именно такие люди, как они, были и остаются ее фундаментом.

А вот перечень инскриптов с датами и заглавиями книг:

«Милым Вике и Рене, вспоминая о варшавском гостеприимстве, надеясь скорее проявить московское Ваш Ст. Рассадин 18.IV.67.». Его «Книга про читателя» вышла в Москве в 1965 году в издательстве «Искусство».

В 1974 году: «Родным Вике и Рене от Вашего Стасика, 18.4.74.». Книга о друге — «Кайсын Кулиев. Литературный портрет» — издана в Москве в издательстве «Художественная литература». Кайсын Кулиев как поэт и Человек был для Стасика примером: он мог не отправляться в изгнание вместе со своим народом во время Второй мировой войны, но не воспользовался этой возможностью.

В 1977 году: «Милым моим, родным Вике и Рене, встречи с которыми для меня всегда больше, чем радость: счастье. Ваш Стасик. 2.9.77, Залесье-Дольне». Первая — это монография «Драматург Пушкин. Поэтика. Идеи. Эволюция», Москва, 1976, СПР. А вторая — как «добавка»: «Вике и Рене еще и этот довесок. Люблю вас нежно. Ваш Стасик. 2.9.77.». Книга называлась «Цена гармонии», Ереван, 1976, изд. «Советакан грох». В этом русскоязычном издательстве в столице Армении Стасик опубликовал свои размышления о переводах армянских поэтов на русский язык, а также эссе о своих любимых русских поэтах — Баратынском, Заболоцком, о выдающихся переводчиках, в первую очередь, об Анне Ахматовой.

1978 год. В соавторстве с Бенедиктом Сарновым, с которым они вместе вели на радио «разговоры о литературе»: «Милые Вика и Рене. Целую вас и будьте здоровы (Рене, пусть эта надпись будет самым последним воспоминанием о твоих болячках!!!)

Ваш Стасик. 25.6.78.». Книжка называлась «Рассказы о литературе», Москва, 1977.

1980 год. Монография о Фонвизине в серии «Жизнь в искусстве», посвященная А. Петуховой-Якуниной, с объяснением от руки: «Алле, то есть. А преподносится с самой нежной нежностью милым Вике и Рене. Ваш Стасик. 5 мая 80, Залесье».

В 1984 году были две публикации и два инскрипта. Первый — «Родным моим Вике и Рене — всегда ваш Стасик. ...84». Это была книга «Спутники. Дельвиг, Языков, Давыдов, Бенедиктов, Вяземский», Москва, издательство «Советский писатель», 1983. Второй — «Вике и Рене с нежнейшей любовью. Стасик. 5.12.84.», на книге «Испытание зрелищем. Поэзия и телевидение», Москва, Искусство, 1984.

1988 год. «Милым моим Вике и Рене, как всегда нежно, но на этот раз еще и с пламенным приветом Ваш пламенный революционер Стасик. 10.9.88.» — это надпись на издании, вышедшем в серии «Пламенные революционеры» и озаглавленном «Никогда никого не забуду. Повесть об Иване Горбачевском», Москва 1987, Издательство политической литературы. Второй текст: «Дорогим моим Вике и Рене от всегда любящего их Стасика». В серии «Библиотека «Огонька», № 36, опубликовано под названием «Расплюев и другие. Статьи», Москва, издательство «Правда», 1988.

В 1989 году: «Милым моим Вике и Рене — книгу об одной из российских перестроек от меня и от Натана [Эйдельмана], Стасик. 22.I. Сороковой день Сахарова». Книга: «Гений и злодейство, или дело Сухова-Кобылина», Москва 1989. Замечательная книга — отлично написанная, держащая читателя в напряжении. 22 января 1989 года, на 40 день после смерти великого Человека — Сахарова — друзья Стасик и Натан по православному обычаю почтили его память.

В 1992 году — снова две дарственные надписи. Первая: «Вика и Рене, обнимаю вас! Стасик. 11.6.92.», на книге «С согласия автора. Об экранизациях отечественной классики», Москва, 1989, Всесоюзное творческо-производственное объединение «Киноцентр». Вторая: «Вике и Рене, друзьям о друге (и посвященную памяти друга), — нежно. Будьте живы!», — на публикации, которая вышла после бессмысленной смерти в эмиграции в Париже Александра Галича, поэта, автора и исполнителя прекрасных песен. Книга называлась «Я выбираю свободу» (Александр Галич)», Москва 1990, издательство «Знание».

Также в 1996 году на книге «Очень простой Мандельштам» (Москва, издательство «Книжный сад» 1994) он написал: «Моим дорогим Вике и Рене от Станислава Рассадина нежно! Ваш Стасик. 14.9.96.»; а на второй, полученной от него в том году книге «Русские, или из дворян в интеллигенты» (Москва, 1995, серия «Библиотека истории Москвы с древнейших времен до наших дней») виднеется надпись: «Милым Вике и Рене, друзьям (каковой факт, в частности, зарегистрирован на странице 21-й) — Ваш Стасик. 14.9.96.».

Десять лет перерыва. Причины — болезни, смерть Аллы, операция Стасика. Я и Рене ездим в Сибирь в поисках польских ссыльных XIX века. Мимо Москвы... В квартире на Косыгина мы появляемся только в XXI веке...

В 2004 году: «Милым Вике и Рене с постоянной любовью Стасик. 2.10.2004», «Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них» (Москва, «Текст», 2004).

В 2008 году: «Милые мои Вика и Рене — я вас очень люблю, Ваш Стасик. 6.6.2008.», книга «Русская литература от Фонвизина до Бродского» (Москва, «Слово», 2008. СТР).

В 2009 году: «Моим любимым Вике и Рене всегда ваш Стасик, 10.6.2009.», книга «Новая газета» (Москва 2008).

Три человека, упомянутые в этих надписях — Алла, Натан и Стасик — это наши ближайшие московские друзья. Мы виделись, разговаривали без конца — и это был невероятный, ничем не ограниченный обмен мнениями, как будто мы жили в нормальных странах. Время от времени случались какие-то неприятности — в ПНР, например, 1968 год, в СССР — нападки официальных критиков, возмущенных книгой Натана Эйдельмана о Карамзине, в которой были портреты не только «прогрессивных», но и «реакционных» деятелей. К счастью, тираж не удалось конфисковать, потому что часть его уже разошлась в провинции. Мы снабжали друг друга книгами. Мы — «тамиздатом», например, прозой Набокова, они — «самиздатом», ходившим в кругах российской интеллигенции в семидесятых годах. Мы поражались их эрудиции, памяти (они могли часами читать на память своих любимых поэтов), уму и независимости взглядов. А также щедрости, тому, с какой готовностью делились они знаниями, а также архивными шифрами — вещь невообразимая в наше время.

Друзей и хороших знакомых из Петербурга я могла бы перечислять столь же долго. Пора, однако, заканчивать («закругляться», как говорили разные работницы и уборщицы,

когда наши встречи в каких-нибудь институтах, а не дома, затягивались).

Виктория Сливовская — историк, исследовательница России эпохи XIX века, судеб польских ссыльных в Сибири, а также автор антологии воспоминаний еврейских детей, переживших Холокост. Многие ее работы написаны совместно с мужем, Рене Сливовским, историком русской литературы, скончавшимся в минувшем году.

Пойдем, раскрасишь мой постапокалипсис в желто- синие цвета

Глава из книги «Татуировка с трезубцем»

Вечер был красив, но дорога — убийственна. Разметка и указатели на шоссе — тоже. Через открытое окно машины я вдыхал запахи Галичины: лугов, выхлопных газов старых автомобилей и дорожной пыли. Порой каких-то животных: коров, что ли, или лошадей. В деревнях — запахи деревни: навоза, молока, скошенной травы. Нагретых солнцем камней, известки и дерева. Иногда пластика, иногда жженой резины — шин или хрен пойми чего.

Блуждал я поминутно. Да что скрывать: дороги, считай, просто-напросто не было. Разглядеть ее мешали дыры. Вскорости по такой дороге уже не проедешь, думал я, стараясь не сорвать подвеску. Ее не будет, она закончится. Как стержень в авторучке. Казалось, все действительно поверили, что независимое государство — это дар небес, который сам приведет себя в божеский вид.

Изредка возникала машина; ее водитель, петляя от одного края дороги к другому и бормоча под нос проклятья, ехал, как и я, километров пятьдесят в час. Или, смирившись с реальностью, балагурил по мобильному, одновременно выписывая баранкой кренделя.

И лишь раскрашивание свидетельствовало о том, что здесь функционирует какое-то государство. Что ни попадя красили тут в желто-синие цвета. Украинское государство не в состоянии было придать пространству собственную форму, не сумело его проабдейтить, а так хотя бы осваивало символически. Чтоб никто ненароком не увел.

*

Так вот, все здесь было желто-синим. Искореженные барьерные ограждения по бокам дорог и мостов, автобусные остановки. На

остановках изображения казаков с саблями, Небесной сотни с Майдана, трезубцев, солдат УПА и портреты Бандеры. Чтоб народ не забыл, что ще не вмерла Україна. Что она все-таки существует. Это было похоже на украинское партизанское государство. Ибо связанная внутренне и внешне по рукам и ногам, неспособная закатать дороги асфальтом, разметить на них полосы, позаботиться о селах и малых городах и обо всех тех вещах, которыми обычно занимается государство — Украина ограничилась необходимым минимумом экзистенции. И теперь из своего подполья посылала лишь сигналы: я еще тут. Я еще жива.

В желто-синее цвета красили здесь все подряд. Тут — лавочку, там — водостоки. Совковые детские площадки. Шины, заменяющие собой ограждения. Я даже видел старенький, переделанный на пикап, желто-синий «ЗИЛ», доживающий свои дни припаркованным возле какого-то магазина.

*

Путешествовал я по глухой провинции: Пустомыты, Щирец, Кагуев, Горбачи. Деревни были спокойные. Точно пустые. Лишь иногда загавкает собака да прошмыгнет рыжая кошка.

Иной раз я проезжал мимо небольших старых польских кладбищ. Были точно такими же, как и старые немецкие кладбища в Верхней Силезии, в воеводстве Любушском или на Поморье. Разве что кресты здесь потопорнее, больше бетона, меньше камня, да и кружевная вязь надписей на памятниках поскромнее. Но по существу то же самое — торчащие в зарослях бурьяна, между старыми деревьями рассыпающиеся надгробья с мертвыми фамилиями. Казалось, уже никто не помнит об этих памятниках. То тут, то там выгорали на солнце бело-красные флажки, оставшиеся от посетивших могилы родственников или каких-нибудь романтиков из числа кресовяков. Со всех сторон выстреливала буйная зелень. Я выходил с этих кладбищ и опять пускался в путь. Вокруг синели и желтели пережитки советской цивилизации.

Новые украинские кладбища выглядели почти так же, как новые польские кладбища. Простые плиты, простые буквы. Но тут попадались и выгравированные лазером портреты умерших, такие популярные во всей Восточной Европе — от Камчатки до Сербии. В Польше мода на них почему-то не принялась. А ведь восточно-европейские тенденции в Польше чаще всего укореняются, начиная от гопнической субкультуры

и кончая застройкой балконов. А эта вот — нет. Так что смотрели на меня вырезанные лазером глаза старушек в платочках на голове и дедов с прилизанными волосами, а, скажи им при жизни, что на их могилах будут стоять лазерные портреты, перекрестились бы и со страху дали деру.

Без желто-синей раскраски на кладбище тоже не обошлось. На ограждениях, на воротах. А у памятников украинских героев лежали венки и цветы.

*

Солнце уже почти упало на землю, небо заоранжевелось и все вокруг стало выглядеть, как после ядерной катастрофы. Что было не так далеко от правды. Апокалипсис здесь уже произошел, и все теперь спокойно и потихоньку догорало. Ну ладно-ладно, не буду... иногда что-то чинили, но как-то несерьезно, будто знали наперед, что время настоящей починки еще не пришло, но придет. Потом, когда будет лучше. Через пятнадцать Майданов.

*

В селе Опоры желто-синим выкрасили жестяной навес остановки. И на этом желто-синем нарисовали казака. Тело оказалось на желтом, а голова — на синем. Точно ее прикрутили к телу. В руках казак держал две сабли наголо. Стоял он по пояс в облаках. В дымке такой. Видимо, хотели, символически представить героя Небесной сотни, а вышло, будто срисовали с плаката какого-то фильма. Как это делают в Африке. Аляповато, зато от души.

*

Облака, сквозь которые проглядывал казак, были белыми. Этой же белой краской с лету махнули и по издыхающему, рассыпающемуся заборчику возле остановки. Должно быть, размышлял я, огибая дорожные дыры, местным властям это на руку. Покупаешь синюю и желтую краску и вручаешь какому-нибудь патриоту с художническими способностями. Ведь такой художник-патриот всегда найдется, рассуждал я. Покрасит-нарисует, и о ремонте можно на несколько лет позабыть.

На стоящей рядом с остановкой зеленой перекошенной мусорной урне красовалась надпись: «ПТН ПНХ» *Путин пошел на х...* На остановке не было никого. Да и вообще нигде, насколько хватает глаз, не было никого. Приличный провинциальный апокалипсис.

*

То же самое, как помню, происходило в Крыму, когда там еще была Украина. Все желто-синее. Ограждения, стены, ворота. Иногда даже столбы. Как будто заранее знали, что произойдет, и хотели, чтоб у русских было до хрена чего счищать, соскабливать и перекрашивать. Впрочем, наверняка было. До сих пор осталось, ведь просто так удалить все это хозяйство сразу не получится. Весь Крым был желто-синим.

То же самое в Донбассе, точнее, в той его части, что осталась во власти Киева. При въезде в Красноармейск желто-синим выкрасили гигантскую бетонную стелу с названием города. Заодно теми же цветами разукрасили барельеф красноармейца в буденовке. Даже звезду с буденовки не сковырнули. И стоял этот унылый желто-синий красноармеец так, будто ему на лбу клеймо выжгли. Как униженный военнопленный.

*

Мы ждали маршрутку из Краматорска в Славянск. Некоторое время назад украинская армия отбила эти города у сепаратистов, и теперь все, что только можно, было тут желто-синим. Ленину — он еще тогда в Краматорске стоял — покрасили брючины и цоколь. Трезубец красовался даже на киоске с чебуреками. Такая раскраска не выглядела здесь как замаскированная беспомощность. Здесь она выглядела как танец победы. Довольно-таки грустный танец, зимний и прискорбный, поскольку казалось, что между Краматорском и Славянском всего два цвета — черный и белый — цвета зимы. Эта желтизна и эта синева, которые в общем-то ассоциируются с летом, с солнечным небом, ничего не оживляли. Легче от них не становилось.

Так вот, стояла зима, снег почернел, по обледеневшим ступенькам вокзала осторожно поднимались старушки в тяжелых пальто. Главный зал автовокзала был пугающе пуст, только в углу дрожала от холода какая-то собака. На улице, при

входе, несколько солдат с украинскими нашивками на рукаве подчаливали к девушке. Та высокомерно взглянула на них и пальцами показала, какие, с ее точки зрения, у них. Солдаты загоготали, но как-то неуверенно. Гогот начался как издевательский, но потом из него ничего не вышло, потому что ожидающие маршрутку слегка ухмыльнулись и отвели взгляд. Этого оказалось достаточно: Краматорский *vox populi*, а точнее *risus*^[1] *populi*, разрешил вопрос, кто тут выиграл, и солдаты зашаркали ботинками, как-то невпопад забормотали, а потом и вовсе скрылись где-то за палатками, которых тут было немеряно. Как и при всех вокзалах в восточных городах, от Одера до Тихого океана. Палатки здесь тоже были выкрашены в желто-синие цвета.

— Пошли мериться, — отозвалась какая-то бабенка в большой меховой шапке, и весь зал покатился со смеху. Этот смех был из тех, что вызволяет. Люди смеялись, и угнетающий пейзаж зимнего Краматорска перестал на нас давить с такой силой.

*

Подъехала маршрутка с метановыми баллонами на крыше; выглядели они так, будто того и гляди взорвутся и из жалости превратят все вокруг в развалины. К переднему стеклу был приклеен файл для документов, а внутри него на листе А4 значилось: «Славянск». Люди успокоились, перестали хохотать, сели в маршрутку и опять погрузились в тяжелую депрессию. Все вокруг было беловато-черноватым, серым и посиневшим от холода. На электростолбах вдоль дороги виднелись желто-синие полосы. Везде на одинаковой высоте, будто кто-то, едучи на машине, выставил в окно две кисти.

В этом беловато-черноватом, посиневшем от холода пейзаже, словно руины павшей империи, приходили в упадок останки советской цивилизации.

А приходили они в упадок по всей Украине. Потому что Советский Союз строил щедро, с размахом. Он ведь собирался перегнать весь мир. Сделаться новым всемирным центром и обратить существовавшие до сих пор центры в провинцию. Не Москва и не столицы союзных республик должны были висеть на хвосте у Парижа и Нью-Йорка, а наоборот — Франции и Америке пришлось бы догонять Новый Рим и Новые Афины.

Вот Советский Союз и строил, строил, строил, пренебрегая тем, что строит впрок. Что исповедует культ карго. Советский Союз

думал, что если он построит Новый Рим здесь, на самом конце Европы и всего мира, на землях, в самом названии которых содержится указание на край, окраину, то они, сами по себе, превратятся в Новый Рим. Что русские, украинцы, белорусы, таджики, казахи, азербайджанцы — станут новыми римлянами. Но так не произошло, и когда идеология — движущая сила Советского Союза — начала исчерпываться, когда перестала наполнять собой советского человека и весь Советский Союз, советский человек и Советский Союз как та надувная игрушка, из которой вышел весь воздух, попросту вернулись к своей первоначальной форме. Народ возвратился к расплывчатым категориям национальностей, а из вузовских аудиторий и музеев атеизма пустился в обратный путь к церквям и мечетям. Побросал огромнейшие фабрики и заводы, поскольку не был в состоянии использовать их так, чтобы по-прежнему это имело смысл. В построенных для него миллионных городах начал жить, как раньше жили в деревнях, сколачивая на балконах сараи из всего, что оказывалось под рукой, и выращивая овощи под окнами многоэтажки. Новый Рим сдулся и провинция вновь стала провинцией. Его окраинные земли опять стали Украиной. А развалины несостоявшегося Нового Рима теперь терялись среди трав и снегов, раскрашенные желтым и синим цветом.

*

Цивилизации возникали на реках. Вблизи путей сообщения. Египетские города — на Ниле, месопотамские — вдоль Евфрата и Тигра. Даже польская, не до конца оперившаяся цивилизация, формировалась вдоль Вислы и торговых путей. Варяги подчиняли себе русские поселения на Двине и Днепре — на пути из варягов в греки. На артерии. Артерией же Киева является метрополитен. На киевских станциях метро, внутри большого Киева, словно на речном тракте, возникли маленькие городки с чередой узких улочек между прилавками. Это цивилизация провинциального Киева. В нем нет Крещатика, правительственного района, Подола и улиц, отходящих от Золотых Ворот, где расположен новый киевский град с новой аристократией и богатым мещанством. Зато предместья, «пользующиеся» метро, «доезжающие» до его станций на маршрутках и автобусах — функционируют именно тут, в этих маленьких приметрополитеновских городках.

А сами эти городки выглядят как своего рода арабские медины^[2] или как западноевропейские торговые улицы

в старой части города. Прилавки с навесом крыты синим брезентом, на них трусы, носки, компакт-диски с фильмами из Москвы и Голливуда, ведь все тут зависло между двумя центрами, между Западом и Россией, которая, впрочем, сама — не что иное, как копия Запада, только переиначенная своей провинциальностью и дышащая в сторону этого Запада таким hasslieb^[3], какого еще свет не видывал. Она играет с Западом в труса^[4], чтоб доказать, что трус — это вовсе не она. Злющая, как уродливый и никем не любимый ребенок, топает она ножкой, да так, что дрожат города и рушатся государства.

*

На этих базарах, в этих мекках и городишках, возникших возле пристаней киевского метрополитеновского пути, можно купить все, что необходимо для жизни. А попутно узнать, сколько необходимо. Потому что ненужных вещей здесь нет. Эти места наводят уныние, ибо напоминают о том, что человек — обычный механизм с ограниченным числом основных функций: куртки и шапки — зимой, шорты и майки — летом. Домашние треники, тапки, спортивная и парадная обувь. Что до спортивной — это по большей части подделки самых новых моделей «найков», «рибоков» и «адидасов», поступающие сюда из швейных районов Стамбула; в Одессе, в ее страшноватом порту, «сходят» они на берег и «разъезжаются» по всей стране и ее окрестностям на поездах, маршрутках, машинах, автобусах, протискиваются меж рассыпающихся ограждений давно уже закрытых фабрик и заводов, меж бетонных сооружений, покрашенных в сине-желтые цвета. Обувь эта быстро разваливается и расклеивается, кривая строчка калечит ступню — зато она дешевая. Да все на этих базарах дешевое. О том и речь: Новый Киевский Град, магазины и рестораны на Крещатике и вокруг Майдана — там ведь цены для новой элиты, для аристократии. Для обитателей Нового Града. Здесь же, на посаде, на базаре, возле метро, обычным людям все по карману. По карману и по вкусу. Вместо японских, тайских и шикарных грузинских ресторанов — прямо на лотках чебуреки, хот-доги и хачапури. Вместо сверкающих бриллиантовым блеском бутиков со шмотками за баснословные баксы, с сорочками за две пенсии и обувью за четыре — тут шмотки на вес. Или же новые. Тоже из Турции, может, из Китая, кто его знает.

— А те, курва, что в бутиках, разве не оттуда? — фыркают посадовские люди и презрительно выпячивают губы.

Дамские блузки, мужские блузы — и наоборот. Все эти черные куртки, эти стереотипные черные куртки, в которых ходит весь постсоветок — они тоже отсюда. Тут целая мода. Темные джинсы, иногда даже с такими причудами, как фабричные дыры. Футболки с надписью, вышитой блескучей нитью. Свободно спадающие на бедра рубашки и штаны от спортивного костюма. Туфли с длинным носом, белые мокасины, свитера с узорами. Все это оттуда.

Висит это на манекенах, а манекены точно человеческие полтуши: без голов, без рук, зачастую одни лишь торсы. Ноги отдельно, а на них — чулки и брюки. Те, что не используются, связаны цепью, как рабыни на базаре. Основная электронная техника: маленькие приемнички по доступной цене, дешевые CD- и DVD-плееры, мобильные телефоны и карты для них. Продовольственные и мясные магазины; овощи и фрукты, приправы, творог, сыры и молоко. Чипсы, десятки сортов пива и водки, сигареты. Сладости. Несколько магазинов с инструментами. Газеты и журналы, в том числе старые, недельной давности или еще старее. Кроссворды — чтоб пожилые женщины и мужчины могли над чем-то ломать себе голову в метро, на кухне, на участке, перед сном. Чтоб простыми словами и кириллицей, вписываемой в клеточки, заполнить время, забить дыру, образовавшуюся в смысле их жизни, в их государстве, в мире, истории, в будущем и настоящем, поскольку то, что происходит сейчас, — это всего лишь эрзац, это всего лишь истекающий кровью, слюной и спермой суррогат, в который можно попросту ввинтиться или же нет, но который трудно воспринимать всерьез.

Ну и, конечно, то тут, там палатки с патриотизмом. Футболки с трезубцем и сине-желтым флагом. Иногда с Бандерой. С надписью «ПТН ПНХ» или «Путин — х...о». С казаком с саблей или самопалом. С укропом. Украинцы сочли, что название «укроп», которое придумали для них русские, вполне даже cool, и включили его в число национальных символов.

Люди пожилые недоверчиво обнюхивают прилавки, эти трезубцы, эти флаги, эти желто-синие спортивные костюмы с надписью «УКРАЇНА» на спине, эти ленты в цветах национального флага, которые вплетают в волосы, эти перстеньки с гербом. А молодежь вертится, примеряет, берет с прилавка, разглядывает. Смотрят исключительно на бирки: если *made in China* или *made in Bangladesh* — тогда нормально. Но если *made in Russia* — разве в таком покажешься?

Возле станций метро, на паркингах — машины с приклеенными полосками, на которых красуются узоры,

отсылающие к народным художественным вырезкам. На некоторых машинах — украинские флаги.

*

Есть и такие, которым все это не нравится. Угрюмо пялятся они на желто-синюю моду, на разных там бандер и трезубцы, но почти ничего не говорят. Они пока еще не высовываются — пора не настала. От событий Майдана прошло не так много времени, на границах — война. Не нравится им, когда слышат, что украинскость снизошла на людей как благословение, а раньше, мол, ничего не было. Какая-то такая неопределенная советскость. А советскость — это ведь тоже было что-то. Это тоже была идентичность. А уж если не советскость, то хотя бы был мир русского языка, русской культуры. «Русский мир». Русские, украинцы, белорусы — это все «наши». И некоторые молдаване, наверно, тоже. И, наверно, некоторые литовцы. Потому что Кавказ, Средняя Азия — это уже не то. Это уже чужие. Советские, но все-таки чужие. Скорее «они», чем «мы». А потому неправда, что до украинскости ничего не существовало. Украинскость, как они считают, это что-то неестественное. Если бы их спросили, они бы сказали, что настоящие сепаратисты — украинцы, поскольку это они отрываются от «русского мира», а не наоборот. Но их никто не спрашивает, так чего же самим набиваться с ответом.

Некоторые — если с ними заговорить — побормочут, побормочут, попеняют, но сдержанно. Скажут, что они, мол, скептики. Не то чтобы были за что-то или против чего-то — нет, они только задаются вопросом. Запада, говорят, здесь отродясь не было и в жизни не видать. Зато воры как были, так и будут. Янукович, конечно, вор и бандит, так ведь каждый, кто во власти, — вор и бандит, зато курс гривны был стабильным и общая ситуация тоже более-менее стабильна. А теперь поди угадай, что будет и что делать. Раньше, чтобы что-то повернуть и жить себе спокойно, было известно, кому сколько дать. Теперь, по идее, тоже известно — ведь коррупция какой была, такой и осталась, но сейчас полная неразбериха, и кто знает, что будет завтра. Только голова от всего пухнет. От этого крика «Слава Украине!». От желто-синего. А сколько краски на это идет. Лучше б на больных детей дали.

На одном из таких базаров сидел человек с бесцветными глазами и приторговывал старыми газетами. Светлые, будто выгоревшие волосы, замедленные, анемичные движения. Своим товарищам по торговле рассказывал, что, де, и в

Польше-то он был, и в Литве, и в Латвии, и завидовать там нечему. Судя по бледности и анемичности, он не из тех, кто отдалился бы от своего дома дальше двух остановок маршруткой, но ежели говорил, что был, то, может, и правда, был, подумал я. Внешность обманчива.

— И что им этот Запад дал, той же Польше или Литве? — спрашивал меж тем белоглазый и анемично мотал головой. Черта с два им дал. Самые бедные страны Евросоюза. При коммунизме там и промышленность была, и заводы, а теперь что? Мытье сортиров в Англии и большая эмиграция. Я там не знаю и не разбираюсь, пожал он плечами, я только скептик и всего лишь спрашиваю, но если вам кажется, что вы на том Западе будете кем-то, а не дешевой рабочей силой, если думаете, что будете разъезжать на мерседесах, а не драить толчки — тогда успехов вам и счастья в личной жизни.

Я слушал и думал, что с перспективы восточноевропейского базара вера в демократию, свободу слова и отсутствие коррупции действительно звучит как сказочка для дебилов. Кто-то беспомощно спросил:

— И что теперь? С Россией идти, что ли?

Он повернул в сторону говорящего свои бесцветные с отсутствующим взглядом глаза и сказал:

— Разве я говорю, что с Россией? Я всего лишь скептик, я только задаю вопросы. Ну, а кроме всего прочего, думаете, что кто-то там, на этом Западе, вас ждет? Как бы не так. Вас так же ждут, как этих арабских эмигрантов.

Я прислушивался до того момента, пока на мужика не накинулись, обзывая его российским агентом, и пошел себе дальше.

*

А меж тем на станциях метро желто-синие наклейки, плакаты со сражающимися на Донбассе солдатами, красавцы и красавицы в патриотических футболках. То у одного, то у другой татуировка с флагом, с трезубцем, с какой-либо цитатой из Шевченко — причем шрифт в вычурных завитушках. Иногда возвращаются какие-то бойцы с фронта — из армии или добровольческих батальонов. Дети по эмблемам различают, из какого они подразделения, и восхищенно показывают друг другу пальцем. Но прохожие им уже не

хлопают, как это бывало еще совсем недавно. А ведь поначалу хлопали. Стоит где-нибудь на вокзале или станции метро появиться солдатикам, как сразу же — крик и аплодисменты. Солдатики усмеваются, не совсем уверенные, кому это хлопают — им или еще кому.

Теперь ходят они в форме западного образца, из военных излишков армий Запада, в солдатских берцах — и тащатся за ними военные травмы. Ползут за ними недели, прожитые в руинах того мира, какой они знали с рождения, в котором их воспитывали, какой во многом был одинаков и который казался незыблемым и неуязвимым. Ведь многоэтажки в Донбассе и многоэтажки в Киеве, Черкассах, Тернополе, Виннице — это, по сути, то же самое. Ведь развороченные войной села под Донецком — это села того же постсовка, из которого вышли они сами. Вот так и идут они, и влекутся за ними руины их собственного мира как этакое *temento mori*. Где-то на фронте садятся они в военные машины, едут между разоренными войной зданиями из белого кирпича, похожими на их родимые бело-кирпичные дома, едут в Краматорск или Мариуполь, садятся там на поезд, в поезде *prowadnik* или *prowadnica* выдают им белье, запечатанное в целлофан — все, как было раньше, как есть сейчас и будет вечно, и они безотчетно совершают движения, известные им с самого детства: сбрасывают рюкзаки под лежанку, в багажный отсек, если место внизу, или, если место наверху, раскатывают свернутый матрас, срывают с белья целлофан и надевают на подушки и одеяла наволочки и пододеяльники. Снимают берцы, штаны, все складывают стопочкой, как их научили в армии, а потом ложатся и засыпают, и становится им жарко, потому что окно открыть нельзя, или наоборот — холодно, потому что окно плотно не замыкается, из щели сквозит, локти и шея костенеют, и они с головой накрываются одеялом, и трясутся, не только от холода, но и оттого, что им, курва, всего лишь по двадцать лет, а они уже видели гибель своего мира и стреляли в таких же, как они, пареньков, и это не какая-то там напыщенная риторика, что, дескать, все люди одинаковы, только они, курва, действительно стреляли в таких же вов и паш, как они сами, в людей, воспитанных на тех же, что и они, фильмах и на той же музыке, говорящих на том же языке и матерящихся так же, как и они. А те, курва, стреляли в них.

А через несколько часов они уже у себя, в мире, который выглядит так же, как тот, разрушенный войной, абсолютно так же. С той разницей, что не разрушенный. Или, скажем, в меньшей степени разрушенный. Иначе разрушенный. И это

единственное различие, думают они, шагая по улицам и приглядываясь ко всему из-под лба, и видя условность всего, всей этой жизни, которая здесь продолжается, неосознанная, глупая, им кажется, что все оно навсегда так и останется, и что могут они, дураки, запланировать: школа, женитьба, дети, дети в школу, в университет или в политехнический, на юриста, информатика, инженера, может, и за границу, а квартира — в многоэтажке, лучше всего в новой, с балконом, чтоб сразу был застеклен, чтоб не самому, или даже загородный дом, машина, отпуск в Турции, Египте, поездка в Европу.

А потом пьянствуют, зашибают с друзьями. А что остается? Плачут, рыдают, ревут, чтоб выкричать все, что внутри, правда, они не знают, как это сделать, ведь им, курва, как-никак двадцать с небольшим, и незрелость бьет из них фонтаном, вылезает из щелей и дыр. Они еще не умеют притворяться, не могут прожевать пережитое и выплюнуть его, будто невзначай, с брошенным иной раз словом или двумя. А как бы хотелось! Но это не так просто, этому надо научиться, вот они и пьют, истерически смеются или истерически рыдают.

Во Львове, в кабаке, который тогда еще назывался «Правый сектор», и где можно было полюбоваться китчевыми картинами Майдана, удивительной украинской природы и еще более удивительной украинской истории или же с порога записаться в добровольческие батальоны, — короче, сидело там несколько парней. Один был в военной форме, вернулся с фронта. Друзки его, как и сам он, коротко стрижены, на одном — кожаная куртка, на другом — фуфайка от спортивного костюма. Тот, что в форме, слишком громко и слишком часто смеялся, разливая водку из графина. Судя по цвету, медовуху с перцем. Остальные смотрели на него с плохо скрываемым ужасом. А он смеялся, он просто надрывался от смеху, наливал всем стопку за стопкой и заставлял пить. И они пили, понимая, что если не выпьют, смех в ту же минуту перейдет в рычание и вопль, и все может закончиться каким-нибудь безумием, переворачиванием столов и стульев или скальпированием прохожих, а потому пили, затерроризированные, испуганные насмерть. А не выглядели, заметим, слабаками. Наоборот, выглядели, как компактные танкетки, которые, если захотеть, могли бы пол-улицы разнести в куски.

В другой раз, тоже во Львове, парни в военной форме сидели на детской площадке. На углу Ефремова и Японской, в том месте, где довоенный модерн встречается с постсоветским

гофрированным листом. Те тоже пили, но как-то угрюмо, почти без слов. Трудно было понять, собираются ли они на войну или с нее вернулись, но сидели они на этой детской площадке так, как сидят в крепости, так, будто ни одна сила не имеет права их оттуда согнать. Сидели как в храме. Пили пиво, курили сигареты, и было видно, что им совершенно наплевать на все геройство этого мира и на все его рассказы о войне. Но испуганными не выглядели, совсем нет. Скорее такими, с кем лучше не связываться. Со стороны Коновальца к площадке приближались менты; своим шестым ментовским чувством, этим безошибочным инструментом для обнаружения и предотвращения угрозы, они мгновенно их заприметили, но случаем не воспользовались, не подскочили к ним, не пристебались из-за какой-то мелочи, чтоб выудить пару гривен штрафа или взятки. Обошли за версту, глядя друг другу на потертые носки берцев.

Пили и в Днепропетровске. На берегу реки. Но не глушили, скорее, распивали, таясь. Смешивая водку с колой или соком. Несло от них потом, грязью и алкоголем, под ногтями черно, а ладони такие, будто они с рождения перебрасывали землю голыми руками. Тут уж никаких сомнений, что они с фронта, не было. Сидели на берегу Днепра, в том месте, где река очень широкая — по крайней мере для поляков, ведь для поляков основной мерой реки является Висла — и шутили, не так чтобы громко. От них в свою очередь веяло отрешенностью. Какой-то такой неестественно спокойной отрешенностью. Довольно-таки устрашающей, если честно, потому что выглядели они, будто только что вышли из ада, уселись на обочине и заулыбались. Было видно, что спешить им некуда, да и не были они заинтересованы куда-либо идти, хотя чувствовалось в них нечто преходящее. Кто-то был с рюкзаком, кто-то с полиэтиленовым пакетом с запиханными туда свитерами, пледами, кто-то со спортивной сумкой через плечо. Если б не военная форма и армейские рюкзаки, их можно было бы принять за разъездных торговцев. Или бомжей. Особенно с учетом этого распития тайком и исходящего от них легкого водочного перегара. Шутили они так же спокойно, как и пили, и в этом почти апатичном спокойствии было что-то убийственное, как и в истеричности парня из львовского кабака, и мрачности ребят с детской площадки.

Перед ними был Днепр, справа — протискивающийся к воде ресторан в форме летающей тарелки, а слева — недостроенная гостиница «Парус». Предмет особого внимания Брежнева, он ведь в молодости работал неподалеку, в Днепродзержинске. Строительство начато в семидесятые годы с небывалым

размахом: здесь предполагалось открыть бальные, концертные и конференционные залы, кинотеатры и рестораны на сотни посадочных мест, кафе и все это с полной инфраструктурой для обслуживания отдыхающих, с десятью пассажирскими лифтами и семью товарными. Но сперва умер Брежнев, в след за ним — Советский Союз, и на берегу Днепра остался гигантский, оскалившийся труп без окон, без дверей и без пола. Как мертвое тулово чудовища, выброшенного на берег. От десяти пассажирских и семи товарных лифтов сохранилось десять и еще семь зияющих стволов, уходящих в черноту бездны.

В руинах, оставшихся от Советского Союза, как оно часто случается в руинах, люди теперь пьют и ширяются. Кто-нибудь нацарапает или нарисует что-то на голых стенах. Кто-то порой самоубьется, прыгая в бездну, кто-то свалится туда по пьянке.

Что сделать с этим объектом? Идея украинского государства оказалась тут бесхитростной — его покрасили в желто-синие цвета. А на фасаде нарисовали большой трезубец. Да, это был очередной труп, выкрашенный в цвета национального флага. Теперь он играл роль гигантского билборда, самого большого в городе символа днепропетровского патриотизма.

*

Мне хотелось подойти к парням и спросить, что значат для них эти символы. Этот флаг и этот трезубец. Правда, родились они уже в независимой Украине, от силы — в позднем Союзе, и под трезубцем и флагом прожили всю свою сознательную жизнь. Но, как мне казалось, никогда ранее эти символы не были для них тем, ради чего стоило убивать или умирать. Никогда не были чем-то до конца серьезным, чем-то абсолютным.

— Я — украинец, но это идентичность, которую я выбрал себе сам, — сказал мне как-то мой приятель из Закарпатья. — Но если бы мне в ней что-нибудь не понравилось, я бы от нее отказался. Только и всего.

Ну, ладно, Закарпатье — это специфичный приграничный район, Украина же стала страной, сделав самой себе подарок. Она попросту нарисовалась, поскольку Советский Союз развалился, и с этим надо было что-то сделать. Но прежде чем началась серия Майданов, украинская идентичность не проявлялась нигде, кроме Западной Украины, нигде она не была чем-то очевидным.

Понятно, что на западе все выглядело иначе. Там украинскость имеет свое обличье и форму, свои мифы и свой язык. А тут, на востоке, все произошло как-то незаметно. Да и создавалось незаметно. В старую советскую форму постепенно начала входить новая. Несколько иная, чем та, какую приобретала действительность по другую сторону границы, хотя и не особо разнящаяся. В принципе менялись детали. Таблички на государственных учреждениях и институтах стали синими, а буквы желтыми. На старых, гигантского размера, добротных шапках милиционеров и солдат теперь вместо звезд виднелись трезубцы. На регистрационных номерах машин появились желто-синие обозначения. И шапки, и машины были те же, что и в СССР, и те же, что в России, но знаки были уже другие. Старые почтовые ящики со штампованной надписью по-русски «ПОЧТА» покрасили в желтый цвет, а по пробитой штамповке синим цветом написали «ПОШТА». Рубли сначала обменяли на карбованцы (так по-украински назывались рубли), а позднее — на гривны. И хотя их продолжали называть рублями, банкноты, которые появились у людей в карманах, отличались от старых и российских. Портреты на этих банкнотах рассказывали о совсем другой истории. Или, по крайней мере, по-другому вели рассказ. То, что когда-то находилось на окраинах истории, теперь переносилось в самый центр, под свет юпитеров.

Короче говоря, действительность была той же, но она пыталась опечатать себя другой символикой. А символика старалась втянуть действительность в иной мир.

*

Украинские цвета — синева и золото — пришли из символики Галицко-Волынского княжества, в гербе которого на синем геральдическом щите изображен золотой лев. Некоторые считают, что золото и синева — это цвета Анжуйской династии, венгерская линия которой правила в Средневековье в Галицкой Руси. Теперь же эти цвета чаще всего интерпретируют как цвет неба и пшеничного поля на возделанной, плодородной земле. Украинцы, те, что из романтиков, считают цвета флага как нельзя более удачными — куда ни глянь, всюду этот символ. Менее романтичные думают иначе: чтобы флаг наилучшим образом передавал украинский пейзаж, нужно нижнюю полосу обильно покрыть раскрошенным бетоном и разъезженной грязью.

Не совсем известно, откуда взялся украинский трезубец. Точнее, известно, откуда он взялся на гербе. Предложил его историк Михайло Грушевский в 1917 году, как раз тогда зарождалась Украинская Народная Республика и создавался ее герб. Проекты были разные: желтая буква «У» на синем фоне, желтые звезды на синем фоне (по числу букв в слове «Україна» или по числу традиционных украинских регионов), архангел Михаил и казак с мушкетом. Михайло Грушевский предложил создать Большой герб на щите синего цвета, поделенном на шесть полей. В центральном поле, в самом сердце щита, предполагалось поместить золотой плуг — символ миролюбивого сельского народа. А вокруг расположить общепринятые украинские символы, то есть Святого Георгия, льва Галицко-Волынского княжества, запорожского казака, символ Киева — лук со стрелой, который натягивают вырастающие из облаков руки, и трезубец — знак Рюриковичей, основателей Киева. Из всего этого остался один трезубец — был он самым узнаваемым символом, к тому же, его проще простого нарисовать на стене.

Но почему именно трезубец взяли себе Рюриковичи в герб? Одни утверждают, что это упрощенный рисунок сокола, камнем падающего с высоты вниз, другие — что это знак старославянского Перуна. Есть и такие, что отождествляют трезубец с Нептуном и Посейдоном. И даже с Атлантидой. Почему бы и нет? Однако, скорее всего ведет он свое начало от тамг степных кочевников — символов, которыми номады метили своих лошадей и свой скот, выжигая на их шкуре тавро, и эти символы впоследствии стали родовым знаком.

*

Именно так говорил шофер Владимир, который вез нас в Донбасс. А Владимир он потому, что происходит ... ладно, не буду... говорят, что он украинец, но он из тех украинцев, что родился и померет Владимиром, а не Володымыром. Владимир любит детективы, но больше всего всякие истории об известных одесских бандитах. О Мишке Япончике, например, любит также песню об изменщице Мурке и так далее. Ехали мы по замерзшей степи, где-то на границе Запорожья и Дикого Поля, все это происходило тут, думалось мне, а Владимир рассказывал нам о том, кто управлял всем на одесской Молдаванке. На подъезде к Першотравенску началась метель, но потом внезапно распогодилось. Возле автобусной остановки, среди степи стоял бронетранспортер, а рядом — милицейская патрульная машина. Вид был странный — до

Донецкой области еще далеко; может, сочли, что береженого... Хотя, если разобраться, непонятно, от чего беречь, или что делать с этим одиноким бронетранспортером в случае чего. Остановились мы напротив остановки, возле какой-то наглухо закрытой, необитаемой гостиницы в стиле девяностых. За остановкой аж до самого края света тянулась степь. Такая степь Владимиру была не по душе. Дичь, мол, Азия. Другое дело Одесса. Цивилизация. Русская, правильная культура. По Днепропетровску, где он живет, тоже, говорит, проедемся. Там, в этом Днепропетровске, полно бандитских историй, они, мол, даже вполне правильные. Не такие, как в Одессе, но тоже ничего. Но эти степи, говорит, эх...

Украинский трезубец, говорит, он, как раз из этих степей. У печенегов, у дикарей этих, были, мол, такие символы. Нормально, да? А теперь, говорит, это государственный символ, его уважать надо, но о происхождении — то как забудешь?! С флагом, говорит он и поводит глазами по бескрайней степи, уже лучше, флаг — шведский, правильный. Скандинавский, сине-желтый. Как Икеа. Я, говорит, когда-то из Икеи мебель возил, из Польши. Приличная мебель, какой разговор. Так же, как и «Вольво» — приличная марка. Швеция — это класс. Ну и украинский флаг — это то же самое, что флаг Швеции. Ведь Украину шведы основали. Викинги. А это, с его точки зрения, знатное происхождение. Поэтому, говорит он, докуривая сигарету, я все украинские символы уважаю, и трезубец, и флаг, но флаг все-таки больше.

Он докурил, потушил окуроч, растерев его носком ботинка на выложенном дешевой красной плиткой подъезде к гостинице, и мы поехали дальше.

Перевод Ольги Лободзинской

-
1. Улыбка (лат.)
 2. Старые, торговые части арабских городов.
 3. Сложное чувство, смесь любви и ненависти (нем.)
 4. Аналитическая игра, используемая в построениях теории игр и теории стратегического мышления. Идею игры можно наглядно показать на примере: двое ведут машину с максимально возможной скоростью навстречу друг другу. Проигрывает тот, кто первым уступит дорогу. Это он считается трусом и теряет лицо. Но если каждый игрок будет пытаться достичь для себя более предпочтительного положения, исход игры может оказаться худшим для них

обоих. Тут необходима кооперация. Параллели со всевозможными конфликтами в реальной жизни очевидны.

Ян Новак-Езёранский

Александру Солженицыну открытое письмо

Ян Новак-Езёранский. Фото: East News

Представляем документ особого значения. Это открытое письмо Яна Новака-Езёранского (1915–2005), легендарного эмиссара Главного командования Армии Крайовой на маршруте Варшава–Лондон, основателя и руководителя польской редакции «Радио Свободная Европа» (1951–1976). Петербургское издательство «Когита» в феврале этого года выпустило сборник его публицистики последних лет жизни «Восточные размышления». К сожалению, в результате чьего-то чрезмерного усердия, тираж бумажной версии временно недоступен для читателей. Книгу, однако, можно читать на сайте: cogita.ru.

[апрель 1976]

Прежде всего, позвольте представиться. В течение двадцати четырех лет я был руководителем польского вещания «Радио Свободная Европа». Я покинул этот пост полтора года тому назад, руководствуясь мотивами, о которых скажу позже.

В наших польских программах многие годы почти ежедневно повторялась Ваша фамилия, а все, что вышло из-под Вашего пера, точно повторялось на польском языке и принималось миллионами моих соотечественников, которые, слушая нас, с затаенным дыханием следили за Вашей судьбой.

Мы были единственным отделом РСЕ, который — благодаря помощи Ежи Гедройца, редактора парижского ежемесячника «Культура» — полностью, день за днем, в пятнадцатиминутных отрывках передал Вашу горькую эпопею человеческого мученичества — «Архипелаг ГУЛАГ», не опустив в ней ни одного слова, ни запятой.

И не будет преувеличением сказать, что, благодаря «Культуре» и радиостанции «Свободная Европа», никто из русских в истории польского народа не был окружен таким восхищением, уважением и симпатией, как Вы сегодня в Польше.

Именно поэтому я благодарен Вам как человек, как поляк и как бывший руководитель радиостанции, вещающей на Польшу. Ведь Вы помогли нам перебросить первый мостик над пропастью, которую вырыли между двумя нашими народами преступные разделы Польши и столетняя неволя, нападение на нашу страну в сговоре с Гитлером в 1939 году, массовые депортации нашего населения в лагеря и тюрьмы, уничтожение наших пленных, цвета польской интеллигенции, в Катыни и других неизвестных местах казней, трагедия Варшавского восстания, а также принесенный на штыках Красной Армии строй, который — отняв у нас свободу и независимость — лишил польский народ плодов победы над Гитлером.

Все эти бедствия до сих пор связывались в польском сознании с Россией и русскими. И только Вы показали полякам, украинцам, чехам, словакам и другим поработленным народам Восточной Европы, что существует ДРУГАЯ Россия, которая страдает так же, как страдают они, Россия, которая тоже стала жертвой страшных преступлений и бедствий. И что есть ДРУГИЕ русские — такие, как Вы — не враги, но наши союзники и товарищи по несчастью.

Красный тоталитаризм, который — как Вы справедливо утверждаете — ничем в моральном смысле не отличается от коричневого, правит, опираясь на запугивание своих подданных, порабощение их разума и разжигание среди них взаимных национальных, религиозных, классовых и расовых антагонизмов. Поляков натравливают на украинцев, христиан на евреев, крестьян и рабочих на интеллигенцию. А Вы вынесли из лагерей чувство солидарности и единения людей, связанных общим страданием, и стали апостолом единственного завета, который может принести спасение: союза всех людей, порабощенных советским строем, невзирая на их национальность, вероисповедание, происхождение или профессию. Вы проявили героическую смелость не только тогда, когда находились в досягаемости КГБ, но и позже, когда говорили Западу горькую, досадную, непопулярную правду, предостерегая перед судьбой, которую готовят себе народы, утратившие волю к борьбе и готовность к жертвам ради защиты самих себя, либо желающие окупить иллюзию своей безопасности и собственную свободу ценой несвободы других.

Не сомневаюсь, что Вы еще не раз возьмете слово, отвечая критикам, обвиняющим Вас в том, что Вам хотелось бы подтолкнуть мир к ядерной катастрофе, ибо до сих пор Вы не указали способа спасти западные демократии, не прибегая к войне.

Подразумевая именно Ваши будущие выступления, я направляю Вам это открытое письмо, которое одновременно является призывом к помощи. Помощи не мне, а тем, кто Вам наиболее близок, и к кому принадлежите Вы сами.

Конечно, Вы полностью осознаёте значение западного радио для правозащитного движения в Советском Союзе и других странах под властью тотальной коммунистической диктатуры. Для нескольких сот миллионов человек, живущих в коммунистическом блоке, западное радио — единственный источник информации и мнений, а также единственное средство связи с внешним миром. Но для немногочисленной группы диссидентов Би-Би-Си, «Голос Америки», «Немецкая волна», а прежде всего «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» — это, к тому же, приводной ремень между ними и широкими массами граждан в их собственной стране.

Без этого средства информации широкой общественности было бы совершенно неизвестно об их выступлениях, смелости и самоотверженности. Огласка, которой западными средствами массовой информации предаются репрессии, преследования, направленные против борцов за права человека, представляет

собой их единственную защиту перед органами принуждения и террора.

Как Вам известно, Конгресс США, американская пресса и общественное мнение подавляющим большинством отвергли в 1973 г. предложение сенатора Фулбрайта закрыть «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» как «пережитки холодной войны», однако оказалось, что сенатор Фулбрайт был не единственным приверженцем этой точки зрения.

История обеих радиостанций в 1971–1976 гг. стала — несмотря на многочисленные отрицания и публичные заявления — точным отражением позорной доктрины Зонненфельдта[1]. Под фальшивым предлогом экономии денег американского налогоплательщика, персонал обеих станций был сокращен почти на треть. Команду редакторов только польского вещания урезали на 40%. С одной стороны, были введены высокие премии для тех, кто соглашался уйти до достижения пенсионного возраста, с другой — герметично заблокирован приток новых сил, что приговорило обе радиостанции к постепенному увяданию и лишило их будущего. Массовое увольнение людей, ежегодно повторяемое все новыми волнами, привело к деморализации и подрыву идейного духа сотрудников, глубоко подавленных и живущих в постоянном страхе о завтрашнем дне. Бесконечное выдвигание новых проектов реорганизации, слияния, идеи о переносе радиостанций на территорию США, то есть далеко от стран, проблемами которых они должны каждодневно жить, борьба, которую вел вызванный Конгрессом к жизни Комитет по международному радиовещанию за то, чтобы отобрать у обеих радиостанций автономию, защищавшую их от вмешательства дипломатов и правительственной бюрократии — все это вместе лишило эти инструменты условий стабильности и спокойствия, необходимого для всякой творческой работы.

Одновременно, во имя экономии и из-за отсутствия средств, в течение ряда лет отклонялись требования увеличить мощность и модернизировать устаревшие и слабые передатчики, датируемые, по большей части, 1951 годом. В то же время Советский Союз и страны коммунистического блока швыряли сотни миллионов долларов на эффективное глушение западных радиостанций, а также наращивание мощности собственных антенн и зарубежного вещания — открытого и подрывного.

Принятые Комитетом по международному радиовещанию политические директивы, обнародованные в отчете за 1976 г., являются ярким примером морального дуализма эры

Киссинджера^[1] — Зонненфельдта^[2]. Тогда как в предисловии «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» были определены как «независимые радиостанции», которые должны заменять слушателям свободную прессу и радио, вторая часть директив представляет собой длинный список запретов и ограничений, находящихся в явном противоречии со свободой слова и правом наций на самоопределение.

Среди прочего, самиздатовские журналы должны подвергаться «тщательному изучению», прежде чем их можно будет распространять по радиоволнам.

Чувствуя свое бессилие перед постепенным демонтажем инструмента, которому я посвятил бóльшую часть своей зрелой жизни, я покинул свой пост с 1 января 1976 года.

Перелом произошел только теперь — в момент, когда президент Картер на первый план своей программы выдвинул вопрос защиты прав человека, порвав, таким образом, с двойной моралью своих предшественников. Это нашло свое немедленное выражение и в отношении к радиостанциям «Голос Америки», «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода». В публичном заявлении президент США повысил их ранг, назвав важнейшими инструментами американской внешней политики. Обещание удвоить мощность антенн всех трех радиостанций позволяет питать надежду, что их голос преодолеет глушение и будет достигать миллионов Ваших соотечественников, а также их товарищей по несчастью в странах Восточной Европы.

Однако программа президента Картера может быть реализована и найти последователей в таких странах, как Великобритания, Западная Германия и Франция, только если встретит поддержку широкого общественного мнения в США и во всем западном мире.

Вы были бескомпромиссны в своей смелой и уничтожающей критике политики Запада по отношению к советскому тоталитаризму. Сегодня я призываю Вас бросить на чашу весов свой значимый голос, потребовав полностью использовать те возможности, которые создает сейчас техническая революция в области средств массовой информации.

Наверное, никто лучше Вас не осознает стратегическое значение этого требования. Если бы западные радиостанции начали передавать программы на Россию не в 1946, а в 1918 году — стало бы невозможным тотальное порабощение сознания целого поколения, родившегося в СССР в межвоенный период и

выросшего в условиях герметичной изоляции от внешнего мира. Везде, где голос западного радио, преодолевая глушение, достигает слушателя, смысл цензуры теряется. Ведь повернув ручку радиоприемника, каждый может узнать обо всем, что пытается скрыть от него власть. А правящая бюрократия вполне отдает себе отчет, что тоталитарный строй не продержится долго без эффективно действующей цензуры, обеспечивающей монополию на информацию, пропаганду и воспитание.

Кремлевская олигархия, объявив Западу идеологическую войну, открыто провозглашает, что на этом пути — без применения оружия — она будет стремиться одержать верх над западными демократиями и добиться глобальной победы. Одной из первоочередных целей этого наступления с самого начало было выбить из рук противника то орудие, которым является радио, а в будущем станет спутниковое телевидение. Это понял президент Картер.

Зато не понимают значения этого орудия люди Запада, привыкшие к тому, что радио и телевизор — это лишь поставщики развлечений. Однако Вы, как великий писатель, наверняка цените значение слова в качестве носителя мыслей и идей.

«В начале было слово». У Христа не было иного оружия, помимо слова, которое, распространяемое и повторяемое из уст в уста Его учениками, победило тогдашний языческий мир. Благодаря слову целые народы покорялись создателям религиозных учений, мыслителям, философам, писателям, отцам новых идей, которые увлекали за собой приверженцев, высвобождали мощные ресурсы человеческой энергии, пробуждали готовность к безграничному самопожертвованию и подвигу, вооружали одних и обезоруживали других.

Западный мир, купающийся в благосостоянии и комфортной жизни, прельщенный материальной мощью современных вооружений и средств уничтожения, не только утратил веру в какую-либо идею, но и забыл о значении слова как носителя человеческих мыслей. Но у него еще осталась свобода, выражающаяся в свободном столкновении различных, зачастую противоположных, взглядов. Независимое свободное радио, а в будущем спутниковое телевидение, являются как бы проекционным аппаратом, способным перенести образ свободы, обладающий большой притягательной силой, на экраны человеческого сознания от Эльбы до самой Камчатки.

Не будет никакого толку от астрономических сумм в миллиарды долларов, предназначенных на производство современных средств уничтожения, если их применение означает массовое самоубийство, а единственной альтернативой может быть лишь постепенная капитуляция — сдача без выстрела одной позиции за другой. Сама техническая и материальная мощь может оказывать разоружающее воздействие, создавая ложное ощущение безопасности так, как линия Мажино морально разоружила французов перед 1939 г.

Вооружения, необходимые в момент нарастания угрозы, сами по себе не дают ответа на вопрос, как Запад хочет защититься и одержать победу в идеологической конфронтации с советским тоталитаризмом.

Поэтому поднимите еще раз свой голос, чтобы указать направление контрнаступления. Этот голос вызывает сопротивление тех, у кого он нарушает блаженный покой или отнимает моральное алиби, но к каждой Вашей мысли внимательно прислушивается весь мир. Напомните, что направлением идеологического контрнаступления может быть только воздействие с помощью слова на умы людей, живущих в этом большом лагере, имя которому «Блок социалистических стран». Речь идет о слове, которое не подстрекает к насилию, а — указывая на свободу — освобождает порабощенный разум, побуждает к самостоятельному мышлению, помогает людям преодолеть паралич страха, лишая существование цензуры смысла и резона, делая невозможным промывание мозгов и становясь рычагом перемен. Покажите западному общественному мнению, что на этом пути можно увидеть свет надежды на спасение и победу, не прибегая к войне и ядерному хакари.

Технический прогресс окрылил слово как носитель мыслей, идей и информации. С каждым днем приближается эра спутникового телевидения, которое позволит рабочему или крестьянину, живущему в самом глухом колхозе, собственными глазами увидеть условия жизни при свободном строе. Нужно лишь сосредоточить соответствующие финансовые средства и признать право первенства, чтобы ускорить включение международного телевидения в арсенал идеологической борьбы.

Присутствие на Западе многочисленных диссидентов во главе с Вами впервые открывает перед «Радио Свобода» возможность заговорить столь сильным голосом, который оказал бы влияние на людей и достиг самых отдаленных уголков СССР.

Предостерегая западное общество, укажите ему также путь выхода и пробудите надежду, ибо без надежды нет воли к сопротивлению.

Заканчивая, прошу принять выражения глубокого восхищения, почтения и преданности.

Ян Новак

Публикация на польском языке: **Я. Новак-Езёранский, Е. Гедройц. Письма 1952-1998.** Выбор, обработка и предисловие Д. Платт. Вроцлав 2001.

-
1. Генри Киссинджер — государственный секретарь США в 1973-1977 гг., был противником доктрины Зонненфельдта.
 2. Гельмут Зонненфельдт — советник президентов США по иностранным делам в 1974-1977 гг., сформулировавший доктрину, согласно которой, ради того, чтобы избежать Третьей мировой войны, следовало оставить страны Восточной Европы в сфере влияния СССР.